

Иван Ильич

РУССКИЙ
КОЛОКОЛ

*

**Иван Александрович Ильин
Ю. Т. Лисица
Русский Колокол. Журнал
волевой идеи (сборник)**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11797678
Русский Колокол. Журнал волевой идеи (сборник): ПСТГУ; Москва; 2008
ISBN 978-5-7429-0372-7*

Аннотация

В настоящий том включены 9 номеров «Русского Колокола. Журнала волевой идеи», который редактировал и издавал И. А. Ильин с 1927 по 1930 год.

В Приложении помещены подготовительные материалы к журналу, находящиеся в Архиве Ильина; они публикуются впервые.

Содержание

Задание журнала[1]	6
Общее направление журнала[6]	10
Религия и религиозный кризис	10
Православное Христианство	11
Церковь	12
Католичество	13
Философия	14
Наука	15
Искусство	16
Россия	17
Русская история	18
Русский Пантеон	19
Русская идеология	20
Русская интеллигенция	21
Предреволюционная Россия	22
Революция в России	23
Мировая война	24
Мировая революция	25
Советская Россия	26
Грядущая Россия	27
Национальный вопрос в России	28
Международное положение России	29
Хозяйственное развитие России	30
Крестьянский вопрос в России	31
Армия	32
Народное образование	33
Орфография	34
Белая идея	35
Нравственность и идеализм	36
Характер и воспитание	37
Родина и патриотизм	38
Национализм и интернационализм	39
Право и правосознание	40
Государство и власть	41
Политика вообще	42
Свобода и либерализм	43
Равенство	44
Семья	45
Монархия и республика	46
Демократия	47
Парламентаризм	48
Проблемы мирового хозяйства	49
Собственность	50
Социализм и коммунизм	51
Политические уроки мировой истории	52
Пути и способы нашей борьбы	53

Меры переходного времени	54
1927	55
№ 1	55
Часть I	55
«Русский колокол»	55
О священном	59
Как нам быть? (Из писем о России)	62
Наша государственная задача	70
Мы требуем понимания (Открытое письмо к русской эмиграции)	74
Бесстрашные люди (Историческая справка)	77
О политической работе	80
Часть II	84
От редакции	84
Россия перед революцией	85
Русская территория (1914–1927)	91
Население России (1897–1914–1927)	93
Как хранить тайну (Правила и советы)	96
Девизы Белого движения	98
№ 2	100
Часть I	100
От редакции	100
О русской интеллигенции	100
Лицом к России!	105
Кризис современного искусства	108
Вы наши братья!	113
Великие строители России	117
Православие и государственность	122
Пафос героизма и идеи современности	126
Живой опыт коммунизма	131
Часть II	136
Историческое бремя России	136
Русская эмиграция в цифрах	140
О признании советской власти (Правила и советы)	142
О сопротивлении злу силою	146
1928	148
№ 3	148
Часть I	148
Победит правое дело	148
Армия	150
Будущее русского крестьянства	154
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Иван Ильин

Русский Колокол. Журнал волевой идеи (сборник)

- © Лисица Ю. Т., составление и комментарии, 2008
- © Лисица О. В., подготовка текста и именной указатель, 2008
- © Шканов Л. Ф., оформление, 2008
- © Издательство ПСТГУ, 2008

* * *

*Посвящается 125-летию со дня рождения Ивана Александровича
Ильина*

«С мая началось мое горение и кипение. Я поставил перед собою задачу – служить России и только России. Не лицам, не кружкам и не партиям. Печатать о том, что всего нужнее России – и сейчас, сию минуту (для боевой борьбы), и на сто лет вперед (обновленный лик России). В одиноком и сосредоточенном углублении выработывал я программу журнала, тон его, необходимые темы и списывался с сотрудниками...»
Из письма И. А. Ильина к Н. Н. Крамарж от 22. 4. 1928 г.

Задание журнала¹

1. Национальная Россия нуждается в патриотической, волевой и ведущей *идее*. Эта идея должна установить цель всей предстоящей борьбы за Россию и притом не только на ближайшие сроки, а на целые десятилетия. Она должна воодушевить и вести *все* здоровые элементы России – как в зарубежье, так и внутри страны. Она должна быть не только государственной и национальной, но охватывающей *все* стороны духовной культуры.

2. Революционное крушение России было прежде всего идейным и волевым крушением русской *интеллигенции*. Отсюда наше основное задание: *идейное и волевое обновление духа в русском образованном слое*. Всякую страну всегда ведет ее интеллигенция, дающая своему народу духовное направление, образование, власть и дисциплину. Так всегда было; так всегда и будет. И посему там, где национальный образованный слой оказывается несостоятельным – на его место вступает интернациональная или чужестранная интеллигенция.

Мы верим, что Россию поведет и впредь ее собственный национально чувствующий и мыслящий образованный слой, но уже с новой идеею, с новой верою, с новым творческим пафосом. Эта идея и этот пафос были выношены в нашей белой борьбе. Они имеют свои глубокие, национально-исторические корни. Они нуждаются в раскрытии и обосновании.

Строить Россию значит прежде всего строить дух ее интеллигенции. И к этому мы обязаны приступить немедленно.

3. Журнал мыслится редакцией как идеологически-философский и политико-публицистический. При этом он не должен иметь отвлеченно-научного характера: он должен быть *прост* и *доступен*. Но общий тон должен быть *волевым* и *ведущим*; проникнутым верою в свою правоту; произносящим определительное *да* и недвусмысленное *нет*. Ибо идея есть не только отвлеченный идеал, но движущий мотив, руководящая сила, живое умонастроение и творческое воленапряжение. Только вера зажигает сердца. Только убежденность родит убеждения. Только слово, равносильное поступку, кует характер и ведет к борьбе.

Это совсем не означает, что всякая статья должна быть «патетическим воззванием». Мы вовсе не должны впадать в банальную агитацию или аффектированность. Напротив: необходимы и разъясняющие, и спокойно аргументирующие, и идейно-полемиические статьи. Но желательно, чтобы журнал создавал атмосферу волевой уверенности и некой ответственной властности.

Этим и должен определяться тон нашего журнала.

Мы должны говорить мужественно и твердо, не боясь возможных ошибок и не стремясь предвосхитить все возможные грядущие «политические конъюнктуры»: судить нас будет Россия и история, но не современники.

Далее, волевая определительность неизбежно упрощает многое, и нам придется мириться с этим. Однако упрощенная *формула* не должна упрощать нашего *опыта и разума*: тогда мы будем застрахованы от вульгарности.

Наконец, говорить публично значит не говорить только перед друзьями, но и перед врагами. Ныне это верно, как никогда. Отсюда необходимые умолчания в темах и ответах. Однако резервации наши должны быть мудры, честны и взаимны только интересами самого дела: тогда мы будем застрахованы от неискренности.

4. Для того чтобы выдвинуть *идею*, а не просто политическое требование или тактический лозунг, нам необходимо увести наше внимание от политической злобы дня и подняться

¹ «Задание журнала» – печатается по машинописной рукописи, находящейся в Архиве Ильина (кор. 40, п. 4). Публикуется впервые.

над текущими событиями. События дня не будут предметом наших суждений; они могут дать лишь повод для идейного освещения и раскрытия *общей проблемы по существу*.

Далее нам надо умственно отрешиться как от дореволюционных, так и от специфически зарубежных делений, течений и постановок вопроса, ибо весьма возможно, что ни те ни другие совсем не улавливают основного существа каждой из состоящих перед нами проблем. Так, например, проблемы монархии и собственности не имели верной постановки до революции; проблемы национального воспитания и художественного кризиса совсем не поставлены в зарубежье. В частности, дореволюционные политические партии были вообще безыдейны в настоящем смысле этого слова; и все крайне правые и все левые течения зарубежья движутся ныне по-прежнему в русле этой безыдейности и потому фальшиво ставят и ложно решают все вопросы.

Наш журнал принципиально отрицает безыдейную политику и безыдейную «культуру». Он ищет идейного обновления и идейного творчества в уверенности, что именно на этом пути может и должна возродиться волевая и здоровая традиция русской национальной культуры.

5. В этом идейном искании следует отправляться от того *отрицательного опыта*, который дала нам революция, доводя его до осознания и очевидности и двигаясь вперед при свете этой очевидности. Революция обнаружила гибельность известных путей. Этой гибельности мы должны противопоставить *спасительность других путей*, которые могут оказаться и противоположными путями, но могут оказаться и путями *меры и середины*.

Во всяком случае, мы должны стремиться к тому, чтобы указываемые нами решения исходили из *глубокого существа вопроса*, учитывали общечеловеческий духовный кризис и общечеловеческий социальный опыт и указывали России духовно-верный и политически спасительный путь на целый ряд десятилетий вперед.

Иными словами: именно глубина идеи обеспечит ее верность и ее длительную полезность родине. Мы должны выдвигать такие идеи, чтобы у нас самих была уверенность, что наши потомки и через пятьдесят лет и через сто лет признают нашу патриотическую и историческую правоту.

6. Именно это и должно положить начало духовному и волевому единению между внутренней и зарубежной Россией.

Идеи, выдвигаемые нами, должны принципиально идти *мимо* этого исторически сложившегося, но патриотически несостоятельного и политически вредного деления: они должны выражать тот духовный и национальный опыт, который объединяет патриотически чувствующих и национально мыслящих русских, *независимо* от их местопребывания. Наши статьи должны быть (неподчеркнуто) обращены одинаково и к зарубежному, и к подъяремному русскому патриоту. И это имеет особую важность ввиду того, что известное количество номеров журнала будет печататься на тонкой бумаге и переправляться через кордон.

Наряду с этим мы должны позаботиться о том, чтобы наш подъяремный читатель почувствовал, что мы не только не осуждаем его за его пребывание под большевицким ярмом, но что мы знаем о его верности родине, что мы любим его как брата и чтим его как страдальца, что мы дорожим нашим единомыслием с ним и мечтаем о нашей грядущей совместной работе.

7. Признавая, что революционный кризис наших дней больше обличил и скомпрометировал в русской интеллигентской идеологии, чем действительно разрушил и ликвидировал в душах, и что, следовательно, необходима и важна сознательная довершающая работа по ликвидации обличенных умонастроений, мы тем не менее должны все время отводить первое место *положительному* идейному творчеству и выяснению. Обличая и разрушая, мы должны зорко и нещадно договаривать все до конца; но в то же время мы не должны

впадать в чистое отрицание и разрушение (наподобие «Московского сборника»² Победоносцева). Наоборот: идейное корчевание должно быть всегда покрыто могучею новою порослью, так, чтобы всегда чувствовалось, что эта сама новая поросль выкорчевывает отжившие пни.

8. При этом мы мыслим наш журнал, как безусловное отвержение «красного», «черного» и «розового»; и как углубление и развитие *Белой идеи*, в ее противопоставлении всяческому атеизму, интернационализму, социализму, революционности, большевизму и коммунизму. Мы мыслим эту идею, как идею волевой религиозности, патриотизма, чести, служения, характера, свободного повиновения, монархии, собственности и великодержавия. Но эта идея должна развиваться и утверждаться нами не как идея междоусобной войны, или партии, или зарубежной организации, а как идея самого русского Православия, *здоровой и великой России, всей национальной России и самой исторической России, России славных традиций, трехцветного флага и двуглавого орла.*

Именно поэтому мы считаем нежелательным сотрудничество в нашем журнале лиц, неприемлющих эту идею, колеблющихся в ее приятии или входящих в чужеродные, тем более враждебные ей организации; в частности, мы не мыслим нашими сотрудниками ни евреев³, ни масонов, ни католиков⁴.

² «Московский сборник» – журнал обер-прокурора Священного Синода К. П. Победоносцева (1827–1907), первое издание журнала 1896 г. Г. Флоровский отмечал характерный выбор Победоносцевым авторов своего журнала: Карлейля, Эрбсона, Гладстона и даже Герберта Спенсера. В. В. Розанов называл «Московский сборник» *грешной книгой* («это грех уныния, безверия, печали...»).

³ Предсказание Ильина не заставило себя долго ждать. Не прошло и полугодия, как в берлинской газете «Руль» появился крайне отрицательный отзыв Ю. И. Айхенвальда. Сам этот отзыв характерен и вскрывает природу антагонизма между Ильиным с его соратниками и их принципиальными противниками. Поэтому мы приводим его здесь полностью. «Русский Колокол Журнал волевой идеи. № 1 Только что вышедшая первая книга этого журнала, издаваемого и редактируемого проф. И. А. Ильиным, в большей своей части последним и написана: шесть статей снабжены его подписью, а там, где ее нет, там, где выступает «Старый Политик» и даже «Прибывший оттуда», тоже чувствуется энергичный и внушительный, стальной стиль И. А. Ильина. Дело не меняется от того, что две из упомянутых шести статей подписаны сверх того еще А. Бунге. Таким образом, перед нами пока – не столько журнал, не столько труд коллективный, сколько единоличное духовное поместье почтенного редактора-издателя. Этой явной печатью определенной личности и объясняются приметы «Русского Колокола», звучащего громко, звонко, патриотично и... риторично. «Волевая идея» облечена в такую словесную форму, в такую фразеологию, которая меньше всего проста и больше всего приподнята и напыщенна. Этот холодный пафос в читателе горячности не вызывает. Даже неприятно и неловко становится, что те высокие религиозные, национальные и государственные ценности, на защиту которых «Колокол» так желанно поднял свой призывный звон, нашли себе *подобное* прославление, благовест *подобного* тона. Высокое не высокопарно; высокого не надо приподымать. Иначе убедительность проповеди не возрастает, а наоборот, слабеет. В связи с отмеченной особенностью журнала его изложение выдержано в тонах дидактических и слишком общих. Конкретное надо извлекать здесь из абстрактного и места частные отмежевывать от общих мест. Сделав это и услышав наиболее внятное и понятное, что идет с высот новой колокольни, мы с удовлетворением узнаем следующее: грядущая Россия, освященная и очищенная, рисуется «Колоколу» *не* как восстановленная в своих дореволюционных порядках, – «мы желаем... чтобы она была избавлена от нового, повального, имущественного передела, и, следовательно, от новой гражданской войны». Точно так же успокоенно приемлешь заявление: «ни к кому из русских людей, *любящих Россию, как свою родину*, мы не питаем злобы, ни мстительных чувств». Но уже только безусловных единомышленников И. А. Ильина удовлетворит его утверждение, что идея священной России «зовет нас воспитывать в себе» именно «монархические устои правосознания». Привлекателен возвышенный дух журнала, вызов материализму с его «короткими целями», сильны строки о том, что «вместе с Вольтером и вслед за Вольтером европейское человечество высмеяло и *просмеяло свои святыни*»; но идеализм не должен вырождаться в идеализацию; а она, слащавая, характеризует «Русский Колокол» – там, например, где о русском народе говорится, что у него «благодушная и благородная, но детская душа», что «наш простой народ как дитя доверчив, как дитя поддается дурным влияниям, как дитя буйнит». Неприятна игра стилистики в предлагаемом изобильном запасе, в подборе «девизов Белого движения»; бесспорно, они все героичны и благородны, – но вот это обилие, это перепроизводство благородства как раз и смущает, тем более, что и весь журнал вообще страдает в этом отношении каким-то отсутствием стыдливости, душевной нецеломудренностью, т. е. он слишком охотно, много и открыто говорит о самом святом и заветном. Его страницы словно пропитаны добродетелью, моралью, религией. Между тем гораздо большее впечатление производит «Русский Колокол» не этим и не своим теоретико-патетическим осуждением революции, социализма, коммунизма, а теми прослойками фактов и сведений, которые вкраплены в его хотя и патриотическую, но одноцветную и отвлеченную ткань. Так, хотя и в статье И. С. Шмелева «Как нам быть?» немало этого суммарного и безответственного патриотизма (история России, оказывается, не простая, а «как бы *священная* история, совершенно особенная, чем история других европейских народов, *вторая священная история*»), но все же размышления автора искупает и над ними возвышается реальный образ его корреспондента – человека, принесшего себя

9. Твердо и последовательно поддерживая эти грани, мы в то же время считаем бесполезными всякие непредметные деления в пределах национального единомыслия, как деления на «эмигрантов» и «оставшихся»; на «отцов» и «детей»; на лиц с «русскими» и «нерусскими» фамилиями; на «бывших либералов» и «бывших монархистов». Каждый является для нас тем, во что он искренно и цельно *верит ныне*, и мы должны стремиться к тому, чтобы наш журнал помог верным и сильным сынам России найти друг друга и объединиться в кадры будущего ордена и будущей национальной русской партии⁵.

10. Для этого наш журнал должен быть идейно цельным и единым: подобным монолиту в своем существе и подобным симфонии в своем выполнении. В нем не должно быть места ни случайным статьям (не имеющим отношения к идее), ни взаимной полемике сотрудников. Посему очень важно, чтобы сотрудники предварительно, до написания статей, сговаривались или списывались с редакцией о желательной теме. Для облегчения этого дела к настоящему досье прилагается особая записка об общем направлении журнала.

11. Журнал будет иметь два отдела: общеидейный и инструктивный. В последнем отделе будут помещаться статистические данные, теоретические тезисы, полемические схемы и практические наставления, необходимые каждому русскому человеку и белому борцу в его идейной и политической борьбе за родину. Этот отдел мыслится как своего рода идейно-научный арсенал или справочник русского патриота.

Редакция просит всех сотрудников помогать ей в замыслах и в инициативе; собирать отзывы единомышленников и сообщать их редактору; побуждать единомысленных читателей обращаться в редакцию непосредственно с откликами, запросами и пожеланиями; и содействовать распространению журнала.

Журнал будет выходить ежемесячно, каждое первое число, в размере 5 печатных листов. Ввиду основного задания нашего журнала художественная проза и поэзия не будут помещаться в нем.

Каждая напечатанная рукопись будет оплачена в размере не менее одного доллара за печатную страницу обычного формата (30–35 тыс. букв в 16 страницах).

в жертву России, одного из тех, кто теперь “у чужой притолки слонится”; боец этот и мученик семь лет сражался, у него дважды пробита грудь, отца его, скромного педагога, расстреляли, мать у него от голода и горя умерла, брат, забранный в красную армию, застрелился, без вести пропали сестры, загублена невестка; сам он работает под землей, в Болгарии, бьет киркою в черную стену шахты, “бьется незадачливо головой в душные угольные стены”, каторжно трудится из-за горсти бобов – и все-таки духовно живет верой в Россию, в светлую, белую Россию... Такой образ и такая биография насколько же красноречивее красноречивых тирад “Колокола”!.. Тоже фактической и бодрящей правдой ценны (особенно для малоосведомленных в новейшей истории нашего отечества) приводимые гг. Ольденбургом, Бунге и Ильиным данные о России перед революцией, о русской территории 1914–1927 гг., о населении России в 1897–1914–1927 гг. Такой же положительный характер имеет и историческая справка Лоллия Львова о “бесстрашных людях” XVII столетия. В общем, слишком пространный для прокламации, слишком туманный для программы, первый номер “Русского Колокола” дает больше пышной словесности, чем политической осязательности; и такой набат никак не может достигнуть своей благой цели. Именно о России, именно о защите России следовало бы говорить более по-русски, т. е. не нажимая <на> педали, а просто, задушевно и тепло. Ю. А.» Антагонизм Айхенвальда и Ильина заключается в том, что, по афористическому выражению Романа Гуля, Ильин и русские не хотят смотреть на мир «глазами евреев», а Айхенвальд и евреи не желают смотреть на Россию, русский народ и на весь мир «глазами русских». Это «так обстоит», как мог бы сказать Ильин. См. также его заметку «Об антисемитизме» в Приложении к этому тому.

⁴ См. статью Ильина «Правда о масонстве» в Приложении к этому тому и статьи о «Православии и католичестве»// Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 383–395.

⁵ См. статью Ильина «О рыцарском духе» (с. 473–478 настоящего издания).

Общее направление журнала⁶

Религия и религиозный кризис

Мир переживает религиозный кризис; люди разучились любить Бога и верить в него, воспринимать Божественное и идти за ним в жизни; души людей привыкают жить поверхностно, мелко и пошло; люди руководятся смесью из инстинкта и рассудка и становятся материалистами. В этом глубокий корень и источник современных зол⁷.

⁶ В Архиве И. А. Ильина имеется документ (кор. 63, п. 1) со следующими пометками: «Программное досье “Русского Колокола” с пометками генерала П. Н. Врангеля († 1928 г. 25 апреля). Пометки сделаны в Брюсселе 1927 г. 3–6 июля до выхода № 1 журнала». Далее сбоку помечено: «Досье составлено в Берлине в мае – июне 1927 г. без предварительных с ним сношений». Здесь печатается текст по этому первому машинописному экземпляру. Публикуется впервые.

⁷ Сбоку этот абзац на полях подчеркнут Врангелем и помечено: «Так».

Православное Христианство

Не углубляясь в великие и утонченные проблемы христианского богословия, нам надлежит выделить и обосновать: 1) мироприемлющую традицию Христианства; 2) волевые и воспитывающие характер традиции Православного⁸ Христианства; 3) великие и мудрые традиции и особенности *русского* Православия – в вопросах а) свободы, любви и видения как источниках веры, б) очищения души и мироприятие, в) сопротивление злу силою, г) связи и разграничения Церкви и государства.

⁸ Это слово Врангель подчеркнул.

Церковь

Не подымая утонченных и трудных вопросов канонического толкования, нам надлежит установить, что 1) древнее исконно-русское соотношение Церкви и государства (от Феодосия Печерского и преп. Сергия до Филарета Романова) есть верное и мудрое – взаимная независимость и взаимное непосягательство авторитета Церкви и авторитета мирской власти при творческом сотрудничестве в едином деле Божьем на земле; 2) что для восстановления этой традиции необходимо поколение мудрых и сильных характеров в современной церковной иерархии; 3) что единство Церкви недостижимо ни на путях церковной бесхарактерности, безволия и безвластия, осложненного эклектической интеллигентщиной и религиозным декадентством, ни на путях восприятия католического духа с его посяганием на власть и на политическое влияние, духа, осложненного упрощенною прямолинейностью в трактовках нравственных и канонических проблем; 4) что Церковь должна провести непреступаемую грань между собою и духом извращенного мистицизма (Феофан⁹, Распутин). Само собою разумеется, что раскрывать пункты 3 и 4 надлежит с чрезвычайной осторожностью, бережностью и тактом; однако не без честного дерзания¹⁰.

⁹ Имеется в виду Феофан (в миру Василий Дмитриевич Быстров, 1874–1940) – архиепископ Полтавский, ректор Петербургской духовной академии, с 1920 г. вместе с другими русскими иерархами оказался в Константинополе, где вел активную церковную политику, выступая против ложного учения митрополита Антония (Храповицкого) о догмате Искупления и против софианства о. Сергия Булгакова. Ильин упоминает его в связи с Распутиным, так как, будучи духовником царской семьи, владыка Феофан по просьбе императрицы съездил в Сибирь, чтобы самому узнать о прошлом Григория Распутина. Результаты его поездки не выявили ничего порочного. Считается, что благорасположение к Распутину тогда еще архимандрита Феофана, как и епископа Саратовского Гермогена и епископа Сергия (Страгородского), способствовало сближению знаменитого сибирского старца с царской семьей. Однако уже в 1911 г. епископ Феофан высказал императрице свои критические замечания о поведении Распутина, что стоило ему места в столице. Тем не менее при Временном правительстве 1917 г. он, как духовник государыни, объективно свидетельствовал в специальной Чрезвычайной комиссии как о «нравственно чистых и безукоризненных отношениях» между Распутиным и императрицей, у которой «все ее отношения сложились и поддерживались только тем, что Григорий Ефимович буквально спасал от смерти своими молитвами жизнь горячо любимого сына Николая, цесаревича, в то время как современная научная медицина была бессильна помочь» (см. подробнее: *Бэтс Ричард (Фома), Марченко Вячеслав. Духовник Царской Семьи. Святитель Феофан Полтавский. Новый Затворник. М., 1996*).

¹⁰ 4-й пункт отмечен Врангелем на полях: «Так», а последнее предложение им подчеркнуто.

Католичество

Не вступая в догматические и историко-канонические споры, мы должны показать чужеродность и религиозную неверность католицизма в двух основных вопросах: *о субъективном источнике веры и мироприятия*. 1) Для католика вера есть акт *волевого* усилия (а не любви и видения, как в православии); отсюда гетерономия, формализация церковности и молитвы, инквизиция и агрессивная пропаганда во что бы то ни стало. 2) Католик приемлет мир, исходя от мира сего, по-мирски искаженным актом на путях *власти и лукавства* (а не очищения и умудрения, как в православии); отсюда моральный казуизм, иезуитство, светские посягания пап и интернационализм в политике. Посему мы отвергаем унию, оберегая древнюю чистоту и мудрость православия.

Философия

Философия вырождается в отрыве от живого духовного опыта, от религиозных корней души и нравственной чистоты самого философа. Философ несет особенную ответственность и обязан предметно обосновывать каждое свое утверждение. С этой точки зрения необходимо обновление всей философии: новое учение об очевидности, о строении философского акта, о соотношении религии и науки, о добродетели, о правосознании и художественности. Необходим нещадный анализ беспочвенности и извращенности философствующей публицистики за последние 25 лет, начиная от Розанова и кончая евразийцами¹¹.

¹¹ Последнее предложение отмечено Врангелем: «Так».

Наука

Нам важно оттенить 1) самоценность науки – ее критериальную самостоятельность, ее независимость от всяких политических, социальных и морализующих тенденций, ее *свободу*; 2) ее духовную ответственность и необходимость поддержания на высоком уровне начала академической чести; 3) ее воспитывающую силу: человек приобретает умение самостоятельно индуктивно-интуитивно испытывать и исследовать предмет;

4) ее принципиальный самоурезывающийся аскетизм и релятивизм; отсюда ее гностическая и религиозная скромность;

5) ее неприкованность к внешнему чувственному опыту, ибо гуманитарные науки живут опытом внутренним, нечувственным и духовным – отсюда преодоление сенсуализма¹²; 6) наука не только не исключает религиозности, но нуждается в ней, как в живом опыте мировой тайны, сложности и величия предмета.

Всем этим определяется значение академии и университета в системе национальной культуры.

¹² *Сенсуализм* (фр. *sensualisme*, от лат. *sensus* – восприятие, чувство, ощущение) – направление в теории познания, согласно которому чувственность является главной формой достоверного познания.

Искусство

Современное искусство переживает глубокий кризис: оно говорит о незначительном, изощрясь в технических новшествах и трюках, и творит неискренно и аффектированно. Модернизм состоит в изощренных выкриках, несущихся из хаоса разлагающегося бессознательного. Это есть симптом общего духовного кризиса¹³. Это надо показать во всех областях – от музыки до живописи, от поэзии до театра. Надо вскрыть разложение русского предреволюционного искусства (отнюдь не замалчивая исключений). Большевицкое искусство проявляет этот кризис с вызывающим бесстыдством. Надо воззвать к русскому гению – чтобы он дал очистительную критику и создал новые великие и водительные свершения.

¹³ Это предложение подчеркнуто Врангелем.

Россия

Несмотря на революционное крушение, Россия есть великая страна, создавшая великую культуру и созидаемая великим народом. Ей предстоит великое будущее и невиданный расцвет. Своеобразие России – в природе, в расовом составе, в национальном характере, в религиозности, в культуре. Ее проблема: русская душа дышит свободой и нуждается в дисциплине; она богата талантом и нуждается в трудолюбии; она глубока и темпераментна и нуждается в волевом и разумном трезвении; она религиозна по природе и нуждается в зорком очищении от беспредметного, ложного и импрессионистического религиозничья; она созерцательна и эмоциональна и нуждается в силе характера. Отсюда идея будущего русского строительства¹⁴.

¹⁴ Сбоку этот абзац на полях подчеркнут Врангелем и помечено: «Так».

Русская история

Наша основная задача состоит в том, чтобы указать в русской истории 1) те своеобразные события, затруднения, бремена и опасности, которые вызвали нашу загруженность войнами, нашу отсталость, наши бунты, наше затянувшееся крепостное право, нашу собственническую неразвитость, экстенсивность нашего хозяйства, которые, словом, так или иначе причинно подготовили или обусловили революцию; 2) те здоровые уклоны, установления, характерные черты, коллективные и единоличные подвиги, которые строили и держали Россию, построили и возвеличили ее. Тенденция нужна была бы такая: облегчить наличному поколению России бремя революционной вины и позора, ободрить, указать традицию и тем содействовать нахождению верного пути¹⁵.

¹⁵ Сбоку этот абзац на полях подчеркнут Врангелем и помечено: «Так».

Русский Пантеон

Нам необходимо отыскать и изобразить страницы русской национальной славы и силы, создания и деяния русского национального гения во всех областях духа и культуры, начиная от святых и праведников и кончая изобретателями и путешественниками¹⁶. Для начала надо выделить самое замечательное и великое, показывающее пример и дающее завет; ввиду малого объема журнала лучше идти не от биографии и не от единичного явления, а *от идеи* и определенной *драгоценной традиции, иллюстрируя ее только именами и ссылками.*

¹⁶ Здесь Врангель предлагает сделать следующую вставку: «Строителями государства, полководцами, ибо и то и другое есть проявление духа и искусства».

Русская идеология

Из огромного материала, охватить который, конечно, невозможно, желательно выделить в порядке дедуктивном с индуктивными иллюстрациями основные здоровые, идеологические традиции, строившие и спасавшие Россию. Наряду с этим чрезвычайно важно выявить *нашу* идеологическую традицию за XIX век – традицию консервативно-государственную, национальную, идейно-монархическую; традицию патриотизма, чести и служения¹⁷. Наконец, необходимо вскрыть идеологические заблуждения последних десятилетий – политические (анархизм, радикализм и черносотенство¹⁸), социальные (народничество и социализм¹⁹), моральные (утилитаризм и толстовство²⁰), религиозные (толстовство и розановское хлыстовство²¹).

¹⁷ Эти четыре слова Врангель подчеркнул.

¹⁸ Слова в скобках Врангель подчеркнул. См. также раздел «Черносотенство» в Приложении к этому тому (с. 807–810).

¹⁹ Слова в скобках Врангель подчеркнул.

²⁰ Слова в скобках Врангель подчеркнул.

²¹ Слова в скобках Врангель подчеркнул. На полях к этому разделу Врангель написал: «Верно!»

Русская интеллигенция

Это – одна из центральных проблем. Мы должны раскрыть сущность переживаемого русской интеллигенцией кризиса и заложить основы обновления. Самое главное в том, что она не поняла и не приняла своего призвания *вести и воспитывать* русское простонародье, но подменила его покаянным отречением и демагогическим сервилизмом; она старалась предвосхитить классовый интерес простонародья, раздуть его и провозгласить его государственным; она подменила волю нации, доступную лишь немногим и лучшим, – вожделениями простонародья; она хотела в лучшем случае дать народу *образование* (а не воспитание) и *политические права* (а не политический смысл). Согласно этому *обличению* подлежит: всякая демагогия (искренняя и неискренняя, правая и левая). Утверждению подлежит: новый волевой дух²².

²² На полях к этому разделу Врангель написал: «Великолепно!»

Предреволюционная Россия

Необходимо вскрыть, что революция стала возможна в России потому, что она *положительно и отрицательно* уже была разлита в воздухе. *Положительно*: экстенсивное крестьянское хозяйство и тяга крестьян к расширению земельной площади; революционное брожение среди рабочих; обилие беспочвенной полуинтеллигенции, с ее пошлостью, завистливостью и претенциозностью; честолюбивый радикализм в интеллигенции; революционные партии; национально-крайние настроения. *Отрицательно*: безволие и государственная беспомощность царя; низкий уровень его окружения²³; противогосударственность черносотенства; безыдейность задержанной бюрократии; упадок поземельного дворянства; непротивленчество и государственная неопытность либеральной общественности; государственная невоспитанность, бесхарактерность и слабость правосознания в массе народа. Бремя войны, технической отсталости и бесснарядья подвело жестокие итоги всем дурным возможностям – и зараза западного люмпен-пролетарского коммунизма стала неотвратима²⁴.

²³ От двоеточия все слова подчеркнуты Врангелем.

²⁴ На полях к этому разделу Врангель написал: «Да».

Революция в России

Сущность революции подлежит нещадному раскрытию, но *не* в порядке отыскания виновных *лиц*, а в порядке указания ее *духовного естества*. Надо вскрыть в революции ее безбожие, пошлость, бессовестность, противогосударственность, противопатриотичность; ставку на жадность, на подлость и предательство; стихию лжи и насилия; стихию принципиализованного бесстыдства; пружины честолюбия, тщеславия, карьеризма; элементы демагогии и эгалитаризма; криминальную природу ее; крушение вместе с нею социализма, коммунизма, интернационализма и анархизма²⁵. Анализ идей о «приятности революции», о «завоеваниях революции», об «эволюции революции» и т. д.

²⁵ От двоеточия все слова подчеркнуты Врангелем, а на полях его замечание: «Это особенно существенно».

Мировая война

Учитывая наше эмигрантское положение и рассеяние, нам следует высказываться как можно меньше об общем международном контексте мировой войны. Лучше всего трактовать ее, как мировое несчастье, вызывающее ряд благочестивых вздохов. Но наряду с этим нам следует 1) подчеркивать роковое и гибельное значение мировой войны в возникновении русской революции, 2) настаивать на том, что *всякая* новая европейская война, за исключением похода против большевиков, послужит распространению мировой революции, 3) всемерно создавать в России психологию «свободных рук»²⁶, 4) зорко вскрывать и раскрывать те причины, в силу которых мы не справились с бременем великой войны²⁷.

²⁶ Психология «свободных рук» – калька с английского и немецкого языков: to have (give) somebody a free hand и jemandem freie Hand lassen – иметь (давать) полную свободу действий, предоставлять кому-либо свободу действий, по-другому: разрешать поступать без совета других. Здесь Ильин подчеркивает, что во время войны солдаты связаны приказом командиров и у них естественно вырабатывается психология «несвободных рук»; интересно, что психология «несвободных рук», или «повязанных рук», может долго сохраняться в той или иной стране, когда самые пустяшные вопросы не решаются без согласия или вмешательства власти, вплоть до президента.

²⁷ На полях пометка Врангеля: «Верно». Великая война – это Первая мировая война.

Мировая революция

Нам следует осветить как причины, так и цели и последствия мировой революции. *Причины:* 1) религиозно-духовный кризис человечества; 2) социально-хозяйственный кризис; 3) государственно-политический кризис. Отсюда: отсутствие идеи, пафоса и воли в правом лагере; и наличие одержимой воли и слепых страстей в левом лагере. Весь процесс длительный и затяжной, соотв<етствующий> огромным запасам мировой зависимости. Русская революция только «проба пера». Проблема хозяйственной и международной организации мира неразрешима на этом пути. Но она неразрешима и на почве масонского интернационализма (Панъевропа, Лига Наций), который только подрывает патриотические основы сопротивления революционерам, и на почве радикального демократизма (который только затрудняет волевое единение как в отдельных государствах, так и во всем мире). *Цель:* создание новой элиты, безбожной, апатриотичной, волевой, правящей террором, экспериментаторски настроенной и противоестественно направленной. *Последствия:* государственное и культурное крушение мира. Чем позднее все это будет осознано, чем дольше не будет найдено волевое единство – тем обеспеченнее общая гибель. Все это образует историческое содержание грядущего XX века.

Советская Россия

Необходимо зоркое и беспощадное раскрытие следующих основоположений: 1) эволюция коммунистической партии исключена; 2) весь *замысел* коммунистов и вся их *деятельность* противоестественны (противоречат природе человеческого инстинкта и духа, природы хозяйства и государства);

3) *все*, что они делают, противоречит интересам России (случайные совпадения соблазнительны только для близоруких);

4) все, что Россия приобретает в итоге революции – будет *вопреки* ей, в порядке реакции на ее естество; 5) мы не должны смешивать Россию и советский строй; мы должны, ударяя по последнему, беречь интерес России.

Грядущая Россия

Грядущая Россия не может быть реставрационным «*fac simile*»²⁸ дореволюционной России. После падения большевиков нам надо будет отправляться от *небывалого* еще исторического видоизменения русского материала. Мы должны неотступно и со всем возможным напряжением пытаться верно предвосхитить эту грядущую русскую данность: а) в хозяйстве – сельском, часто промышленном и государственном; б) в политической форме и в тяготениях правосознания; с) в национальном составе, строении и тяготении; d) в социальном составе; е) в культурном уровне. И на этих прозрениях пытаться теперь же практически творить (пока, конечно, в схеме) новые формы жизни, возрождающие и насаждающие *наш идейный дух* в новой исторической данности, – начиная от новых, приспособленных видов избирательного права и кончая выделением из крестьянства новой элиты собственности и чести; начиная от культа семьи и орденских организаций и кончая всероссийским академическим союзом.

Это одна из центральных задач журнала.

²⁸ *fac simile* (лат. сделай подобное) – точное воспроизведение графического оригинала.

Национальный вопрос в России

Нам надо утвердить и показать: 1) что Россия создана русским племенем, вопреки кочевым племенам Востока и вопреки оседлым племенам Запада; русским племенем с его политически могучим инстинктом, с его изумительной выносливостью и чрезвычайной духовною одаренностью; 2) что русское племя имеет культурное и духовное право на водительство в России; 3) что оно *обязано и призвано* блюсти и строить святыню русского духа; 4) что племенная политика в России была доселе (за исключением отдельных ошибок и бестактностей) человечна, культурна и зиждательна; 5) что и впредь младшие племена России, остающиеся в ее пределах, должны иметь духовно-культурную автономию и единый общий с нами государственный язык, нести государственно-патриотическое служение и пребывать под политическим суверенитетом двуглавого орла. Россия для русских. Русским является всякий, кто интерес единой русской родины ставит выше индивидуализма и всякой коллективной части. Формула: «я русский и притом грузин, армянин» и т. д. Иноплеменник и неправославный могут быть русскими; но враг русского племени, Православия и русского языка фактически остается враждебным иностранцем. Следует ли давать ему публичное равноправие?

Международное положение России

В вопросах международной политики грядущей России нам надо закрепить в сознании читателей следующие основоположения. 1) Оберегая свой духовный дар и свое призвание, Россия *обязана* руководиться только своим собственным, здоровым, эгоистическим, великодержавным интересом²⁹. 2) С международной благотворительностью, сентиментальным идеализмом и моралью международного самопожертвования должно быть покончено: в небытии сильной России заинтересованы слишком многие, в ее восстановлении – только небольшие группы чешских и сербских националистов. 3) Малые славянские народы суть национально-политические акциденции³⁰; они бессмысленны и обречены без основной субстанции. 4) России предстоит путь нового собирания: на этом пути необходимо возродить политику московских князей и царей, но в большем размере. 5) Должен быть учтен весь опыт великой войны и Россия должна воздержаться от войны до тех пор, пока она не поставит на высоту свою промышленность, боевую технику, армию и пути сообщения³¹. 6) Никакое видимое разделение или урезание русской национальной территории не может и не должно вызывать в нас малодушия и уныния: сопринадлежность русских частей есть органическая и никакая иноземная сила не изменит в этом ничего (пример 1918 года на Украине). Воссоединение России есть вопрос времени, воли и политического искусства.

²⁹ На полях пометка Врангеля: «Да».

³⁰ *Акциденция* (лат. *accidentia* – случай, случайность) – философский термин, означающий случайное, несущественное в противоположность субстанциальному, или существенному.

³¹ Ко всем этим пунктам пометка Врангеля на полях: «Превосходно».

Хозяйственное развитие России

Предоставляя детальное обсуждение путей и средств специальным экономическим органам, мы должны отстаивать, исходя из *государственно-политических* соображений, следующие основные задачи: 1. Восстановление всех основных условий здорового частно-собственнического хозяйства. 2. Всемерное поощрение и оплодотворение частно-инициативной стихии, долженствующей вызвать в России бурный хозяйственный процесс заживления и расцвета, наподобие роста Канады. 3. Окончательный переход русского земледелия к частно-собственническому, хуторскому хозяйству и интенсивным формам. 4. Создание в России могучей и самобытной промышленности, возможно более самодовлеющей по отношению к иностранным рынкам, возможно быстрым темпом³². 5. Планомерная и всесторонняя разработка естественных богатств России. 6. Планомерная борьба со стихией социальной зависти. 7. Планомерная борьба с элементом классового раздора. 8. Всемерная забота о поднятии *качества* производства и продукта. 9. Принципиальная ставка на хозяйственно сильного и даровитого. 10. Волевая работа над новой хозяйственно-классовой консолидацией и солидаризацией общественного тела России.

³² Четвертый пункт подчеркнут Врангелем. На полях пометка Врангеля: «Но одновременно свобода *иностранному капиталу*, без чего не поднять <нрзб.> благосостояние страны».

Крестьянский вопрос в России

Основная задача здесь будет состоять в том, чтобы развязать и узаконить биологическую индивидуализацию крестьянской массы и в то же время придать ей формы хозяйственной продуктивности, государственной жизнеспособности и духовно-культурной индивидуализации. Отсюда: 1. Безболезненная, но окончательная ликвидация поземельной общины. 2. Переход к собственническому, хуторскому хозяйству. 3. Поощрение тех размеров землевладения, которые идут навстречу и наиболее благоприятствуют интенсивному хозяйству и качеству продукции. 4. Выделение и особое благоприятствование тех кадров крестьянства, которые могли бы стать волевою опорой порядка, национализма и чести (дворянизация крестьянства³³). 5. Факт революционной экспроприации помещного класса должен быть покрыт амнистией, государственным оформлением и выкупом; сохранившиеся совхозы возвращаются владельцам; экономически живые и волевые представители помещного класса встречают полное содействие в возможном обеспечении их новыми участками (наделение из фонда, банковский кредит и т. д.). 6. Необходимы общие, государственные меры, ведущие к духовному и хозяйственному подъему крестьянства.

Трактование всего этого вопроса требует особого сочетания воли, доказательности и осторожной тактичности³⁴.

³³ Срв. ильинскую статью о Столыпине (см. *Ильин И. А.* Государственное дело Столыпина // Возрождение. Париж, 1926. 26 сент. № 481. С. 2–3).

³⁴ На полях к этому разделу пометка Врангеля: «Это те начала, кои ставились мною в основу «Земледельческого приказа».

Армия

Предоставляя специальным военным журналам разработку профессиональных и технических сторон дела, мы должны настойчиво проводить следующие идеи: 1. Безусловную аполитичность армии. 2. Национально-патриотическое призвание ее. 3. Осмысление и возвеличение здоровых традиций русской императорской армии. 4. Установление и осознание геройской доблести и заслуг русской армии во время великой войны. 5. Патриотическую правоту и воинскую доблесть Белой армии. 6. Трагическую природу Красной армии и ее призвание. 7. Идею подготовку братания между Белой и Красной армиями. В то же время мы должны всемерно и всецело поддерживать позицию главного командования³⁵ в его борьбе за Белое дело, за его неприкосновенность, жизненность и целостность³⁶.

³⁵ Имеется в виду Русский общевоинский союз (РОВС), возглавляемый генералом П. Н. Врангелем.

³⁶ На полях пометка Врангеля: «Прекрасно».

Народное образование

Народное образование становится делом формальным, пустым и опасным, если оно отрывается от здорового духовно-патриотического *воспитания*. Именно отсюда возникает яд полуобразованности со всем ее верхоглядством, пошлостью и претенциозностью. Отсюда задача и роль интеллигенции: выработать и внести дух волевого, религиозного и орденового воспитания в массы. Нужна не просто двухверстная народная школа, дешевое обучение, обилие гимназий и университетов; все это, будучи *не* на высоте, не только не строит духовную культуру России, а подрывает и разлагает ее³⁷. Нужна волна властного, нравственно-патриотического, систематически-продуманного и организованного воздействия: начиная от патриотического букваря и национально-литературной хрестоматии и кончая высокою оплатою и крепкою национальною организациею народного учительства; начиная от национального скаутизма и кончая братствами чести и служения среди студенчества; начиная от всероссийского сокольничества³⁸ и кончая демонстративным культом матери; начиная от приходских сестричеств и кончая повседневым насаждением судов чести; начиная от организации прессы и кинематографии и кончая всероссийским академическим и всероссийским преподавательским союзами. Особенно желательны организации для борьбы со сквернословием, и с взяткою во всех видах, общества трезвости и воздержания. И все – не столько в тоне смирения и стыдливой добродетели, сколько в тоне властного руководства и бойкотирующего осуждения³⁹.

³⁷ На полях пометка Врангеля: «Да».

³⁸ «Русские Соколы» – молодежная национально-патриотическая организация русского зарубежья.

³⁹ На полях пометка Врангеля: «Превосходно».

Орфография

История вопроса: реформа осуществилась, во-первых, как следствие демагогического «народничества» и нигилистически-анархических тенденций в полу-интеллигентном учительстве, и, во-вторых, как следствие формально-абстрактной, рассудочно-мертвенной научной концепции языка, а также простой бесхарактерности в интеллигентных академических верхах. Мы должны вскрыть и доказать следующие тезисы: язык есть орудие духа и духовной культуры; это аксиома всего языкотворчества; отсюда: дифференциация духовных содержаний есть обязательный критерий для дифференциации языкового звука (фонемы), языковой формы (морфемы) и языковой записи (граммы). «Правое» писание есть прежде всего писание, адекватно приспособленное к означиваемому духовному содержанию (к семеме). Разрушающий выработанную дифференциацию начертания (всенародно, исторически и духовно органически выстраданную) – разрушает духовную культуру, духовное общение людей, языковой аппарат науки и литературы. Посему орфография подлежит осторожной, органически-приспосабливающей реформе, а не ломке. Аргумент «трудности» несостоятелен и демагогичен: пишут избранные, им орфография не трудна; масса не пишет, а читает, и ей верно дифференцированная орфография *необходима* для верного разумения написанного (омонимических разносмыслий); упрощение, ориентированное вниз, всегда было и будет гибельным делом и т. д.

Белая идея

Говоря о Белой идее, мы разумеем идею религиозно-фундированного патриотического служения на жизнь и смерть. Это есть идея⁴⁰ волевой, героической государственности; идея характера и рыцарственной борьбы со злом; идея самообладания, чести, достоинства, дисциплины; идея свободного повиновения, жизненного добровольчества, любви и жертвы. Эта идея есть центральная для нас. Она должна проникать наш журнал, незримо насыщая его определенным настроением. Она может развиваться и целиком и частями; освещаться исторически и углубляться – религиозно, нравственно и политически.

⁴⁰ Врангель предложил свою сноску: «Идея – долга служения Родине».

Нравственность и идеализм

Большевизм есть разновидность нравственной тупости и нравственного цинизма – этим определяется значение нравственного фактора в текущих событиях. Между крайностями большевизма и обыденной порядочности лежит множество переходных ступеней и оттенков, незаметно предваряющих и подготавливающих срыв в бездну; все это подлежит вскрытию. Надо обезвредить только зловредные предрассудки, незримо отравляющие современное человечество: будто нравственность нежизненна потому, что она сводится к безвольному мироотречению; будто добродетель есть нечто от прописи и нечто от глупцов, ханжей и хитрецов; будто цель оправдывает средства; будто государство по существу есть равновесие безнравственностей; будто добро и честность суть «понятия относительные»; будто совесть говорит всем людям разное; будто нет единого доказуемого критерия добра. В противовес этому надо показать, что именно *совестный реализм создает* самые могучие, жизненные аккумуляторы духовной энергии, организующие центры общественности и культуры.

Характер и воспитание

Воспитание русского народа есть одна из главных задач всей русской духовной культуры; это условие дальнейшего бытия России. Эта задача может и должна быть разрешена в порядке дисциплинирующего воздействия сильного меньшинства на слабое большинство. Не исключительно запретом и угрозой; но непременно и грозой. Прежде всего, восстановлением внутренних удержей – стыда, чувства вины и греха, чувства собственного достоинства, воли к хорошей репутации, самолюбия, национальной гордости, жажды уважения. Далее – демонстративным, организованным и безжалостным культивированием начал чести, заслуги, доброго имени, служения, неподкупности, верности и постепенного создания рыцарственного уровня – сначала в верхних слоях, потом по всей стране. В крестьянстве это должно начаться одновременно – и в школе (дух патриотического скаутизма), и в быту (борьба за чистое жилище, борьба с дортуарным спаньем⁴¹; борьба за бытовое искусство, за культ национальной красоты и за памятники старины; хоровое пение, простонародные оркестры, любительские спектакли; система премирования всяческих заслуг, выдача почетных отзывать, грамот чести; культивирование семейных хроник и памяти о заслугах предков; распространение соответствующей литературы и т. д.).

Во всей стране должен быть введен патриотический культ национальных *героев*, с соответствующим богослужением (панихиды и молебны) и светскими процессиями. И всей этой системой, которую надлежит продумать до конца, должна руководить волевая, орденская спаянная элита, *не* стоящая в прямой зависимости от правительства.

⁴¹ *Дортуар* (от фр. *dortoir*) – общая спальня для учащихся в закрытых учебных заведениях.

Родина и патриотизм

В наши дни уже нет необходимости «призывать» к патриотизму, но надо помочь его самосознанию, духовному оформлению и, главное, его *волевой организации*. Нужно открытое, волевое и горящее, *изложение* патриотических настроений, забот, намерений и планов. Надо говорить громко о России, отстаивая религиозную правоту ее национального эгоизма и обнаруживая неодолимую, *волевою веру* в ее непомеркшее и идущее к невиданному расцвету величие. При этом надо убедительно показать, что патриотизм есть состояние *духовное*, христиански и православно обоснованное (мироприятие), что интернационализм есть постыдная ересь, извращение, предательство и малодушие; или же прямая порочность. Надо на тысячу ладов показывать величие России, но не в порядке декламации, а в порядке убедительного заряжения национальной гордости неоспоримыми фактами⁴².

⁴² Последнее предложение Врангель подчеркнул, а на полях написал: «Верно».

Национализм и интернационализм

Крепко и убедительно отстаивая правоту русского национализма, громя интернационализм и в его вульгарно-большевицких и в его масонски-утонченных видоизменениях, мы должны блюсти две границы: 1. Грань против всяких идиотизирующих преувеличений, неумных, крикливых, комичных, дающих противникам материал для пачкотни, как-то – всяческого претенциозного «мессианства», мании грандиозы, легкомысленного шовинизма, евразийства, презрения к другим народам и т. д. 2. Грань против всяческого преувеличения иноплеменных преимуществ, заслуг, способностей и т. д. Весь вопрос требует от нас сочетания страстности и трезвения, огня и зоркости, пафоса и справедливости. Надо установить различие между «интернационализмом» (отрицающим родину) и «сверхнационализмом» (утверждающим родину, возвеличивающим ее в мире и обеспечивающим ее в возможной будущей международной организации). Самобытность не добывается ни оригинальничанием, ни гордынею. Цивилизационно-культурный разрыв с Западом означал бы, что Россия будет через четверть века поработана западными соседями посредством технического и стратегического завоевания⁴³.

⁴³ Последние два предложения Врангель подчеркнул, а на полях написал: «Прекрасно».

Право и правосознание

Россия жила и созидалась доселе своим могучим и здоровым государственным инстинктом. Теперь его необходимо превратить в крепкое, эффективно укорененное, волевое право-*сознание*. Этого требует переживаемый миром кризис, вызванный возникновением большевицкой заразы. Нам надо исходить, во-первых, от столь обострившейся во время революции потребности *порядка*; а порядок есть блюение субъективно-правового статуса (своего и чужого), взаимность, равновесие, мир, справедливость; во-вторых, от всенародной потребности в *сильной власти* – отсюда подчинение ей; в-третьих, от *биологической индивидуализации*, пробужденной в революции, – отсюда ее оформление чувством собственного достоинства, волевой дисциплиной, потребностью во взаимном признании (взаимном уважении и доверии). Правосознание должно стать в России предметом преподавания и публично культивирования (герои долга, справедливости, государственной силы, военного и гражданского подвига). Необходимо учреждение обществ борьбы с взяточностью и произволом; необходима публичная апология неподкупности и совестно-справедливого усмотрения.

Раздача орденских знаков не должна быть более механической. Корпорации, культивирующие право (судебные деятели, адвокаты, полиция, фабричные инспектора), должны установить суровые суды чести. Государственность должна как бы систематически подочно впрыскиваться индивидууму. В массе надо воспитывать автономное, патриотическое правосознание.

Государство и власть

Нам необходимо доказать и прививать воззрение, что государственная и политическая деятельность требует высокой *волевой, моральной, образовательной* и профессионально-технической квалификации; это дело не общедоступное, не дилетантское, не уличное; это не дело бухгалтерского баланса для личных жадностей или классовых вожделений; это не дело безответственной болтовни или подлой склоки. Отсюда в высшем смысле слова аристократическая природа государства, значение традиции, профессиональной элиты и профессиональной подготовки. Государственность имеет свои закономерности; какие? Власть имеет свои жизненные аксиомы; какие? От попрания тех и других обрушилась Россия. Только восстановление их восстановит ее⁴⁴.

⁴⁴ На полях к этому разделу Врангель написал: «Очень хорошо!»

Политика вообще

Надо утверждать и доказывать, что политика не есть сочетание насилия и коварства, расчетливой интриги и массовой «наводки», честолюбивой толкотни и беспринципного компромисса. Стержень политики иной: властно суггерируемая⁴⁵ солидаризация страны; гетерономно воспитываемая автономность правосознания; справедливая реформа и прямой образ действия; создание национального будущего через эксплуатацию национального прошлого, собранного в национальном настоящем. Только на этом стержне и только в меру реальной необходимости допустимы и не гибельны все коварства, насилия и компромиссы обыденной политики. В политике и в государственности есть нечистые стороны и дела; их нельзя замалчивать или отрицать; но именно поэтому политика требует чистых рук, их сознательного и бескорыстного участия в нечистых делах, их трагического самопожертвования.

⁴⁵ *Суггерируемая* (от лат. *suggero*) – наносить, доставлять, давать, внушать, советовать.

Свобода и либерализм

Надо дать религиозное и духовное обоснование свободы; поставить внешнюю свободу в подчинение и в зависимость от внутреннего самообуздания и духовной дисциплинированности; установить принцип *верной* меры свободы (в зависимости от народа, эпохи, культуры); доказать, что во внешне-социальном отношении гетерономная лояльность выше и ценнее автономной преступности; критически отвергнуть анархизм, как невозможную и духовно ненужную, аффективную химеру, и показать – сколь много свободы было в России *до* революции и как она была целиком уничтожена революцией.

Наш лозунг для России: свобода веры, свобода собственности, свобода хозяйственной инициативы, свобода торговли⁴⁶. Но не «свобода разрушительной пропаганды, злодейства и предательства родины».

⁴⁶ Здесь Врангель предлагает добавить: «Но не “свобода слова” так, как она понимается ныне».

Равенство

Надо вскрыть и установить, что равенство есть химера, порожденная завистью и поверхностным рассудком. Люди не равны по природе. Они не должны быть равны *по* закону (распределение законом полномочий и обязанностей). Уравнение людей *перед* законом (т. е. применение закона ко всем, кто ему подчинен) тоже есть не бесспорная истина и знает свои исключения (аболиция⁴⁷, амнистия, помилование). Справедливость требует не равенства, а верно приспособленного неравенства. Революция творит не равенство, но сначала механически-обратное неравенство, а потом органически-извращенное неравенство в пользу своей какистократии⁴⁸. Равенство как лозунг французской революции и мирового большевизма переживает ныне великий кризис; надо превратить этот кризис в окончательное идейное крушение.

Наш лозунг для России: дорогу таланту, честности, знанию и опыту! Да здравствует справедливость! Долой равенство! Ставка на лучших и сильных!⁴⁹

⁴⁷ Аболиция (*лат.* abolition) – уничтожение, отмена.

⁴⁸ *Какистократия* – власть худших.

⁴⁹ Последнюю фразу Врангель подчеркнул, а на полях написал: «Да».

Семья

Нам необходимо утвердить семью, ее значение и ее ценность – религиозно, нравственно и государственно (имея при этом в виду именно христианскую моногамическую семью). Надо показать религиозный и нравственный смысл единобрачия; значение отца и матери как духовных врат к восприятию Бога, к чувству собственного достоинства и к национальному продолжению поколений; духовное значение братства как залога общности и государственности; духовное значение предков и потомков как источника традиций, строительства, консерватизма, культуры и патриотизма⁵⁰.

⁵⁰ Врангель подчеркнул слова «отца», «матери», «братства», «предков», «потомков» и написал на полях: «Превосходно».

Монархия и республика

Мы не можем и не должны скрывать того, что мы принципиально убежденные монархисты, и притом не просто в политическом смысле (России нужен царь), а в глубоком, религиозно-идейном измерении. Идею глубины и чистоту, художественную прекрасность и христианскую фундированность⁵¹ (*не ветхозаветно-библейскую!!*) монархии нам и надо заново раскрыть и показать. Критика республиканизма должна исходить именно из этой концепции. Программа для России: если Россия обречена после падения советов на республиканский строй, то мы будем реально и патриотически служить России и в этой форме; монархический же строй должен быть подготовлен в душах и в правосознании массы – тогда он осуществится неминуемо и будет на высоте⁵².

⁵¹ *Фундированность* (от лат. fundo) – обосновывать, закладывать, утверждать.

⁵² Последнюю фразу Врангель подчеркнул, а на полях написал: «Да».

Демократия

Демократия не есть самоценность и не обеспечивает сама по себе ни целостности государства, ни его духовного расцвета, ни прочности правопорядка, ни социальной справедливости. Демократия есть формальный механизм вовлечения масс в отправление функции власти. Это имеет свои дурные последствия и свои великие опасности; их надо вскрыть. Демократия на Западе спасается именно своими антидемократическими упорами и коррективами (в душевном укладе и в государственной машине). Особенно нелепа и противогосударственна русская демократическая химера. Демократия есть или средство для выделения к власти лучших (осуществляется ли это? где? и как?), или же вредная бессмыслица, порожденная завистью, честолюбием, биологической индивидуализацией в массе и органической потребностью освежить наличную государственно-ведущую элиту. На самом деле *всегда* правит меньшинство. Можно ли вообще духовно обосновать и политически организовать право большинства? Государствам вообще нужно и важно гетерономное воспитание автономного правосознания, а не демократическая форма как таковая. Демократия же всегда была и будет организацией стабилизированного государственного распада⁵³.

⁵³ На полях к этому разделу Врангель написал: «Отлично».

Парламентаризм

Парламентаризм есть увенчание демократического уклада (убежище для беспринципных плутов⁵⁴) – даже и там, где «демократия» не охватила еще всю народную толщу. Посему к парламентаризму относится все, высказанное о демократии. Но далее: парламентаризм есть организация партийных трений, партийного честолюбия, партийного духа – т. е. канонизация непредметной политической интенции, скрытой гражданской войны и работы над разрешением ложной проблемы: *создать могучее волевое единство с верной государственной интенцией из множества разномыслящих и врозь волящих хотений с неверной государственной интенцией*. Отсюда: парламентаризм есть растрата государственных сил, организация безволия, канонизация интриги, культивирование беспредметного честолюбия, подготовка всеобщего политического разочарования и утомления. В эпоху мирового кризиса, требующего объединения и усилия государственной воли, – парламентаризм есть наилучшая форма непротивленчества и самопредания злу⁵⁵. Исход: или чистая диктатура⁵⁶, или фашизм⁵⁷, или разложение⁵⁸. Фашизм есть спасительный эксцесс патриотического произвола; в этом заложено все: и его творческая сила и его опасности⁵⁹. В частности, нам надлежит вскрыть опасности русского фашизма.

⁵⁴ Фразу в скобках Ильин вставил от руки во втором экземпляре этой рукописи.

⁵⁵ Это предложение подчеркнуто Врангелем, а на полях написано: «Да».

⁵⁶ Так случилось в России в октябре 1917 г.

⁵⁷ Так случилось в Италии в 1919 г. и в Германии в январе 1933 г. Гитлер был последовательным и принципиальным критиком парламентаризма и указывал на его слабые стороны.

⁵⁸ Так случилось в Англии в 1640 г., когда король Карл I созвал Долгий парламент, который фактически стал законодательным органом начавшейся Английской буржуазной революции, позже (1653) разогнанный диктатором Кромвелем. Во Франции Генеральные Штаты, объявившие себя в 1789 г. Национальным собранием, фактически инициировали Великую Французскую революцию. Они же, преобразованные в Конвент ярыми революционерами, были упразднены диктатором Наполеоном. Распад СССР в эпоху М. С. Горбачева начался с созыва Съезда народных депутатов, развалившего страну в 1991 г. и бесславно распущенного самим же первым президентом СССР.

⁵⁹ В 1925 г. Ильин опубликовал в парижской газете «Возрождение» 9 писем о фашизме, в которых он как корреспондент газеты в Италии описывал события того времени.

Проблемы мирового хозяйства

В вопросах современного мирового хозяйства мы должны *просвещать* наших читателей. С возможной ясностью, простотой и наглядностью (хочется сказать «занятностью») мы должны вскрыть им ту роль, которую призвана играть *здоровая* Россия в мировом хозяйстве. *Степень* хозяйственной зависимости России от других держав, *причины* этой зависимости и возможности *борьбы* с нею; пути, ведущие к увеличению хозяйственного веса и влияния России в мировом масштабе; хозяйственная связь России с ближайшими политическими соседями; хозяйственные конкуренты России в мире и возможные столкновения интересов с ними; хозяйственный смысл проблем Ближнего Востока и Дальнего Востока и т. д. – вот предметы, подлежащие разъяснению и притом всегда волеопределяющему разъяснению с нашей стороны⁶⁰.

⁶⁰ На полях к этому разделу пометка Врангеля: «Верно!»

Собственность

Мы должны дать хозяйственную, социальную, государственную, духовную и христианскую апологию частной собственности. Показать ее соответствие творческому инстинкту человека; ее воспитательную силу в прошлом; ее значение в истории развития мирового правосознания; ее действительную, не фразеологическую только необходимость и священность. Надо открыто поставить и принять *всю* проблему, не уклоняясь от ее труднейших сторон (*beati possidentes*⁶¹, пауперизм⁶², пролетариат, «раздай имущество», фальшь благотворительности, биржа, мировая конкуренция). Разрешение проблемы в направлении: полномочие собственника есть его творческая обязанность; богатый заинтересован в небедности бедного; соревнование, а не зависть; право на труд; нищета не должна становиться кастой; организация собственности, а не отречение от нее; не отрицание богатства, а этизация и культуризация его; справедливость, а не равенство; солидаризация, а не ограбление; изобилие и щедрость⁶³.

⁶¹ *beati possidentes* (лат.) – богатые владельцы.

⁶² *Пауперизм* (от лат. *pauper* – бедный) – нищета трудящихся.

⁶³ На полях к этому разделу пометка Врангеля: «Превосходно».

Социализм и коммунизм

В разоблачении и сокрушении социализма и коммунизма мы должны особенно использовать опыт последнего десятилетия. Различие между социализмом и коммунизмом не идейное и не принципиальное, а тактическое⁶⁴; взаимная ненависть между социалистами и коммунистами не имеет существенного идейного значения; социализм есть лишь подготовительная школа коммунизма. Их *идея* противоестественна: она пытается не решить хозяйственную проблему, а снять ее посредством отрицания ее данных – природного человека с его индивидуальным инстинктом, органичностью, неравенством и духовностью. Отправляясь от этого, нам следует дать естественную, хозяйственную, социальную, государственную, идеологическую и религиозную критику социализма. Критика не должна быть загружена статистически-конкретными данными, которые найдут себе место во второй части журнала. Желательно установление прочной принципиальной грани между так называемым государственным капитализмом и социализмом⁶⁵.

⁶⁴ Это предложение подчеркнуто Врангелем, а на полях написано: «Да».

⁶⁵ На полях к этому разделу пометка Врангеля: «Верно». Здесь уместно упомянуть исследование И. Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории», главная идея которой проста: социализм есть древний соблазн человечества, но он *всегда* приводит к *смерти*. Следующая цитата из книги о. Александра Шмемана является краткой выжимкой таких выводов: «Социализм ничего не *воздвывает*. Он статичен, как статична смерть; он смертоносен. Все раз и навсегда “распределять” между всеми и уравнивать в этом “счастье”. Ни цели, ни риска, ни – в сущности – труда, т. е. всего того, что заложено в самой природе человека. Сплошная “гарантия”. Нет, это уже не карикатура, не извращение. Это коллективная смерть. Социализм – это принятие падшего мира, неведение его как падшего. Это смертоносная зараза. Это ответ Антихриста – Богу...» (Прот. Александр Шмеман. Дневники: 1973–1983. М.: Русский путь, 2007. С. 594.)

Политические уроки мировой истории

Было бы очень важно извлечь из естества русского крушения целый ряд обобщений, ориентированных на явления и процессы мировой истории. Дело не в проведении аналогий, всегда условных и до известной степени поверхностных, а в установлении прямых назидательных социологических законов, конкретно испытанных русским народом на своей собственной шкуре, например: религиозность как глубочайшая спайка общества и государства; бессилие и безволие власти губит страну; отречение монарха развязывает в стране атомистические процессы; автономное правосознание выше и жизненнее гетерономного; всякая страна нуждается в волевой и ответственной элите; революция есть глубокое заболевание государственного правосознания в народе и т. д.

Пути и способы нашей борьбы

Мы должны прежде всего установить духовно-политический смысл эмиграции и духовно-политический смысл подъяремного отсиживания; установить их сопринадлежность, солидарность и взаимное понимание. Далее надо оттенить, что мы формально «революционеры» – отсюда опасности наши: «чем хуже, тем лучше», пораженчество, отрыв от интересов страны и от понимания ее внутренних процессов; однако по существу мы не революционеры (разрушители и разлагатели), а лояльные и верные граждане России (строители и блюстители). Отсюда наше *консервативное* призвание: блюдение живого, ценного и существенного – и здесь, и там; восстановление, но не реставрация; возрождение, но не реакция; оздоровление и очищение, но не месть; консолидация и амнистия, а не новый передел имущества. Отсюда уже наше право на восстание и на свержение. Лозунг: нещадная борьба коммунистам, мир и братство России; прощение личных обид и очищение родины от ее врагов и вредителей⁶⁶.

⁶⁶ Последнее предложение подчеркнуто Врангелем, а на полях написано: «Прекрасно».

Меры переходного времени

Поскольку нам придется высказываться по сему вопросу, нам следует всемерно подчеркивать все *успокаивающее*, отводящее всякие страхи, всякое ожидание расправы. Гроза должна грозить только активно и вооруженно поддерживающим дело коммунистов в России: каждого, сложившего оружие, ждет братание и амнистия; каждого отрекающегося от коммунизма – персональная и имущественная неприкосновенность; всем – забвение, прощение и воссоединение. Особенно крестьянам и красноармейцам. Надо, чтобы туда струилось дыхание мира; чтобы широко разлеталась идея безопасности переворота, его выгоды и спасительности⁶⁷.

⁶⁷ На полях к этому разделу пометка Врангеля: «Да».

1927

№ 1

Часть I

«Русский Колокол» – есть журнал национальной и патриотической волевой идеи. Его цель – служение самобытной и великой России. Его задача – глубокое и всестороннее обновление духа в русском образованном слое, укрепление русского самосознания и отбор качественных сил. Мы исповедуем родину как священное начало. Мы осуждаем революцию; мы отрицаем социализм и коммунизм; но мы не ищем восстановления дореволюционных порядков. Мы верим в величие *новой, грядущей* России; ею занята наша мысль; ей отдана наша воля. Мы крепко верим в государственную одаренность русского народа и знаем, что Россия восстановится на путях *религиозного очищения и самобытного творчества*. Мы не связаны ни с какими партиями и организациями. Но мы ищем и зовем единомышленников по всему свету. Мы ждем идейного и волевого отклика от всякой живой души, умеющей ставить Россию выше всего.

Да поможет нам Господь!

Редакция

«Русский колокол»

После долгих унижений и страданий пробуждается духом национальная Россия. С нею наши помыслы. Ей отдана наша воля; ей посвящено наше служение. Ей навстречу звучит наш Колокол.

Проходят годы великого смятения и крушения, годы, полные грозных, пророческих событий. Мы видели эти события и уразумели их; они были явлены нам, но не только нам одним: неисповедимым промыслом Божиим Россия первая вступила на путь изживания *мирового соблазна*. Десять лет длится это хождение по мукам. И вот, где-то впереди забрезжил конец его.

Сколько раз за эти годы содрогалось наше сердце до самой глубины!.. Сколько раз изнемогал ум, силясь охватить законы совершающегося!..

Но *воля*, напрягаясь, закалялась в суровых решениях и страшных клятвах... Но, не колеблясь, ведала наша *вера*, что жива по-прежнему святая Русь; что не развеяна ее духовная сила, укрепленная и возвращенная русским Православием; что как встарь, от татарской погани, ушел наш священный Кремль на дно таинственного озера и дивно всплывет в предназначенный час; что в зримом умирании незримо возрождается наша Россия, да славится в ней Воскресение Христово!

Пробьет этот желанный час, и начнется исцеление. России понадобятся *все* ее верные сыны, где бы они ни были и под каким бы бременем они ни изнывали. Все, кто огнем своей любви скажет: «я – русский!..» *Всем* будет место и дело в ее обновленной жизни; она *всех* спаяет новым примирением и новым братством.

К этому великому часу мы должны неутомимо готовиться. Все мы, кто любим Россию, где бы мы ни были и под каким бы бременем мы ни изнывали. И ныне же мы должны сказать себе и друг другу, в чем нуждается наша родина? чего она потребует от нас? в чем мы видим

ее спасение? и что мы должны делать в будущем для того, чтобы никогда более не повторились эти годы смятения и крушения?

И вот, первое, в чем нуждается Россия, есть религиозная и патриотическая, национальная и государственная *идея*.

Мы должны увидеть *идеальную Россию*, нашу родину в ее возможном и грядущем *совершенстве*; увидеть – священною мечтою нашего сердца и огнем нашей живой воли. И увидев ее так, и увидев ее такую, создать те силы, которые осуществят ее, – Россию природных и национальных дарований; Россию великих залогов и заветов; Россию святителей, гениев и поэтов; Россию перед лицом Божиим...

Каждому русскому, кто бы он ни был, необходима эта *священная идея его родины*, как руководящая цель, как живой источник его земного мировоззрения, как движущий мотив, как критерий для проверки всех его поступков; и более того: как предмет, о котором он молится всегда и прежде всего, и за который он способен умереть.

Эта *священная идея России* указывает нам цель всей нашей борьбы и всего нашего служения; и не только на ближайшие сроки, а на целые века вперед. Она охватывает все силы России и все ее достояние: от веры до быта, от песни до труда, от духа до природы, от языка до территории, от подвига до учреждений. В этой идее мы видим *все Русское* сбереженным и взлелеянным, обогащенным и расцветшим; и тысячами голосов самобытно хвалящим Творца.

Стоит ли нам жить без этой идеи? И не из нее ли всегда рождались те усилия и взлеты, та преданность и то терпение, те мечты и те грозы⁶⁸, которые создали Россию в истории?

Без этой идеи все скудно и половинчато; все бесцельно; все без руля и без ветрил: и культура, и искусство; и хозяйство, и политика; и война, и мир. Вредна безыдейная программа; нелепа безыдейная борьба, – нелепа и обречена. Ибо только *священная идея* дает силы для борьбы; только она дает настоящую победу.

Эта идея зовет к созданию великой России. *Духовно* великой; и вследствие этого – великой и *государственно*; великой и оправданной перед лицом Божиим; а потому великой *в людях и для людей*. Ибо земное и человеческое величие – или освящено и благодатно; или есть тлен и прах.

Россия должна обрести глубокие и животворящие, но развеянные и утраченные основы своей веры и освятить ими свое земное бытие. Она должна раскрыть *мироприемлющие* силы православного христианства, освящающие и природу, и труд, и искусство, и науку, и государственность, – и освятить ими себя.

Это есть идея *великодержавной* России, воздвигнутой на основах подлинно *христианской*, волевой и благородной государственности. Это есть идея: *Богу служащей* и потому *священной родины*.

В этой идее, христианской и *милосердной* и в то же время государственной и *грозной*, – высказана наша цель, наше будущее, наше величие. Она отвергает раба и хама; и утверждает брата и рыцаря. Она учит чтить божественное в человеке; и потому требует для него духовного воспитания. Она дает человеку свободу для духа, для любви и для творчества; но не дает ему свободы для лжи, для ненависти и для злодейства. Она учит принимать право, закон и дисциплину доброю волею; и требует, чтобы мы заслуживали себе свободу духовным самообладанием. Она зовет к братству; но выражает братство не в равенстве, а в справедливости и в справедливом ранге. Она зовет к творческому труду, ограждая собственность; но самую собственность освещает как ответственную обязанность и как призыв к щедрости. Она утверждает брак как таинство; и семью как школу любви, верности и повиновения. Она учит строить государство не на выгоде и произволении, а на долге и верности; не на

⁶⁸ Так в тексте. Возможно, должно быть – «грезы».

интриге и подозрении, а на уважении и доверии; не на честолюбии и заговоре, а на дисциплине и преданности вождю за совесть. И потому она зовет нас воспитывать в себе монархические устои правосознания.

Эта идея есть древняя и исконная *русская* идея. Она предносилась нашим подвижникам и летописцам; нашим государям и полководцам; и простым людям, и образованным; и разумным, и юродивым. Она национальна по происхождению. Но она *национальна* и по *цели*. Ибо она утверждает, что русский народ уже доказал и утвердил свое право на существование, создав великую, духовную и державную культуру; и что потому он *прав* перед лицом Божиим, отстаивая свое бытие и свои права. «*Россия*» есть имя великой национальной культуры и великой государственной организации; это есть имя того духовного лона, созданного русским народом, в которое сто сорок различных племен сделали свой бытовой, а иногда и духовный вклад, и в котором они нашли свою родину. Созданиям этого творческого лона ныне изумляются другие народы; а впереди его ждет грядущий творческий расцвет и величие. И потому Россия должна не служить другим народам, жертвуя собою, сокрушаясь от непосильных напряжений и поучая их своим крушением, но *беречь свои силы* и воспитывать своих сынов к духовным достижениям и подвигам.

Расцвет русского духа и русского творчества есть цель, верная и ценная сама по себе. Всякий, борющийся за нее, *прав* перед лицом Божиим и перед всем человечеством; и недалек тот час, когда другие народы научатся чтить нас и перестанут делать из нас простое оружие для своих целей. Но для этого мы сами должны познать и признать свою мировую ценность; мы должны научиться чтить в себе свое национальное достоинство, не переоценивая других народов и не подражая им; мы должны спокойно и уверенно внять инстинкту нашего национального самосохранения.

Такова наша религиозная и патриотическая, национальная и государственная идея. Она есть то первое, в чем нуждается Россия.

Второе, что необходимо ей, – есть *воля и характер*.

Не выдумывать, не мечтать, не вздыхать призваны современные поколения русского народа в целом и русской интеллигенции в особенности, – но видеть и понимать; понимать и решать; решать и осуществлять. Россия требует от всех нас *воли и дела*. Не легкомысленных толчков; не коротких порывов; не безответственных эксцессов. Но – *глубоких, выдержанных и властных решений, изливающихся в систему организации и в систему организованных действий*.

Это нужно не на «завтра» и не на «послезавтра»; это нужно на несколько поколений. России нужны люди, умеющие любить и притом любить самоотверженно; умеющие желать и притом из глубокой и сильной воли; умеющие поступать и брать на себя ответственность за свой поступок. России необходимы не растерянные и напуганные обыватели, но люди с гражданским мужеством; не слабые, а сильные; не гнущиеся, а ведущие; люди с крепким национальным характером; *русские алмаз*⁶⁹. Они необходимы ей не только для того, чтобы совершить ее освобождение и восстановить ее; но еще для того, чтобы воспитать в ней новые поколения с гражданским мужеством и с характером.

Воспитание характера – вот великое национальное задание России; вот ее волевая идея на века. Русскому человеку необходим характер, религиозно укорененный, патриотически накаленный, способный к *деяниям долгого замысла и медленного, выдержанного исполнения*.

От расовых кровей и от внешней природы русский человек получил много даров; но *это* свойство он должен выстрадать и *приобрести сам*. Русская душа дышит легкостью и внутренней свободой, – и нуждается в волевой дисциплине. Она богата талантом, – и нуж-

⁶⁹ *Алмаз* – алмаз, бриллиант.

дается в трудолюбии. Она глубока и темпераментна, – и нуждается в волевом и разумном трезвении. Она добра и гостеприимна, – но не проработана чувством долга. Она религиозна по природе, – но нуждается в зорком очищении и в выдержанной борьбе с соблазнами. Она мечтательна, созерцательна и в чувствах своих неуравновешенна, – но именно поэтому она нуждается в самообладании и в силе характера.

Эта сила не дана русскому человеку, а задана ему; и вся наша история, начавшаяся с разочарований татарского ига, исполненная непрерывных военных напряжений и гражданских жертв, не облегчала нам это самовоспитание, а затрудняла его: сильные гибли в героической борьбе, а слабые привыкали к пассивному терпению.

Россия нуждается в *сильных людях*. Чтобы вести других, надо самому уметь стоять и уметь идти. Слабые ничего не возглавят, никого не поведут и никого не воспитают. Воспитывать могут только сильные: только мужественный может взрастить мужественных; только трудолюбивый может приучить к трудолюбию; только добросовестный может воспитать добросовестных. Только честный и грозный страшен злодеям. В русской истории перевернута страница безответственной мечтательности и пассивной критики. Суровое и трудное время требует твердой воли и трезвой, *железной работоспособности*. Пусть это будет меньшинство: всякую страну всегда ведет меньшинство; но это меньшинство должно быть *качественно* на высоте – оно должно быть религиозно идейным, организационно умелым и технически знающим. И тогда в ответ на качественный зов – народ начнет выделять из себя качественных людей и развернет свои лучшие и благороднейшие свойства.

Это второе, в чем нуждается Россия.

И третье, что ей необходимо, – это *свободный и спокойный патриотический реализм* для мирного и творческого выхода из революции.

Мы знаем и понимаем, что революция была духовною болезнью, великим всенародным несчастьем, от которого *все* русские люди бесконечно много потеряли: одни потеряли *всё* и даже возможность жить у себя на родине; другие потеряли очень много, гораздо больше, чем они приобрели и чем они, может быть, ныне сознают это – ибо тот, кто в революции приобретал *для себя*, тот терял *вместе со всюю страню* бесконечно больше приобретенного.

Ныне мы все ищем духовного и политического выздоровления от этой болезни. Мы знаем и понимаем, что впредь в России многое будет совсем иным, чем было раньше; и никто из нас не желает восстановить все по-старому. Мы видим впереди *новую Россию, лучшую*, в истории *еще небывалую*. Правда, она сначала будет несравненно более бедна и слаба, и несравненно менее образованна; но мы принимаем все эти тяжелые последствия революционной беды и готовы нести их бремя жизнью и волею. Ни к кому из русских людей, *любящих Россию как свою родину*, мы не питаем ни злобы, ни мстительных чувств; напротив, выше всего ставя благо России, мы желаем одного – чтобы она была избавлена от нового, повального, имущественного передела и, следовательно, от новой гражданской войны...

Реальное благо России – стоит для нас выше всего; ему должны быть подчинены все частные, групповые и классовые интересы. Трезво и честно, ответственно и по совести определит сам русский народ в лице своих лучших людей, что нужно для его умиротворения и творческого труда; и да будет все согласно этому определению! Мы свободны от всяких дореволюционных, классовых и сословных предрассудков; мы ищем для России – величия, а для себя только одного: *счастья идейно и честно служить ей до гроба!*

Советская власть обречена; и она падет⁷⁰. Она должна быть свергнута; и будет свергнута. И кто бы из русских патриотов, свергших ее, ни взял в свои руки власть, – пусть только он реально ведет и блюдет благо России, – мы готовы помогать ему трезво и честно, идейно

⁷⁰ Предсказание Ильина сбылось в 1991 г.

и ответственно. Да свершится русское национальное дело! А мы ищем для себя одного: счастья верно служить величию России...

Вот в чем нуждается наша родина. Вот чего она требует от нас. Вот в чем мы видим ее спасение.

России нужен идейный волевой и творческий кадр: *рыцарственный кадр*. И она уже готовит его для себя в лишениях и испытаниях. Он мученически томится внутри страны; он героически ведет борьбу в лесах и в тюрьмах; он изнывает в непосильной работе по всему миру. Пусть же он знает и твердо верит, что в нем, *в его духовной силе и зрелости – залог нашего национального спасения!*..

И Россия скоро позовет его. Ибо близятся исторические сроки; и народ наш, потрясенный и отрезвленный, возвращается к своим национальным алтарям, к священным истокам своей жизни...

Да звучит же наш Русский Колокол!..

С нами Господь нашего Китежа!!.

Редактор

О священном

Грозная беда постигла человечество: оно растеряло свои святыни и расшатало духовные основы своего бытия. Его жизнь стала бесцельна; его творчество – бессмысленно; его благие силы стали скудны и немощны; его влечения – низменны и необузданны. И чем дальше идет время, тем более становится оно *слабым в добре и сильным во зле*. Есть ли предел этому падению и где он?

Это падение прекратится и этот предел установится; но не ранее, чем в сердцах возродится живое и глубокое чувство священного, – живая и подлинная религиозность. В душах иссякли благодатные источники богосозерцания; они должны вновь забить ключом. Современные люди как бы ослепли для Божиих лучей, пронизывающих мир; им предстоит вновь прозреть. Самодовольный и плоский рассудок восстал против живой тайны Божией; ему предстоит смириться и преобразиться в *верующий разум*. Божии лучи опять засияют человеку с *очевидностью*; но до этого и для этого ему предстоит очиститься в глубоких страданиях и унижениях... И из этой глубины он опять воззовет к своему Господу!

Человечество растеряло свои святыни. Они не исчезли и не перестали быть; они по-прежнему реальны. Но человек не видит их, не испытывает их, не трепещет и не ликует от духовного прикосновения к ним, не загорается и не горит, не любит их и не рвется к ним, не борется за них и не ищет их осуществления. То, к чему тянется масса современного человечества – то не священно; а мимо священного она проходит – равнодушная и безразличная, или же буйствующая и кощунствующая. И судьба ее в том, что те, кто сегодня равнодушны, – завтра будут враждебно буйствовать; а те, кто вчера были безразличны, – сегодня уже изрыгают хулу...

В горнем плане реально все по-прежнему. Свят и дивен Господь и в небесах, и в Сыне Своем, и в веянии Своего Духа, и в таинствах благодати, и в тайнах созданного мира. По-прежнему все насыщено священною значительностью. По-прежнему славит Творца – и величие гор, и взволнованное море; и мертвый кристалл, и тайна живого организма; и безошибочность инстинкта, и благоговейно вопрошающая мысль; и пение птиц, и закатные лучи, и молчание ночи. По-прежнему нам дается более, чем мы умеем взять, и прощается более, чем мы этого сто им.

Но с каждым поколением становится все больше и больше людей, которые не живут в горнем плане, не видят его, не знают о нем, и не знают вообще, что он *есть*. Мир, который они видят, – веществен и случаен; мысли, которые они накапливают о нем, – плоски

и мертвящи; чувства, которыми они обращаются к нему, – мелки и похотливы; цели, которые они себе ставят, – коротки и себялюбивы. И вся жизнь их – безблагодатна, безыдейна и бескрыла. И сами они – остаются игрищем собственных страстей и чужих влияний. Они лишены хребта, но не лишены жадного напора. И если их еще сдерживает страх, то идея давно уже не ведет их. Ими правит не дух, а вожделение. Каждый из них имеет «существование», но редко кто из них причастен благодатному *бытию* и выстраданной, священной, богодарованной *силе*.

По силам ли им соблазны разнузданных страстей, прикрытых окаменевшим безбожием? Какие священные начала они могут противопоставить пафосу отрицания? Никаких. Священное открывается только духовному оку; оно не открывается ни телесным ощущениям, ни рассудку, ни животным чувствам, ни пустопорожной воле. Что может возразить нигилисту тот, кто не испытывает и не знает ничего священного? *Практический* материалист, с плоскими мыслями, мелкими чувствами и короткими целями, – что может он противопоставить *теоретическому* материалисту, утверждающему, что таким и надо быть *не стыдясь*? Богопустынная душа бессильна перед напором диавола: ибо диавол есть лишь верный идеолог для безблагодатности и безыдейности.

Религиозно слепые и бескрылые поколения нашей эпохи возникли не сразу и выступили совсем не неожиданно: это плод, *давно завязавшийся и долго зревший*. За этим умонастроением, за этим душевно-духовным укладом лежит история нескольких веков. Этот уклад возник из того, что человек *ослепился закономерностью материи и стройностью рассудка*; и отдал им *центральное чувствилище своего духа*; а душевная инерция доделала остальное. Человек зажил такими органами души, которые бессильны в обращении к священному, которые будят только внешнюю поверхность предметов и отвлеченную сторону мыслей. Бытовая, техническая полезность утвердила его в этом укладе: *любопытствующий наблюдатель* стал успешно обслуживать *прозаического корытолюбца*, и оба вместе соединенными усилиями воспитали *самодовольного резонера*. И когда привычный резонер и плоскодум обернулся назад и увидел внешние покровы заброшенных им святынь – он иронически и кощунственно засмеялся.

Вместе с Вольтером и вслед за Вольтером европейское человечество высмеяло и *просмеяло свои святыни*. Эта слепая, самодовольная и легкомысленная ирония выдавала себя и принималась за проявление света, за высшую зречность. А на самом деле она закрепляла в душах слепоту и религиозную немощь. Это был не только отказ от священного; это был отказ от серьезного и благоговейного подхода к священному. Эта ирония не только отрезала религиозные крылья у человека, но как бы прижигала еще своим едким ядом урезанные места: чтобы крылья и впредь не могли вырасти. Она опустошала мир и душу. И, следуя за нею, человек привыкал считать откровение вымыслом, догмат – предрассудком, молитву – чудачеством или ханжеством. Мало того, он привыкал издеваться над молитвою, над собою, прежде молившимся, но более не молящимся, и над самим Предметом своей бывшей молитвы. Религиозная слепота становилась *критерием просвещенности*; а жизнь, опустошенная от святыни, становилась подлинным *царством пошлости*.

Солнце не померкло в небесах. Но ослепшие глаза утратили его образ. Душа поверила, что солнца нет, и погрузилась во внутренний мрак.

От нас зависит выйти из этого мрака наподобие того, как вышел из него евангельский слепорожденный: ибо целительная грязь уже возложена на наши глаза и нам остается промыть их и видеть. В этом *религиозный смысл* нашего революционного крушения.

Без священного человеку нет жизни на земле, а есть только прозябание, кружение в порочных страстях, унижение и гибель. Что мы без святыни? – прожорливые черви, хищные звери или испуганные овцы... Живое отношение к святыне впервые делает человека – *человеком*; служение ей – строит его личность и созидает его характер.

Восприятие священного – пробуждает душу к жизни от сонного прозябания; и тот, кто не пережил этого, тот пусть считает себя духовно спящим. Испытать священное и узнать его – значит пережить *главное* в жизни, такое, чем воистину стоит жить и за что воистину стоит бороться и *умереть*⁷¹. Этим восприятием душа бывает потрясена и как бы ранена; ранена – божественным совершенством; но не к болезни, а к исцелению, радости и любви. В этот момент, если он состоялся впервые, в ней совершается как бы некая *завязь* духа, личности и характера; в этот момент в ней как бы небо отделяется от земли; или в жилище ее как бы воздвигается алтарь; или в граде ее как бы возносится на горе Кремль с его святынями. В человеке возникает его *священный центр*, к которому отныне все должно стекаться и от которого все должно исходить. Отсюда он будет впредь обращать свой взор к Божественному, и здесь он будет искать вдохновения и умудрения; отсюда будут возноситься его молитвы; здесь будут даваться его страшные и ненарушимые клятвы; здесь будут приниматься жизненные и смертные волевые решения. Пребывать в этом центре и жить его откровениями составляет *смысл жизни*; оберегать его в себе и укреплять – есть пожизненное задание; служить ему есть вечное призвание человека и источник блаженства. Ибо блаженство – в верности: в верности Божественному зову и указанию.

Где сокровище человека, там и сердце его (Мф. 6,21); и именно поэтому ценность человека определяется ценностью его сокровища. Тот, кто вздыхает о ничтожном – тот сам ничтожен; поклоняющийся пустому – пуст в своей душе. Порочен человек, поскольку он мечтает о порочном; и зол тот, чья воля тянется к злодейству. Но тот, чья радость и любовь отданы священному, кто молится истинному Богу, – тот *таинственно и реально приобщается Его правде и Его силе*. Он уже не пуст и не ничтожен; в его личности есть не только земное, но и *твердь небесная*; его алтарь становится главным центром его души, а сама душа его уподобляется Кремлю. По-прежнему его душа, как у всех, имеет свои слабости и страсти, а может быть, и пороки: «животное» и «земное» не исчезает в человеке, пока он живет на земле.

Но личность его уже *не сводится* к его страстям и слабостям; напротив: утвердившись в священном и создав в себе алтарь живого Бога, она вышла из своих страстей и противопоставила себя им. Она не исключила их из себя; это не удалось ей; и не может удалиться, пока она живет на земле. Но владычеству их пришел конец. Она приобрела *власть* над ними; она уже *может не подчиняться* и не предаваться им. В любой миг она может сосредоточить свою энергию у алтаря, загореться и воззвать о помощи; и в этот миг она уже осилила и превозмогла. Ибо в ней есть *источник высшей силы*; и страсти уже не ведут ее к падению с той неотвратимой необходимостью, с которой течет вода и осыпается песок.

Священное зиждет в душе человека алтарь, этот источник священного *горения* и *священной силы*. Отсюда *власть* человека над самим собою; власть, дарующая ему внутреннюю *уверенность* и *свободу*. Эта свобода далеко еще не есть праведность; но она есть *путь* к праведности. Ибо праведность достигается именно через упражнение, укрепление и осуществление этой свободы. *Бытие* человека начинается именно с этой внутренней *власти и свободы*; то бытие, которого нельзя ни разложить, ни извратить, ни сломить, которое делает из человека при его жизни – *живой очаг духовной силы*; и которое светит другим, и ведет других – после самой смерти его.

И вот, избыток этого духовного самообладания помазует человека – к *верной власти над другими*, к властному ведению и воспитанию их во имя Божие. И люди сами чувствуют это; и с облегчением приемлют такую власть, зная, что источник ее – *в служении священному*. Вот глубокий смысл этого трудного и таинственного слова: «нет власти не от

⁷¹ Эта фраза впервые появилась в брошюре Ильина «Духовный смысл войны» в 1915 г. Она повторяется во многих его произведениях.

Бога» (Рим. 13,1); и напрасно думать, что это слово зовет нас – повиноваться дьявольской власти только потому, что она «успешно» воздвиглась на злых страстях.

Что есть человек без святости?.. Пустая видимость человека; обманная личина личности, не более. К чему способен он, служа своим страстям и прихотям? К слишком «многому», – но именно потому, что он не способен к *главному*. Можно ли верить ему, если он сам не верит Богу, и если он через эту веру не научился еще – верить себе самому? Оставаясь один на один перед лицом Божиим, он отвертывается от Бога и изменяет себе. Как же могут верить ему другие? Что может он противопоставить хладному и темному духу соблазна? Как противостоянет он ему, не имея ни священного знамени, ни священной идеи? Ибо если он ныне отводит соблазн только потому, что он сейчас не сулит ему *выгоды*, то завтра соблазн придет к нему в обличии выгоды и расчета; и увлечет его на свои пути...

Что противопоставляет современное человечество заразе воинствующего безбожия? Трезвые соображения о том, что коммунизм и порочность «не выгодны». А если через десять лет духовно ослепшие массы найдут, что коммунизм прибылен, а порочность выгодна?.. Тогда они соскользнут в бездну с тою необходимостью, с которою течет вода и обсыпается песок...

Опустошенный и растерянный, современный человек не может и не умеет бороться со стихиею пошлости и с напором дьявольского начала. Для этой борьбы необходим *религиозный закал души*; необходима *преданность священному и верность алтарям*. Призрачные люди не могут и не должны участвовать в этой борьбе: они всегда будут подобны картонным кирпичам, заложенным в стену; и чем больше их будет, тем скорее обрушится стена. Для этой *священной борьбы* необходимы не оглушенные, не опоминающиеся и не прозревающие; но *прозревшие, окрепшие и закалившиеся*; такие, которые из глубины своего духа поняли, что действительно не стоит жить тем, за что не стоит умереть; и которые *волею* приняли бремя этой великой, мировой борьбы во имя священного.

Такие люди ясным и спокойным взором узнают друг друга при первой же встрече; и не ошибаются. Они узнают друг друга по священному закалу души; и верят друг другу так, как верит исконно-свой исконно-своему. Ибо ничто не сближает и не соединяет людей так, как верное стояние перед алтарем единого Бога.

От союза таких людей, от их *волевого братства в духе и в делах* придет спасение России. И каждый из нас призван ныне к тому, чтобы найти в себе свой алтарь; зажечь на нем неугасимый огонь; закалить в нем свое чувство, свою волю и свой разум, – и потом *искать своих братьев в духе*; и найдя их, связаться с ними *священными, закреплёнными узами на жизнь и на смерть*.

Только в таком рыцарственном служении и союзе создастся и выдвинется необходимое России поколение. Поколение людей, способных вести борьбу и строить святую Русь под знаменем религиозной и национальной – *священной* идеи; способных подчинить ей и начало земной власти, и начало земной прибыли; способных *создать власть, подлинно идущую от Бога*.

Россия спасется и восстановится только через священное служение Священному...

И. А. Ильин

Как нам быть? (Из писем о России)

Иногда я получаю письма, написанные болью за Россию, всегда волнующие, порой очень горькие, безоглядно указывающие на виновников небывалого разгрома, полные убежденности, что – «теперь, уцелевшие и сохранившие еще силы бороться за нашу поруганную родину, мы должны вдуматься в наше прошлое, решительно покончить с «идеалами и фети-

шами» так называемой *прогрессивной*, или *передовой* русской интеллигенции, в сущности безнациональной, – должны познать подлинное *свое*, творить и хранить его».

Редкое письмо не заключало в себе вопроса: «как нам быть?» Давались и решения:

«Надо выработать основы, «заповеди», как и за что стоять, свято поверить в них, осуществлять только их, чтобы не тратить бесплодно сил».

«Мы должны отбросить вопросы «вечные» и «проклятые», над чем больше века трудилась наша радикальничавшая интеллигенция, требовавшая «прямых ответов», должны покончить со всеми этими рассуждениями о «правде-истине» и о «правде-справедливости», чем щекотали мозги досужливые люди, мучившие себя вопросом – «имеем ли мы право погружаться в искусства, в науки... получать образование на деньги, выколоченные с бедного народа, пребывающего во тьме?» – это образование получавшие, сидевшие в редакционных креслах, поджигавшие на политические убийства, тайно рукоплескавшие им, из безмерной любви к «народу», будоражившие «народ», толкавшие молодежь на дело смерти и в конце концов столкнувшие Россию в пропасть!..»

«Мы должны решать *наши* вопросы, близкие русской жизни, *наше* должны познать, а не весь свет любить и за него терзаться, – терзается он за нас? – укреплять *наше*, не отделять «народа» от России, принимать *всю* ее, со всеми ее классами, не отшелушивая все лучшее, что выделяла страна веками на всяких поприщах. Только, укрепив «поле русское», попробуем засеять и «мировое поле», если семена найдутся, если суждена нам «миссия!»

«Наша миссия – возрождение России. Снова и снова – *подвиг*, подвиг нового созидания России, в поте и крови монаха и солдата, вечных русских подвижников! Вот наши идеалы. Не самоуверенность политиков с провалившимися программами, не любованье своим идеализмом перед целым светом, не прикрытые пафосом патриотизма чаяния «вернуть свое», а великое послушание России, великое за нее стояние!»

«Где духовные вожди *наши*?! Сколько их было у «отцов», и куда привели они!. Почему не руководили лучшие? почему осмеивались достойнейшие? Надо «разрыть могилы», надо воздвигнуть *лучших*, услышать непонятный их голос. *Есть* они! Они же Россию создавали, указывали пути светлые. Тихие их лампы манили ее из тьмы. «Огни мира» сожгли ее. Как же нам быть?!»

Я отвечал вопрошателям. Я чувствовал, что они мучаются всем этим, что они ждут совета. Меня смущало, что я не имею опыта в решении государственных и исторической важности вопросов, да еще при таком разгроме, при таком-то провале идей и идеалов! – что я не мыслитель, не политик, не проповедник и не судья тяжких и роковых ошибок поколений. И все же я отвечал посильно. Я понимал, что новое поколение жаждет нового наполнения и новых идеалов, что без идеалов оно существовать не может: оно же *русское* поколение! Мне было ясно, что мои вопрошатели отвергли специалистов политики и «проклятых вопросов», что эти специалисты для вопрошателей – банкроты, что иные из них как бы и виновники разгрома. Я *должен* был отвечать хотя бы для того даже, чтобы утишить огонь сжигающий. Я чувствовал иногда по письмам, что святой огонь, которым горели души лучших людей и поколений, еще горит в опаленных и оскорбленных, лишенных родины, что не «прометеев» это огонь, а чистый огонь России, огонь жертвы, любви и веры, – огонь от ее лампад. И не «проклятые» вопросы ставятся, а воистину это крик страдания. Я начинал постигать, что теперь, над всеми «проклятыми» вопросами былого, поднялся – *святой вопрос*, что этот святой вопрос – *о бытии России*. И, преодолевая сомнения, отвечал, прислушиваясь к душе России – к душе вопрошателей моих.

Чтобы не повторяться, я счел полезным выступить как бы с общим ответом вопрошателям. Я не считаю эти мои ответы-письма исчерпывающими. Этот как бы мои беседы. Я имею перед собой не искушенных в «государственных опытах» знатоков, а искренно мучающегося собеседника-друга, большею частью из поколения, выросшего в войне и разгроме,

отдавшего себя в жертву за Россию, близкого мне по духу, – из того несчастного поколения, которое не видало улыбки и ласки родины, которое «у чужой притолоки склонится», воздухом чужим дышит, но которое страстно хочет увидеть лелеемую в мечтах Россию, хочет найти ее и крепко ее беречь.

Вот для этих, сердечно близких, и пишу я, посильно хочу ответить моему многоликому, но единому в духе вопрошателю.

Ваше письмо, полное горечи и боли, какое-то исступленное местами, – особенно там, где вы проклинаете «виновников», – взволновало меня искренностью, исканиями и кипением души вашей. И чрезвычайно обрадовало. Не страстность, не пыл раздражения обрадовали, – далеко не все справедливо в обвинениях ваших, – а ваш духовный запас обрадовал, ваше «не поддаюсь!» – ваше страстное чужие России и жажда ее познать (пусть *пока* через изучение написанного о ней) – вера в нее – после *всего!* – вот что меня обрадовало. Этого-то как раз и не хватало огромной части нашей интеллигенции, в России жившей и так мало знавшей ее. Я поражаюсь, сколько в вас пламенной тяги к ней, любовного к ней горения, словно вы в ней одной соединили все чарования невесты, матери и сестры, все восторги, не отданные вами *любимой*, которую вы не знаете... которую только ждете, которая должна быть, *должна быть* суждена вам! Вы ее любите страстно-больной любовью, какую матери любят незадачливого ребенка.

Много больного в ваших словах *о ней*. Много трепета и огня, священного, чистого огня. Вы еще не любили в жизни. Ваши любви не нашли себе выхода, наливались и увядали, сожженные. Именно – *чистого* огня, несмотря на всю грязь и кровь, на все ужасы, через которые вы прошли, борясь неустанно и непрестанно, не поддаваясь, веря. И сохраниться таким, каким я чувствую вас в письме, «девственником», – как рыцарь, который «имел одно виденье, непостижное уму», – сохранить себя при *таких* условиях беспричастной, бродяжной жизни в работе *под* землю, в глуши, без единственной близкой, *живой опоры*, при убивающем дух сознании, что кругом, во всей Европе и по всему миру, никому, кроме раскиданных соотечественников, нет никакого дела до *нашего!* Все против нас. В нашей даже среде – сколько есть против *нашего*, сколько разъединителей и гасителей воли и веры нашей! А вот, не угасает воля, не умирает вера. Вы живы и под землей, в черной и душной шахте, и, как рыцарь былых эпох, верным остались *Той*, прекраснейшей из прекрасных, которая ни одной улыбки не подарила вам, которая не ваша, за которую вы приняли столько мук.

Понимаю вас, когда вы говорите: «Если бы не *она* – мучающий меня так сладко *ее* призрак, в котором и погубленная моя невеста, и бедная моя мать, и мои пропавшие без вести сестры... если бы не *последняя* моя вера, что Россия все еще *где-то* есть – и *будет!* – давно бы с собой разделался!..»

И еще: «Во имя ее прошлого, во славу ее будущего – страдаю. Но *дайте, дайте живого дела!*»

Видите, вот уж и – *идеалы*. А вы с таким отчаянием сказали: «Над всеми «идеалами» – крест!» Не обойдетесь без идеалов. Многое придется отвезть из «идеалов», выправить и ввести *новые* идеалы, придется и в самой русской интеллигенции отбор сделать и выяснить, чем была *передовая*, как вы называете иронически, русская интеллигенция, и какую она *должна* бы быть; но без идеалов, без окрыления и озарения жизни – ни жить, ни творить *нельзя*.

Об этом мы еще побеседуем. А пока укажу вам на авторитет, называемый и великим, и национальным, называемый так почти всеми, даже несхожими с нами в отношении к *нашему*, – чтимый теперь, как святыня культуры нашей, – на Пушкина. Приведу чудесную его *веру*, – она-то и в вас горит:

Два чувства дивно близки нам, –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
(На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека, –
Залог величия его.
Животворящая святыня!
Земля была без них мертва;
Без них наш тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без божества.)

Правду этой, Пушкинской веры вы должны чувствовать очень остро. Разве вы чувствуете – пустыню? разве ваша душа – без божества? Нет, пока в душе – она, вы можете еще молиться. Вот – правда и вера Пушкина, заповедь его, национального, нашего Учителя, которого мы еще мало знаем. Читайте и перечитывайте его. Он весь – национальный. И, весь национальный, полный национального, он и за-национальный, он – всякий, как Достоевский открыл его. В нем как бы знамение будущей России, ее возможностей! И вот, это его вещание – главнейшая из основ бытия всякого народа. Это – религиозное. Это – религия, духовная связь с родиной. Это – национальный идеал. Это глас Божий в нас. И это он в вас, с самого вашего рождения, с первой каплей молока матери, с первым звуком родного слова, во всех чувствованиях ваших, во всех грезах. Это весь опыт прошлого, корни прошлого, отсветы солнца прошлого, освещающие нам путь, с истоков родины нашей, с первых, детских ее шагов – до торжественно-властной поступи в истории народов! Это голоса славных гробниц наших, заветов и заклинаний тех, что пали за дело родины. Эти голоса наполняют духовное наше существо. В этих беззвучных отзвуках слышны и шепоты надежды, и укоры, и мерцанья-грезы из снов далеких, и мудрые веленья... Это – история. Это – песнь, вещая песнь России, вещий голос чудесных ее Певцов, их «глас пророков». Это мерцающие лампы у гробниц, опаляющие огни великих испытаний.

Великое богатство предков, их опыта, – навеки связало вас, и ведет, если вы подлинно кровный, ихний. Вы – кровный.

Вы чутко слышите зов заветов, вещания голосов подземных. Они, эти голоса, слышимые через Великих, чуемые инстинктом, шумят непрестанно в вас, стучат в вашем сердце кровью, ведут на страшные испытания, поддерживают ваш дух надеждой, шепотом в вас влюбленной, рвущейся к вам России. Почему – тоска? Да потому, что она, единственная, к вам рвется, болью своею знает, что вы отдали за нее... потому, что она вам дороже всех миров. Вы связаны с ней навеки, и она с вами связана. Связь неразрывна и по смерти!

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать!

Здесь – тайна родины, родины; – тайна тайн. С вами Она, всегда. Беззвучный шепот и зов ее – на вашем бездорожье, под тяжкою землею, в шахтах. Этот – родины зов беззвучный – и в вашем письме ко мне, и в трепете вашем страстном, и в проклятьях ваших, и в молитве... в единственной молитве – за Россию!

Ваша *неправда* мне человечески понятна. Проклинаете, угрожаете, судить хотите?... Оставьте *маленькое*, не опаляйте духа. Для творческого дела храните святой огонь. *Злое* коварно прельщает вас – растратить себя впустую. Соберите себя, готовьтесь к выдержанной борьбе. Духовно вооружайтесь: *придет* время.

Я понимаю, *как* кровоточит рана...

С первого курса университета – в войне, три года боевой жизни, раны, опять на фронте, борьба за Москву, два героических года *Белой* борьбы, раны, эвакуация, Галлиполи⁷²... Вы *всё* прошли. И *столько* потеряли!.. Лично потеряли.

Потеряли невесту. «Забыла...» – пишете. Отца вашего, скромного педагога, расстреляли. Вашего брата забрали в Красную армию, – он застрелился. Мать выгнали с последнего клочка, и она умерла от голода, от горя. Сестры не дают о себе вестей... Да, вы мученик. И ваши проклятия «отцам», не всегда справедливые, оправдываются тем «адам», который в вашей душе, в котором вы прожили лучшие годы ваши. Вам 32, семь лет вы в боях, дважды пробита грудь. Теперь – *под* землю, бьете киркою в черную стену шахты, как раб, работаете на бывших врагов, близких по прошлому, за чью свободу ваш дед проливал кровь под Плевной! Вы часто бьетесь – пишете вы в письме – «этой незадачливой головой в душную стену, черную, как вся жизнь моя!» И вот, после всего *такого*, вы сохранили любовь к *Единственной*, сохранили чудесное – вашу веру!..

Вы чудесный идеалист. Всей своей героической жизнью – эти тринадцать лет – *больше*, чем жизнь! – вы доказали, что «идеалы» не пустое слово, что они двигатели, что с ними нельзя покончить. Идеалы вели и «передовую» русскую интеллигенцию, и с ними она не могла покончить и, думается, никогда и не покончит. Другой вопрос, насколько все эти идеалы были необходимы, ценны, – насколько связывались они с главным Идеалом. Не было ли пустой работы и, что ужаснее, работы во вред и гибель – Ему? А без идеалов... как же?..

Вы во многом правы, когда так страстно вините «отцов», «вождей». Но зачем – огульно? Не вся интеллигенция русская была такою. Были и верные направления, законнейшие течения *русской* мысли, здоровые государственно-национально; но, роковыми путями, не вобрали они в себя *главные* силы русского общества и растратили свой огонь впустую. Нет, не впустую, впрочем: от них-то и светится в вас *огонь*; от них-то и разгорится пламя! *Они не созрели к сроку*...

Вы обвиняете «вожаков-отцов» в легкомысленном отношении к России, в непонимании – *что есть родина*, в беспочвенности, в отсутствии патриотизма, в рабском подчинении «европе», в стыде за отсталость нашу, за нашу историю, за угнетения втянутых в нас племен, за корыстный захват пространства, с которым мы не в силах будто бы совладать, за легкомысленные мечты о «мире», за фальшивое «христолюбие» и «богоношение», за «мессианство»... Вы обвиняете их в стыде за такую, «отсталую», «Великую Россию».

Вы обвиняете их, что они *отказались от наследства*, от колыбели, качавшей их. Вы обвиняете их в самолюбовании и гордыне: «на целый мир замахнулись», – это вы так о левой интеллигенции, – «о вненационально-мировом *обществе* возмечтали, а *что* дали, *что* из России сделали!». Вы обвиняете их в корыстном захвате власти, во властолюбии, в безверии, в рабстве мысли, в поклонении «фетишам», в непонимании национальных ценностей, в погоне за призраками, за решением «астрономических» вопросов вместо того, чтобы постигать смысл и ценность родного «чернохлебья». Вы обвиняете их в трусливости, что не вышли с вами на Сатану, что оказались терпимыми к Сатане, признав кое-что своим из его программы, поверив в *добрую* его волю, досадуя на его «ошибки». Вы обвиняете их

⁷² *Галлиполи* – полуостров в европейской части Турции, куда в основном эвакуировались из Крыма белогвардейские войска генерала Врангеля.

в ненависти к ошибкам былой власти, которые они называли «преступлениями». Именуете их слепцами, неспособными видеть великого роста родины, которую они проглядели *всю*, не желая видеть великих достижений, пугавших и изумлявших мир.

«Предать – такую!!»

Вы во многом правы, частично правы. Не *вся* наша интеллигенция такова: неоднородна она, разноголоса в главном, без скрепы «великим стержнем». Она и теперь разноголоса, она и теперь без «стержня», и потому – бессильна. И вы, новое поколение, чудом каким-то проявившее крепость воли, имеете право обвинять ее в дряблости. Вы, проявившие *чуткость* к беззвучному голосу России, имеете право обвинять их в слепоте и глухоте, в нечужаии «почвы». Вы имеете оправдание: вы показали жертвенность, превыше программ и разнобоя поставили вы Россию, кровью купили право судить, ибо и вашу кровь, и кровь миллионов братьев, не повинных ни в чем решительно, – «пустили» – как говорите – «на подливку к чертовой каше, которую приготовили из России отцы-вожди, – для *кого?!*» Не с «народа» же спрашивать! И мне понятно, что после таких-то нечеловеческих страданий, «как каторжник в рудниках, работая из-за горсти бобов, стискиваешь бессильно зубы и бьешься незадачливой головой в душные угольные стены!»

«Пусть же раздумаются «отцы» над этим!»

Они раздумываются. Лучшие из них уже давно раздумываются, и... – с вами. Плачут, и так же бессильно бьются незадачливой головой об душные стены... мира. Они сознают ошибки. Непримиримы к неисправимым будьте.

Вы сильны, и терпеливо выслушаете меня. Я обвинять не буду только для того, чтобы обвинять. Я буду и оправдывать «отцов».

У многих из них сердце облито кровью: их дети – мученики. Вы и сами обмолвились: «да что проку в моем непростении и суде! Основоположников-то разгрома, пожалуй, и нет давно. И безлики они, как была безлика для них Россия. Останется для суда – *камень*, разбивший чудесный Лик, осквернивший святое в *Ней*. А *тело*... сверлят и пожирают черви. Червей не станешь судить: их растоптать, только!»

Не только «отцы-вожди», – эта законная делегация народа, *интеллигенция*: придется поговорить и о *правителях*.

Пишу вам не для того, чтобы искать виновников: надо познать ошибки и преступления, чтобы не повторять их.

Вы избрали, по-моему, верную дорогу: *познать причины*, основные причины «краха» и подвести фундамент под будущее строение. Вы начали с познания России. Необходимо *знать* историю России; познать, что не простая это история, а как бы *священная* история, совершенно особенная, чем история других европейских народов, – *вторая священная* история, как была когда-то *первая*, – история со *своей* Голгофой! Об этом мы побеседуем особо.

Вы перечитали Ключевского, «Россию и Европу» Данилевского, славянофилов, Герцена, Константина Леонтьева, – «открытие!» – говорите, – «все у Достоевского, что написано им о «русском»...» Все это очень нужно. Большинство русской интеллигенции интересовалось больше историей европейских идей и особенно – революций. В мое время историей *русских* идей и идеалов интересовались одиночки. Большинство же так называемой «революционной», или, как вы иронически называете, – «передовой» интеллигенции – увлекалось по русской истории *критикой*, стыдилось «взлетов двуглавого русского орла» – «хищного» орла! – и «шелеста знамен русских». Для *этой* интеллигенции в истории России приятнейшими страницами были разве «вольные Новгород и Псков»; «Боярская дума»; споры ученых – была ли «конституция» при избрании на царство Михаила Романова; бунты Стеньки и Пугачева, «проявления масс»; и темнейшими пятнами являлись эпохи Николаев и Александров – расцвет России. С увлечением *остротцой* прочитывались книжонки, сработанные для пропаганды, – о «тайнах Российского двора», о разврате Петра, о юбках Ели-

заветы, о любовниках и фаворитках, об интимностях переписок, о подробностях умерщвления царей, о «расхищениях народного достояния самодержцами», об угнетении «народа», о подавлении самостоятельности и независимости племен, «стоящих на высшей, чем мы, культуре», о поражениях России... – хулу и пошлость, *мелочи исторического сора*. Можно сказать, пожалуй, что большинство нашей – партийной и политической – интеллигенции, считавшей себя передовою, было недовольно русской историей и не сказало бы так чудесно, как сказал когда-то в письме к Чаадаеву мудрый и благородный Пушкин: «...клянусь вам честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечества, ни иметь другой истории, как историю наших предков, такую, какой нам Бог ее послал»⁷³.

Вы читали Герцена... Да, он очень подчас *стыдился*... и даже извинялся, что он – русский! И очень неприятно извинялся. Мы наклонны к самооплевыванию. Было и раболепство перед «европейским», и зависть к европейской истории, к революциям и крестьянским войнам, к ее эффективности. Наша история... – какая «простота», какая «будничность»! *Теперь* мы имеем – эффектнейшую, наикровавейшую из всех историй...

Вы ознакомились и с идеологией русского образованного слоя. Досадно: в освещении пристрастно. Покаявшимся «отцам» следовало бы самим осветить «путаные дорожки», написать теперь «критику русской общественности», при свете полученного «эффекта». Вы делаете вывод: «какое рабство перед “европой”!» Да, плохо. Плохо, что без критики поклонялись, пересаживали, не приготовив *почвы*, в священном восторге пересаживали, упуская из виду первейший из идеалов – *идеал Родины*, знание своей *почвы*, неразрывную связь с прошлым, с «гробами предков», – родину подменив отвлеченным понятием «народ».

Вас возмущает и «болтовня философов», ложных философов. И меня возмущает иногда, как же не возмущаться вам?! Вы – участник *дела*, жертва, истекали кровью, борясь со Злом, видя его воочию... – а они – «блаженно-самовлюбленно плавают и полощутся в легком течении мыслей... упражняются в диалектике, словно играют в теннис!». Они «играют в мысли». Не обращайтесь внимания, пусть играют. Слушайтесь *вашей* совести, не спорьте с ними, не возражайте им. Это своего рода – спорт. Не возмущайтесь «куриною слепотою» их, ничего не осмысливших, не знавших боя, рассматривающих *Зло* как философскую *категорию*, и горячо порицающих, «с точки зрения христианской», сопротивление Злу мечом⁷⁴.

«Как они смеют, – пишете вы, – осуждать меч на Сатану, меч – Крест, когда они ни меча не держали, ни ран от него не получали, ни Сатаны не видали и даже верят в него, как в «философскую категорию», а Крест для них только условный символ?!»

Какое до них вам дело? Пусть себе осуждают, пишут. Скользите мимо играющих.

Величайшей ошибкой было, что наша интеллигенция, за редкими исключениями, не дерзала критиковать все то, что прельщало ее «идеями», казалось *новым* – жила импульсами. Она прислушивалась к «философам», принимая «процесс» за *истину* и *крики* часа сего – за *вечное*. Вдохновенно-страстно бежала она по *крику* и горячо возмущалась, что правители не внимают «мудрецам».

История европейских «идей» обильна примерами того, как возвещенное «мудрецами» раскалывало передовые массы любой страны. Для нас в этом было роковое. Наша интеллигенция получила в короткий срок множество всяких «идей» и «категорий», и, скороспелки, запутались мы и расщепились. Мы расщепились глубже и пагубнее, ибо мы, скороспелки, ходом нашей истории обречены были *догонять*. На нас, не имевших крепкой, *национальной*, *почвы*, многоплеменных, поставленных судьбою между Западом и Востоком, обильно высыпались «идеи». И эти «идеи» раскололи, расплющили зарождающуюся *единую* основу, –

⁷³ Из письма Пушкина к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. Письмо написано по-французски. См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Л., 1979. Т. 10. С. 465.

⁷⁴ Имеется в виду знаменитая книга И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (1925).

помешали образованию крепкого, национального, русского ядра. Вот тут-то, в *несложении крепкого национального ядра, в расщеплении сил лучшей части народа, в центробежности* этих сил, – и лежит главная причина свалившегося на нас разгрома. Тысячи «проклятых» вопросов раздирали русское образованное общество. Множество сил ушло на «прямые ответы», на разрешение этих вопросов, часто далеких нам, когда требовалось железной жизнью, сущими интересами России ставить единый, *святой* вопрос – укрепление бытия России.

Вы пишете: «Предали нас, своих детей... уводя от России в мир, вода по миру, чтобы в конце концов пустить и Россию, и всех нас – по миру! Любя всех, в сущности, не любили никого. Не познали России и не научили и нас познавать ее. Мы узнали ее *сами*, да! Мы встали за нее по *инстинкту*, сохранившемся в нас от веков связанности с нею через предков, через их кровь-труды, через *что-то* в ее истории, от ее воздуха, от ее природы, от ее *хлеба*, – по инстинкту, в нас крикнувшему – спасай! – как часто бывает в жизни, когда угрожает любимому смертный час, когда любимый *где-то*, далеко где-то, – и вот, защемит и захолонет на сердце. Они, ведущая век интеллигенция, любили *призрак*, а не живое тело, не живую душу России».

Да, вы за нее встали – по инстинкту. Вы почувствовали Россию. Вы не познали ее реально, любовнейшим изучением ее, непосредственным прониканием в нее, – у вас не было времени на это, – но вы восприняли ее через душу постигших ее творцов, великих, национальных, наших, – Державина, Ломоносова, Петра, Крылова, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Лескова, Тютчева, Мельникова-Печерского, Менделеева, Достоевского, Толстого... и многих-многих, – через истинно полноправных представителей России, слушавших трепет души ее. Вы постигли ее через великих собирателей ее – от Александра Невского до Петра, Екатерины, Александров, – через сподвижников их, через подлинное национальное, а не «европейское», – и вы полюбили Россию детской чуткостью, *взяли* ее – *инстинктом*. И за нее боролись. Вы полюбили не «народ», как почему-то была влюблена наша «передовая» интеллигенция, а *всю* ее, не делимую на сословия и классы, вне всего преходящего, связанную со всем и всеми, что в ней, и на ней, и с ней, что было у ней, что есть, что *будет*. Полюбили так, как любили ее Великие... как любили ее и цари... да, цари... как любит, не сознавая того совсем, и весь народ русский... и, запоздало, – многие теперь русские интеллигенты, даже с «программами». Вы, герои, полюбили ее и отдали за нее *всё*, – за светлую, грезящую вам Россию, за *Белую* Россию, – не за могильный саван ее, а за белые пелены Рождения! По вере вашей, по мукам вашим – родится она, *должна* родиться! И больно, что есть люди, русские люди, которые все еще не хотят прозреть, все еще не хотят понять, что ваша борьба за *Нее* есть *жертва за прошлые ошибки и преступления*, великая жертва *необходимости*, страшная историческая *правда*, а не *ошибка*, или чуть ли не преступление!

Русская интеллигенция роковым образом *не смогла создать крепкого национального ядра, к которому бы тянулось самое лучшее, самое сильное, самое яркое по талантам* из всего русского, живого. Не было *национально* воспитанной, сильной, русской интеллигенции. Был великий разноречивый сил, и равнодействующая сил этих пошла не по России, а *вне*, – в «пространство». Русская интеллигенция переоценила это «пространство», сочтя его *своим*. Пространство не отозвалось. Оно показало себя – *своим*, не нашим, даже враждебным нам, оно показало в себе много совсем чужих, национальных ядер, которые охраняли *свое*, которые не пожелали *принять* безродное; – и, откинутая в пространство, Россия пошла *куда-то*... – и попала туда, где принимают безыменных, – в цепкие лапы Интернационала, безродного, безгосударственного, безбожного, алчного и завистливого, умерщвляющего *живое*. Попала, несмотря на героическую, – увы! – запоздалую борьбу вашу. «Народ» безмолвствовал. *Ибо правит жизнью не «почва», а «сеятели»*. Вина не в одном моменте,

как и спасение: *не через момент*. Вина давно назревала. И освобождение – путь величайших напряжений.

Надо к нему готовиться. Лучшей части народа, его интеллигенции, надо понять свое *национальное* назначение, понять Россию, ее пути, – каждый народ имеет *свои* пути, – и, понявши, идти покорно, покорно *целям*, указанным Судьбою – Смыслом истории – Богом. Идти и вести. Сознать ошибки, пороки и заблуждения и преклониться перед Россией, перед *ее* путями. Она *пойдет*. Силы ее велики, и надо уметь с ними обращаться.

Ланды. Август 1927 г. И. С. Шмелев

Наша государственная задача

Вот уже скоро десять лет мы спрашиваем с чувством неутолимого горя и тревоги: как могло *это* случиться? почему не удалось это предотвратить и пресечь? где причины этого невиданного в истории крушения? и что нам, верным сынам России, делать для того, чтобы впредь это стало абсолютно невозможным?

Нет смысла задавать эти вопросы в пространство; нам не к кому обращаться с ними; мы должны поставить их перед *собой* и *сами* ответить на них. Ибо судьбы России открыты только нам, русским: мир не знает России и не понимает ее, и не поймет ее даже тогда, когда, наконец, догадается, что всякий образованный человек должен знать русский язык. Нам не от кого ждать света и спасения; мы можем рассчитывать только на свои силы. Мы сами призваны к тому, чтобы *понять*, *решить* и *свершить*. И надеяться нам можно только на Божию помощь и на собственную бесконечную, религиозную преданность родине: отсюда мы почерпнем наше разумение, нашу волю и нашу неумоимость. И только смерть сменит нас на посту...

Не в материальных основах жизни, не в хозяйстве и не в технике надо искать *последних* причин нашего крушения, а в *духовных* основах; ибо – когда дух на высоте, то он овладевает материальными условиями и задачами; тогда он подчиняет их себе, строит, создает и совершенствует. Материальное важно и существенно; но оно есть лишь *продукт* духа и *средство* духа; и только сильный – укорененный, воспитанный и организованный дух может поставить материю на высоту.

Наше крушение есть прежде всего *духовное* крушение: развалилась наша *духовная* храмина и воссоздавать нам надо прежде всего ее. И поскольку мы говорим именно о крушении русского *государства*, постольку мы должны начать с развалившегося русского *правосознания*.

Правосознание всегда живет в нас, но мы слишком часто не замечаем его в себе и пренебрегаем им. И за это бываем наказаны. Это оно говорит в нас, когда мы переживаем чувство гражданского долга; это оно удерживает нас от захвата и насилия, когда в нас просыпается голод или гнев; это оно обуздывает наши посягания и побуждает нас исполнять наши обязанности и повинности; это оно заставляет нас мечтать о нашем национальном и государственном величии; это оно заставляет биться наше сердце при виде русского трехцветного флага и сжиматься болью при виде наших унижений. Источники правосознания – *патриотизм* и *чувство собственного достоинства*, *чувство чести*. Основные проявления его – *самообладание* и *братское единение* с людьми единой родины. Его стихия – *воля*. Его орудие – *власть* и *подчинение*. Его задача – крепкая *дисциплина* и несломимая *организация*. Облеките все это в *закон* и *порядок* – и вы создали *государство*. Осуществите все это силами великого народа – и вы создадите *великую державу*. Подточите и разложите все это в душах – и все располагается в смуту, хаос и позорную хлябь...

И вот, я утверждаю, что русское государство рухнуло потому, что временно поколебалось и разложилось русское национальное правосознание. Это время ныне истекает.

Оно должно пройти безвозвратно. И на нас лежит священный долг помочь нашему народу выйти из этой смуты и восстановить свое правосознание. Иначе он не восстановит Россию.

Для того, чтобы мы, русский народ, смогли начать новую эпоху в истории России, творческую эпоху достоинства, силы и славы, нам надо усвоить всей душой основную аксиому политики. Она гласит: *строить государство значит прежде всего и больше всего воспитывать в народе глубокое и сильное правосознание.*

Правительство, уклоняющееся от этой задачи, – подтачивает бытие своего государства. Правительство, развращающее правосознание своего народа, – заслуживает самого позорного конца.

Грех русского дореволюционного правительства на протяжении целых десятилетий состоял в том, что оно уклонялось от этой задачи: оно пользовалось правосознанием русского народа, но не воспитывало его; оно напрягало и даже перенапрягало его, но не вскармливало его ни *собственностью*, ни *справедливым рангом*, ни *верною мерою свободы*. Злодействие же советского правительства состоит в том, что оно осуществило в исторически небывалых размерах *систематическое растление русского национального правосознания*: донныне сеет оно соблазн и насаждает преступность в благодушной и благородной, но детской душе нашего народа; и этим оно готовит себе неизбежно жестокий и позорный конец.

Если хоть на минуту отрешиться от микроскопического рассматривания текущих политических событий и взглянуть вперед на века, то надо будет установить с несомненностью: *будущее принадлежит народам с углубляющимся и крепнущим правосознанием*. Народы же, захваченные порочной противогосударственностью или отравленные внеполитической сентиментальностью, – будут разложены и поглощены; они прекратят свое самостоятельное существование; и совершится это еще на протяжении *ближайших ста лет*.

Вот почему русский человек, русский государственно-мыслящий патриот имеет перед собою основную задачу, о которой он должен думать день и ночь: задачу *углубления и укрепления русского национального правосознания*.

И посмотрите, как история идет в этом нам навстречу...

Я имею в виду, конечно, не государственные и культурные «завоевания» революции, а тот *отрицательный актив*, который накапливается в русских душах. Пусть глупцы или софисты говорят о «завоеваниях революции». Мы говорим о ее уроках и обличениях. Отрицательные уроки революции велики и глубоки; и проходить мимо них непростительно даже самым легкомысленным обывателям.

Так, перед революцией в уме и сердце русской интеллигенции царил хаос: добро и зло смешались до неразличимости; людям виделся лик «святости» у дьявола, а когтей, выглядывавших из-под «ангельского» хитона, никто не мог или не хотел замечать. Больная религиозность интеллигенции тянулась к эротическому пустословию, а политиканствующая революционность становилась чем-то вроде религии. Русская государственная власть поносились, как сущее зло, а ее властные и необходимо строгие меры, ограждавшие бытие России, обличались, как «озлобленное насилие». Политические и уголовно-политические преступления считались доблестью, а верные слуги России убивались на всех перекрестках. Ум становился все циничнее, а добродетель оставлялась на долю наивным «недоумкам»...

В революции зло выделилось, обособилось, скинуло всякие покровы и не стеснясь явило миру свою богомерзкую харю...

Видели ли мы ее? Испытали ли ее окаянную злобу? Поняли? Научились?..

Поистине никогда еще в истории человечества не было дано людям *так и такое* для отрицательного умудрения. Никогда еще чистое зло не выявляло себя с таким неприкрытым, сознательным бесстыдством, с таким «пророческим» ожесточением, с такою навязчивою притязательностью. Здесь патриотизм и доблесть были прямо объявлены «преступлением», а цинизм стал естеством ума. Революция попраля живую и чистую религиозность

и провозгласила свою ложь последней и окончательной истиной. Досужее и нечистое пустословие предреволюционной публицистики сменилось неистовым срамословием большевизма. Дьявол встал во весь рост и *заставил* русскую интеллигенцию признать, что не все на свете «условно» и «относительно», что есть безусловная мерзость, и что спасение наше – в обращении взора и души к Богу...

После революции нельзя шататься в духовной смуте. Нельзя тянуть к «мистическому анархизму», к «хлыстовству», к черной и получерной магии, к «аристократическому бунтарству», к «народническому непротивленству», к «революционной церковности», к салонному радикализму и ко всякой другой постыдной и притязательной беспредметности. В революции пришлось научиться – верно и уверенно отличать, где в земной жизни *Дело Божие*, и где *дело дьявола*. И тот, кому революционная грязь не открыла глаза, того исторический процесс унесет – или в стан дьявола, или, как опавшую листву, в ворох исторического мусора.

Будущее принадлежит народам с углубляющимся и крепнущим правосознанием. И если мы хотим, чтобы Россия имела будущее, и притом великое будущее, то мы должны стремиться к тому, чтобы русское правосознание углублялось и крепло.

И, прежде всего, чтобы оно углублялось.

Это означает, что мы должны *религиозно* осмыслить право и *религиозно* обосновать государство. Осмыслить – не рассудком; и обосновать не в теории. Нет. Цельно, из глубины, чувством и волею испытать и принять этот смысл, и связать нашу государственную жизнь и деятельность с последними основами нашего христианского боговидения.

Это необходимо не потому, что «религия нужна государству»; и не потому, что «религиозность полезна народу в моральном отношении». Но потому, что религиозно неосмысленное и неосвященное – вообще не нужно человеку в высшем смысле этого слова; и то, что религиозно не обосновано, т. е. не укоренено в боговосприятии, – то мертво, бессильно и бесплодно в духовной жизни.

Но именно поэтому, в противовес современному «непротивленчеству», половинчатому и межеумочному, но развязному и притязательному, – я считаю правильным поставить вопрос так: если «православно» верующий человек, по цельной и глубокой, жизненно-искренней вере своей, считает право и государство началами христиански греховными, злыми, «насильническими» и неприемлемыми, – то он должен не только мужественно и честно выговорить свое исповедание, но и *реально начать внегосударственную и бесправную жизнь*, к каким бы тягостным или даже трагическим последствиям это ни привело его. Или же, наоборот, он должен выговорить и мужественно исповедать обратное: он должен усмотреть и признать, что право и государство *могут быть и должны быть* орудиями Дела Божьего на земле; что можно осуждать *несправедливое право* и можно бороться с государственностью, *искаженной* или употребленной во зло; но что слепо и неумно твердить об их «насильнической» природе. И после этого он должен реально начать новую, *христиански осмысленную*, правовую и государственную жизнь.

После революции нельзя думать и говорить одно, а чувствовать и делать другое. Прошла пора салонных фраз, отвлеченных сентиментальностей и безответственной критики. Бремя России пало на наши рамена⁷⁵. Нам нельзя ни уклоняться, ни отказываться, русская интеллигенция наших дней (готова она к этому или не готова) должна заместить павших, поднять бремя, принять ответственность и честно и мужественно осуществить свой долг. И помнить, что революция в России была только первой пробой мирового злодейства; что борьба с ее остатками и последствиями захватит и ряд последующих поколений; что, оправившись от этой революции, Россия будет иметь за спиной ряд лет неистовой, деморализующей пропаганды, а вокруг себя – зараженные, не переболевшие страны...

⁷⁵ Рамо (церк.-слав.) – плечо.

Надо помнить, что всё двоящееся и половинчатое *обречено* в начавшейся мировой борьбе: для него есть только два пути – в стан дьявола или в мусорную яму истории...

И потому необходимо, чтобы русское правосознание не только углублялось, но и крепло.

Религиозная укорененность есть первый залог крепости, ибо она делает человека – Кифою⁷⁶. Остальное должно довершить умственное и волевое воспитание народа на основах *собственности, справедливого ранга и верной меры свободы*.

Нельзя и нелепо думать, что «народ» воспитается как-то «сам собою». И если эта фраза имеет вообще какой-нибудь смысл, то лишь тот, что народ выдвинет из своих собственных недр *мыслителей и воспитателей*, которые сначала сами в себе откроют путь к верному правосознанию, а потом укажут его другим и побудят этих других насадить это верное правосознание в массе.

Но именно к этому мы и зовем. И так оно, конечно, и будет: русская интеллигенция поймет законы духа и истории, встанет на верный путь и совершит в течение нескольких поколений дело национального воспитания. Ибо это дело, дело национального воспитания, всегда и всюду выполнялось интеллигенцией: монахом, пастырем церкви, школьным учителем, ученым, художником, офицером, судьей и чиновником. И эта интеллигенция есть не чуждый, извне приходящий, безнациональный слой, но вышедшая из недр самого народа *его собственная* сила веры, воли и ума. Интеллигенция есть порождение народа; народ есть создание интеллигенции. Это связь глубинная, духовная, органическая. И где ее нет, там национальное крушение у порога.

Горе России, если она в ближайшие десятилетия не найдет у себя здоровой и сильной, ведущей и воспитывающей интеллигенции! Горе нам, если этот слой – чувством, волею и разумением – окажется опять не на высоте; если он поддастся влиянию черной или красной полуинтеллигенции, – черной⁷⁷, с ее классовыми вожделениями, с ее обскурантизмом, с ее демагогическим презрением к русскому простому народу и ее ненавистью справа; и красной, с ее «классовой борьбой», с ее безбожием, с ее «социалистической» агитацией, разжигающей жадность, бунтарство и ненависть слева!..

Но для того, чтобы воспитывать других, интеллигенция должна сначала воспитать себя: воспитать в себе *чувство государственной ответственности* и способность к *цельным и мужественным поступкам*.

Воспитание совсем не сводится к «обучению» и «уговариванию». Нет, *слово* есть реальное событие только тогда, когда за ним стоит *дело*: во-первых, живой пример, волевой поступок, живая система действий; во-вторых, верная правовая и хозяйственная реформа... «Обучать» можно и словами; для воспитания нужны дела. Поддерживать кое-как порядок в стране может и грубый, и гнусный режим; для воспитания необходима *творческая мера собственности, справедливый и подвижной ранг и верная мера свободы*.

Интеллигенция нуждается в *силе характера*. Для того, чтобы вести свой народ, она должна не только много знать и верно понимать; она должна еще – верно видеть национальные *цели* и *честно* служить им.

Интеллигенция, состоящая из беспринципных карьеристов и продажных взяточников, – творит предательство по отношению к родине; государство не может ею строиться; и народ или выдвинет на ее место новые национальные кадры, или погибнет.

⁷⁶ *Кифа* – имя ап. Петра, данное ему Христом, служащее символом твердости веры его в Христа и твердости характера, оправдавшееся впоследствии жизнью ап. Петра. Слово это сирское, по-греч. – Петр, по *слав.* – камень.

⁷⁷ *Черная интеллигенция* – здесь: черносотенная интеллигенция, по-другому: интеллигенция национально-мстительной правизны.

Интеллигенция безвольная, робкая, близорукая и сентиментальная – не может быть ведущим слоем своего народа; ибо ведет сила, а не слабость; мужество, а не трусость; дальнорукость, а не беспомощная слепота.

Интеллигенция же, состоящая из профессиональных агитаторов, поджигателей и ниспровергателей, – перестает быть интеллигенцией и становится вреднейшей разновидностью черни. Именно *черни*: ибо душа демагога хранит в себе квинтэссенцию черни; именно *вреднейшей*, ибо – воинствующей, насаждающей зависть и в честолюбии своем порочной. . .

Еще в России в период «военного коммунизма» мне не раз приходилось слышать и от коммунистов, и от взбаламученного простонародья, и от впавшего в уныние, смещенного интеллигента, – что в России интеллигенция «не нужна», что «народ» и без нее «управится». . . И каждый раз я с грустью думал, что, действительно, интеллигенция, не воспитывающая народное правосознание или прямо развращающая его, – не нужна народу; но не нужна только потому, что она *не нужна Делу Божьему на земле*. Она поистине как соль, потерявшая свою силу. . . Но национальная, волевая и честная интеллигенция, способная вести и воспитывать свою национальную *не-интеллигенцию*, – и верой, и делом, и реформой, и вырастающим из всего этого ответственным и мужественным словом, – она *необходима* стране, она необходима ей прежде всего и больше всего. . .

Будущее принадлежит народам с углубляющимся и крепнущим правосознанием. И судьба России зависит от того, найдется ли у нее верующая, волевая, идейная и государственно умудренная интеллигенция, верная Богу и родине, сильная делом и словом. . .

И. А. Ильин

Мы требуем понимания (Открытое письмо к русской эмиграции)

Вы не должны судить и осуждать нас. Вы должны нас понять. Вы должны признать важность совершаемого нами дела; не мешать нам и молиться за нас.

Трагедия, переживаемая нами, невиданна в истории; и кто вправе судить нас, не выстрадав наши душевные и телесные муки? Изю дня в день, из года в год, вдруг утрачив всё: очаг, покой, безопасность, личную жизнь; голодая и нищенствуя; видя вокруг низость и свирепость; понимая порочность и бессмысленность творимого; тая про себя любовь и ненависть; всё время теряя изнемогших близких; истомив свое сердце укорами и страстно любя нашу Россию, – нести ярмо унижений и сыска, блюсти в себе огонь верности и думать. . . что вы нас считаете приспособившимися предателями. . .

Знаете ли вы, что значит не брать советского места и ежедневно по несколько раз перевязывать своим девочкам туберкулезные раны? Знаете ли вы, что значит годами носить своему мужу передачу в тюрьму и на третий год узнать, что он расстрелян? Знаете ли вы, что делается в душе профессора, жена которого стала базарною торговкою для того, чтобы он не унижался на кафедре? Знаете ли вы, как умерла гениальная Садовская – вся во вшах, в заледенелой комнате, освещенная лучиной в руках опоздавшего доктора? Знаете ли вы о бесчисленных заговорщиках – безвестно погибших в застенке только вследствие своей заговорщической неумелости? Знаете ли вы этот кошмар: жить в одной комнате со вселенными коммунистами? Можете ли вы измерить все наши неисчислимые и неопишуемые муки?

Так не судите и не осуждайте нас. А поймите, что мы должны были здесь остаться и вынести всё до конца.

Вы уехали и эмигрировали; мы понимаем тех из вас, кто уехал для борьбы; но мы не осуждаем и тех, кто эмигрировал от робости или из инстинкта самосохранения, – ибо нельзя всем быть героями.

Но мы остались. Почему? Зачем?

Начнем с того, что русский простой народ, крестьяне и рабочие, были с самого начала обречены на то, чтобы при всех условиях изжить свою революционную болезнь на месте. Рады они были революции, или не рады, делали ее сами, или только страдали от нее, – они не могли эмигрировать в силу естественных, хозяйственных и политических законов. Оседлый народ не покидает своего места; им владеет духовная инерция и спасительный инстинкт. Мы не номады⁷⁸.

Но если так, то правильно ли было бы, целесообразно ли было бы для нашего национального дела, чтобы мы, русская интеллигенция, духовно созревшая для осмысленного политического эмигрирования, чтобы мы все до одного оставили нашу страну и наш болеющий революцией простой народ, всю нашу вещественную и духовную культуру, и выехали за границу? Наш простой народ как дитя доверчив, как дитя поддается дурным влияниям, как дитя бунтует. Не мы ли виноваты в том, что эти дурные влияния проникли к нему и что он пошел за коммунистами? И теперь, когда это совершилось, мы должны были оставить его наедине с ними? Нет. Одни из нас должны были уйти; а другие – остаться. Мы должны были остаться на месте; принять и бунт, и напор, и ограбление; принять травлю от большевиков; голод, тюрьмы и унижение; все это видеть, пережить на себе и выстрадать – для того, чтобы, идя на растерзание и на расстрел, отстаивать Россию изнутри; чтобы во всех гонениях и унижениях соблюсти нашу Православную Церковь, соблюсти в себе и в народе веру в Россию, сохранить остатки национального чувства, сохранить общение с нашим простым народом, который должен же был однажды отрезвиться и услышать наш зовущий (хотя бы шепотом) голос...

Мы должны были соблюсти наше место там – для России, даже ценою отвратительных политических и духовных компромиссов, нравственно насилуя себя, вступая на советскую службу, общаясь с этими людьми и исполняя их противоестественные декреты. Не думайте, что мы не понимаем нравственную и политическую природу этого образа действий. Нет, мы додумали здесь все до конца. Но мы хотели бы, чтобы выто поняли его национальную необходимость и его политическую несправедливость!

Покинуло ли православное духовенство Россию, когда ею завладели иноверные и свирепые татары? Эмигрировало ли оно в наши дни, в дни торжества воинствующих безбожников и растлителей, или в большинстве своем осталось на своем посту? Прав ли духовник, покидающий пасомого грешника? Легко ли было митрополиту Алексею ездить в ханскую ставку? Не скончался ли в наши дни Святейший Патриарх, нравственно замученный чекистами? Чему же учат нас священные традиции Православия?

Они учат нас тому, что в час беды, соблазна и порабощения воспитатель не должен оставлять своего воспитанника на произвол судьбы. Ведущему место там, где болеет, бунтует, страдает и гибнет ведомый. И нам ли, простым смертным, в эти ужасные годы осквернения и посрамления всей страны, нам ли, виновным в допущении и попусшении этой беды, – мнительно тревожиться о незапятнанности наших политических одежд? Ваш путь, путь эмиграции, вел вас к борьбе посредством выделения и ухода. Эту задачу вы выполняете ныне за всю русскую интеллигенцию. А мы, оставшиеся, взяли на себя другую задачу: не оставить наш простой народ на произвол судьбы, выстрадать все вместе с ним и беречь Россию изнутри. И эту задачу мы выполняем ныне тоже за всю русскую интеллигенцию.

Ценою личной чистоты и жизни, ценою тягостных, часто едва выносимых политических компромиссов мы блюдем Россию изнутри, блюдем все, что можно сохранить от нее, – ее церковь, ее научные и художественные сокровища, живой состав ее народа, ее природные и технические богатства, ее быт, ее веру, ее семью, ее душу. Блюдем, как умеем; бережем,

⁷⁸ *Номады* (от греч. *nomas*, род. п. *nomados* – кочующий) – кочевники. Номадизм – образ жизни скотоводов, зародившийся в конце II – начале I тыс. до н. э.

как удастся. Поддерживаем, собираем, спасаем, строим, уговариваем, лечим, выпрашиваем, доказываем, отстаиваем, требуем – в твердой уверенности, что большевизм минует и коммунизм исчезнет, а Россия устоит и расцветет на основе всего своего соблюденного достоинства.

У нас не было в этом никакого сговора и соглашения. Мы не состоим в заговоре; среди нас нет никакой соответствующей организации. Мы просто следовали и следуем патристическому чувству, здоровому инстинкту оседлого и культурного народа, когда-то в муках переболевшего злую татарщину и ныне в муках изболевающего революционный коммунизм. При этом мы совсем не выдаем себя за коммунистов: и мы сами совсем не настолько изолгались, да и они не поверили бы нам. Но сила вещей заставила нас занять «лояльную» и «нейтральную» позицию – и так служить России, ее живому интересу, ее вечному делу, даже и в тот период ее истории, который накрыл ее сумасшедшим колпаком коммунизма.

Не говорите нам, что мы тем самым «служим коммунизму». Но если можете, то скажите, возможно ли служить здесь России, не состоя на службе у коммунистов? Верьте нам: коммунизма спасти нельзя. Коммунизм, как система, безнадежен: он таит в себе такие внутренние ошибки и такие пороки, которые его все равно погубят. Он падет. И падет не от наших неумелых заговоров, и не от «эволюции» коммунистов, а от той внутренней социальной катастрофы, которую он сам вызовет, своим собственным естеством, и которая, быть может, осложнится и каким-нибудь военным столкновением. Этот сумасшедший эксперимент не надо было допускать; его можно было прервать; и если это возможно, то пусть он будет прерван и ныне. Но возможно, что он будет доведен до конца, т. е. до самопогубления; и мы должны выстрадать и это; выстрадать вместе с нашим, ныне уже выздоравливающим от революции, полуторастами миллионным народом. И вся наша «лояльная» «служба коммунизму» состоит разве лишь в том, что мы предоставляем ему развертывать его противоестественность и обреченность.

Не указывайте нам на то, что это «все-таки компромисс». Мы знаем это и сами. Но трагедия наша в том-то и состоит, что здесь нет исхода, свободного от компромисса. Работать для России в России – можно теперь только из-под коммунистического ярма. Лечить, учить, судить, хозяйствовать, кормить, строить армию нельзя помимо этого ярма. Мы понимаем это; мы испытываем и знаем это лучше, чем вы. Но мы знаем и чувствуем еще одно: на нас лежит этот долг и мы выполним его до конца. Это наш долг перед грядущими русскими поколениями: и за исполнение этого долга мы расплачиваемся ценою здоровья и жизни, ценою лояльности по отношению к нашим поработителям и ценою таких моральных напряжений и жертв, о которых остальное человечество не имеет никакого представления.

У вас задают всегда еще вопрос, почему мы не начинаем восстания изнутри? Зачем и почему мы терпим «всё это» безмолвно?

Вспомните: революция всех нас застала врасплох. Кто из нас прозревал ее сущность? Кто предвидел ее будущий ход и развитие? Кто из честных русских патриотов умел составлять заговоры и «конспирировать»? Никто не знал, сколь свирепы и цепки большевики; никто не верил, что черный вихрь истории будет им столь попутен... Они и сами не ожидали этого.

И тем не менее заговоры и восстания начались немедленно. Никто из вас и никто из нас не знает ни числа, ни имен тех русских патриотов, которые погибли в этих заговорах. Люди компрометировали себя и шли на смерть десятками тысяч, – неосторожные, неумелые, неподготовленные, проговаривавшиеся за чашкой чаю, не умевшие скрыть свою военную выработку, забывшие покрыть мозолями белые руки. И каждая неудача усиливала шпионаж и сыск, которые ныне пропитали собою всю толщу городской жизни насквозь.

Великая война выделила и уложила на поле чести первый кадр активных русских националистов. Второй – лег в гражданской войне. Третий – погиб в заговорах. Какая страна выдержала бы такое выкачивание воли, такое опустошение? Не удивляйтесь же, что люди

с волею и с патриотизмом ныне ушли в себя и не повторяют бесплодных попыток. Для заговоров нужен особый закал души, особое знание коммунистического сыска, особая выдержка и безошибочный расчет. Мы, рядовая интеллигенция и полуинтеллигенция, измученные и утомленные, мы к активному героизму не способны; не ждите его от нас, нам бы лишь справиться с нашей скромной задачей «пассивного» и «лояльного» ограждения русской Церкви, русской семьи и оставшегося от русской культуры...

У вас принято еще говорить, что мы здесь задавлены и унижены. Мы знаем это. Но мы знаем также и то, что такого гнета и террора мир не видел еще с тех пор, как он стоит; и что в этом гнете и в этом терроре почти каждый из нас, русских патриотов, – а я говорю именно про нас, преданных России, – каждый выносил в себе некоторую глубину чувства, которая своевременно принесет свои плоды. Мы научились скрывать это; мы привыкли молчать. Мало того: мы научились, где необходимо, произносить слова мертвой лояльности, на которые вы иногда наивно возмущаетесь... Но ни этот гнет, ни это унижение не доходят до дна наших душ, и Богу одному ведомо, что каждый из нас думает и о чем он молится про себя.

Мы утомлены и переутомлены. Этого нельзя скрывать ни от себя, ни от вас. Мы слишком много пережили... и потеряли. Никто из нас не уверен, проживет ли он еще несколько месяцев. Но среди тех из нас, кто выживет, вы найдете таких закаленных и крепких людей, которые на удивление миру будут строить вместе с вами новую Россию.

Я пишу это для того, чтобы сказать вам всем, русским эмигрантам: вы не должны осуждать нас, несущих ярмо в России. Мы не разлюбили нашу родину; мы не предали ее; мы верны ей по-прежнему. Но форма нашей верности и нашей борьбы иная, чем у вас: по-видимому, совсем не свободная и совсем не активная, но гораздо более тяжкая и мучительная. Мы представляем себе, что вы делаете за рубежом; и знаем, что это необходимо. И только иногда сетуем на легкомыслие вашей печати, неосторожно компрометирующей нас разными неверными сообщениями; да еще на то, что, осуждая нас, вы не обнаруживаете понимания нашего дела и нашей трагедии.

Делайте же ваше дело и не думайте возвращаться в Россию преждевременно. Не верьте никаким маловероятным «амнистиям» ни от «центра», ни от «оппозиции». Ваше задание – быть за пределами досягаемости и оттуда вести обдуманную борьбу.

Но поймите же и оцените нашу незримую и жертвенную работу здесь. Этого требует справедливость.

*Прибывший оттуда*⁷⁹

Бесстрашные люди (Историческая справка)

«Бесстрашные люди». Эти слова взяты из исторического документа – из единственной дошедшей до нас грамоты патриарха Гермогена, относящейся к 1611 году. Грамота эта очень немногословна. Она писалась, видимо, второпях. Но, будучи немногословной, она содержит в себе многоговорящие, огненные, призывные слова, обращенные ко всей национальной патриотической России того времени, зовущие к памятованию своего долга и к ответственным политическим решениям. А заканчивалась эта грамота как раз упоминанием о «бесстрашных людях»:

«А прислати прежних же, коих естя присылали ко мне с советными челобитными, бесстрашных людей, свияжена Родиона Мосеева да Ратмана Пахомова...»

В этой грамоте патриарх Гермоген просил нижегородцев, к которым он обращался с нею, в первую очередь прислать к нему в Москву, в Кремль, занятый поляками, державшими в то время патриарха в тюремном заточении в Чудовом монастыре, «бесстрашных

⁷⁹ *Прибывший оттуда* – псевдоним Ильина.

людей» Родиона Мосеева и Ратмана (т. е. Романа) Пахомова, которые уже присылались прежде к нему с «советными челобитными» из Нижнего Новгорода, а может быть, и из других городов. Из другого документа мы знаем, что Родион Мосеев был «посадским человеком», т. е. заурядным городским жителем небольшого городка Свияжска, расположенного под Казанью; а Роман Пахомов был «сыном боярским», т. е. военным человеком, дворянином, по-нашему – младшим офицером. Таким образом, эти «бесстрашные люди», один штатский, а другой военный, несли трудную нелегальную конспиративную службу связи, содействуя общению фактически плененного патриарха с его паствой, с русскими людьми, отрезанными от него одолевшею Русь враждебной силою.

Как раз в это время смута и разорение на Руси достигли наибольшей высоты. Россия переживала ужасы междуцарствия. Самозванцы бродили по ее просторам. Вслед за Лжедмитрием I появились и другие Лжедмитрии. Долгое время Москве угрожал Лжедмитрий II, так называемый «Тушинский вор», расположившийся со своим войском лагерем в Тушине, почти под самой Москвой, бежавший потом в Калугу и погибший как раз в 1611 году, когда Родион Мосеев и Роман Пахомов ходили тайком к патриарху и от патриарха. В разных местах появлялись все новые Лжедмитрии. Во Пскове был свой «вор». В другом углу на низовьях Волги и на Дону действовали другие самозванцы. А над остатками «тушинцев» все еще парил призрак *первого* Лжедмитрия в лице злосчастной Марины Мнишек и прижитого ею в скитаниях сына ее, так называемого «воренка».

В самой Москве бояре, после низложения царя Василия Шуйского, инсценировали процедуру «всенародного» избрания на царский престол католика королевича Владислава, сына польского короля Сигизмунда, осаждавшего русских героев в Смоленске, впустили в Кремль польские отряды и отправили к Сигизмунду, для окончательных переговоров о воцарении Владислава, свое «великое посольство». Москва незаметно оказалась оккупированной польским войском и переживала тяжелую пору польской военной диктатуры. Ею фактически правил от имени «семи бояр», остававшихся в Москве, и пытался править также и другими городами и уездами полковник Гонсевский, сменивший Жолкевского. В то же время Москва была обложена извне. Некоторое время вокруг нее стояло русское патриотическое ополчение, которое, в ответ на призывы патриарха Гермогена, сколотил из разнообразных и, к несчастью, непримиримых элементов рязанский патриот Прокопий Ляпунов, позднее тут же и погибший от руки Заруцкого, примкнувшего к этому ополчению. После распада этого ополчения казачьи остатки его – под главенством князя Дмитрия Трубецкого и Заруцкого – оставались под стенами столицы, мешая полякам действовать из Москвы.

Всюду бродили «литовские люди» и «русские воры». Набегами на окрестное население занимались «сапежинцы», под командованием польского пана Сапеги, оставшегося без дела после распада тушинского лагеря. Грабили со своими казаками и бывшие тушинцы, перекрасившиеся было в патриотов-ополченцев, – Андрей Просовецкий и Заруцкий. Грабили все, кто только мог!..

Разрозненно, без связи друг с другом и без плана действовали в разных местах и патриоты-партизаны, подбадриваемые вестями о твердости и непреклонности патриарха Гермогена и призывами, раздававшимися из Троицко-Сергиевой лавры, не раз превращавшейся в это время в подлинную крепость и переживавшей настоящие осады.

Так проходил 1611 год, омраченный гибелью Прокопия Ляпунова, взятием Смоленска Сигизмундом и оккупацией шведами Новгорода Великого...

В таких условиях, в такой обстановке и совершали свой подвиг бесстрашные люди Родион Мосеев и Роман Пахомов, связывая великого вдохновителя всей патриотической борьбы патриарха Гермогена, как «тюремного сидельца», с русскими людьми, остававшимися на свободе и помышлявшими об освобождении и возрождении родины.

Им не раз удавалось пробраться в Кремль. Они присылались к патриарху из Нижнего Новгорода «с советными челобитными» и святитель Гермоген имел уже возможность испытать их в этом патриотическом служении. Именно к концу 1610 и началу 1611 года относятся наиболее решительные призывы патриарха встать на защиту веры и готовиться к освобождению Москвы от иноверцев-поляков. Известно, что как раз в конце декабря 1610 года в руки Гонсевского попала грамота Гермогена, написанная в этом духе. Несколько днями спустя – уже в январе – поляками были перехвачены другие такие же грамоты Гермогена; известно даже имя того неудачника, который был захвачен с этими грамотами, отправленными патриархом в Нижний Новгород или в Суздаль: это был Василий Чертов.

Поляки, распорядившись в Москве, прибегли к репрессиям для того, чтобы заглушить призывный голос Гермогена и пресечь действие его грамот. От него были убраны «диаки, подьячие и всякие дворовые люди», его двор был разграблен и он был заточен в келью, – «аки птица в заклепе». При таких условиях общение с ним стало подлинным подвигом самоотвержения, находчивости и умения.

Из другой дошедшей до нас грамоты (уже не Гермогена) мы знаем, что 12 января 1611 года, т. е. уже после «заклепа», от патриарха в Нижний прибыли два человека и привезли от него переданные на словах указания о том, что надо делать.

Сношения продолжались и далее.

Упомянутая выше грамота Гермогена, адресованная им нижегородцам, но обращенная ко всем русским людям-патриотам, писалась уже после всех этих тягостных событий и после обозначившегося крушения попытки Прокопия Ляпунова – в момент всеобщей растерянности и разброда в умах, в дни, может быть, наибольшего отчаяния и упадка духа.

В этой грамоте патриарх Гермоген увещевает русских людей оставаться твердыми в своей борьбе за веру и родину, предостерегая от уклонения с прямой и трудной дороги в дебри соблазнов и шатаний. Как раз в это время в Москву пришел слух о том, что казаки, возглавляемые Заруцким, склонны провозгласить царем сына Марины Мнишек и тем воскресить самозванчину. От этого соблазна Гермоген и удерживает русских людей. Он пишет:

«Благословение архимандритом и игуменом и протопопом, и всему святому собору, и воеводам, и диаком, и дворяном, и детем боярским, и всему миру: от Патриарха Ермогена Московского и всея Руси. Мир вам и прощение, и разрешение. Да писати бы вам из Нижнего в Казань к Митрополиту Ефрему, чтоб Митрополит писал в полки к боярам учителную грамоту, да и казацкому войску, чтобы они стояли крепко в вере, и бояром бы говорили и атаманые бесстрашно, чтоб они отнюдь на царство проклятого Маринкина паньина сына...» (здесь дефект документа мешает прочитать написанные слова) «не благославляю. И на Вологду ко властем пишете ж, так же бы писали в полки. Да и к Рязанскому пишете тож, чтоб в полки так же писали к бояром учителную грамоту, чтоб уняли грабеж, корчму, блядню и имели б чистоту душевную и братство, и промышляли б, как реклись, души свои положити за Пречистыя Дом и Чудотворец и за веру, так бы и совершили. Да и во все города пишете, чтобы из городов писали в полки к бояром и атаманые, что отнюдь Маринкин на царство не надобен, проклят от святого собору и от нас...»

Вот основная часть этой краткой грамоты патриарха. Он заключает ее словами:

«А вам всем от нас благословение и разрешение в сем веце и в будущем, что стоите за веру неподвижно, а яз должен за вас Бога молити».

Эта грамота содержит в себе призыв стоять крепко за национальные идеалы и православную веру, и заключает в себе, далее, определенные директивы поведения.

В момент страшного морального и политического распада патриарх Гермоген возвышает свой голос, *призывая всех русских людей бороться за освобождение и воссоздание Православной Руси, как за подлинный и великий Дом Пречистой Богородицы*, и указывая на опасность непродуманных и безответственных решений. *Он предостерегает русских*

патриотов от заключения соблазнительных соглашений с неверными и опасными союзниками (вроде Заруцкого), от самозванщины, безгосударственной идеологии и воровских авантюр; и зовет их проводить четкую, прямую и государственную, «земскую» линию в борьбе за Россию.

Значение этих грамот в истории преодоления русской Смуты было исключительное. Слова заключенного патриарха *приобретали силу священного зова и веления*; в них говорил *живой дух Православной Церкви и русской государственности*, повелительно указывавший цель и пути борьбы.

Исторически эти грамоты связаны со славными именами Романа Пахомова и Родиона Мосеева. Святейший верил своим посланцам и высоко ценил их подвиг. Они были не только носителями его грамот, но и передатчиками его устных повелений; более того, они были активными пропагандистами его идеи.

Об этом мы читаем в той же грамоте. Патриарх пишет о них:

«А им бы в полках говорити бесстрашно, что проклятый» (т. е. Маринкин сын) «отнюдь не надобе... А в города для грамот посылати их же, а велети им говорити моим словом...»

Патриарх велит нижегородцам привлечь Мосеева и Пахомова к наиболее трудной работе, в качестве активных пропагандистов по городам. Он верит им не только как храбрым посланцам, но считает их убежденными, прямыми людьми, которым доверяет «свое слово»; он поручает им действительно претворять в жизнь его веления и полагается на их идейную убежденность и стойкий патриотизм.

История сохранила нам имена этих доблестных, *прямых и белых* людей, выведивших Россию из Смуты; и русский народ не забудет их, пока он будет жить на земле.

*Л. И. Львов*⁸⁰

О политической работе

Посвящается русской национальной молодежи

Первое, что необходимо усвоить, приступая к политической работе, это то, что она требует особой умственной и волевой *подготовки*. Эта подготовка нужна всегда, при всяких условиях; но она приобретает совершенно исключительное значение в эпоху *революции и борьбы с нею*. К сожалению, люди не понимают этого: они обучаются ремеслам, изучают разные игры, предаются спортивным упражнениям, но к политике и политической борьбе приступают без всякой подготовки, как если бы тут все было ясно, просто и доступно. Какое легкомыслие! И какой вред в результате...

Политика есть, может быть, самое ответственное дело человеческое. Ибо в религии, в науке, в искусстве человек если ошибается, то ошибается *сам* и разве только *уговаривает* других ошибиться вместе с ним; тогда как в политике человек *заставляет* других поступать именно так, а не иначе, и нередко превращает свою ошибку в судьбу целого народа. Вот почему *чувство ответственности* и *добросовестность* – суть первые условия для занятия политикой. Надо прежде всего разобраться в самом себе, узнать свои силы и слабости, установить границы своих знаний и умений – и потом решить, можно ли мне, позволено ли мне с таким личным багажом приступать к политической деятельности.

Так, для политики нужна прежде всего *религиозная сила характера* и *верность своим убеждениям*. Что создаст в политике человек, который ни во что не верует, ничего до конца не любит и жизнью своею не рискнет ни при каких условиях? Ведь это – готовый перебеж-

⁸⁰ *Львов* Лоллий Иванович (1888–1967) – поэт, журналист, литературный критик, неизменный сотрудник всех изданий П. Б. Струве.

чик... И что натворит в политике человек, который ни в чем не убежден и потому не отличается честности от подлости и добра от зла? Ведь это – готовый предатель...

Для политики необходима *воля*, умеющая решать, приказывать и заставлять. Чего же можно ждать от человека безвольного, нерешительного, боящегося приказать или «принципиально отрицающего всякое принуждение»? Взавшись за власть, он становится всенародным обманщиком, ибо все с полным основанием ждут от него спасительных распоряжений, которые он обязался давать, но не дает; он становится сеятелем беспорядка и смуты, политическою язвою своего государства, погубителем своей страны...

Для политики нужно *знание* хозяйственных и социальных законов и верное *прозрение* целей и средств, строящих мою родину в данную эпоху. Что же даст наивный невежда, став у власти? Ряд бессмысленных и губительных распоряжений, вроде отмены частной собственности или принуждения всех людей к физическому труду... Что даст правитель, лишенный политической интуиции, не видящий национальных целей и готовый узаконить самые губительные пути и самые ядовитые средства? Хаос и гибель...

Для политики необходимо *умение выбирать людей*, искусство читать в сердцах, умение доверять и не доверять, искусство давать каждому работу по силам и извлекать из всех самое лучшее; это есть *организационный дар*. Что же создаст политик, доверяющий каждому льстецу, или постоянно окружающий себя карьеристами и предателями, или неспособный отличить волевого человека от безвольного, умного от глупого, искреннего от провокатора? Он подчинит себя и свою власть негодям, унизит и осрамит себя и погубит свою страну.

Ясно, что политика требует особых духовных сил и особой умственной и волевой подготовки. Не всякому человеку даны эти духовные силы и не так легко приобретается эта подготовка. Можно быть сносным адвокатом, усердным ученым, способным агрономом и храбрым офицером, – и ничего не понимать в политике; и только сила самосознания, скромность и чувство ответственности могут спасти такого человека от фальшивых, вредных и постыдных положений.

Если так обстоит в нормальное время, то что же сказать о революции? Революция есть эпоха, когда в массах заболевает здоровый инстинкт общественности; когда люди повертываются друг к другу и к власти злыми, завистливыми, своевольными и агрессивными сторонами своей души; когда всякие правовые уклады нарушаются и все начинают *посягать*. Тогда политическая деятельность становится затруднительною, как никогда: нужна *особая* сила характера и убеждений, *особая* крепость воли, *особая* дальновидность, *особая* прозорливость по отношению к людям для того, чтобы быть на высоте в такую эпоху. Но именно в такие-то периоды люди поддаются обостренному соблазну политического авантюризма; и все начинают тесниться к власти и распоряжаться с каким-то упоенным легкомыслием и полной безответственностью. Исчезновение законной власти и спорность всякой незаконной власти развязывают *своеволие* во всех душах, в каждой по-своему. Редкий человек остается не затронутым этою заразою; и все различие в том, что у одних эта зараза выражается в чувстве «я не обязан никому подчиняться», а у других в чувстве «я призван всеми распоряжаться».

Понятно, что в такие периоды о реальной подготовке к политической деятельности никто и не думает; все выбегают как на пожар, все говорят наобум и действуют как попало. А между тем именно в такие периоды, как никогда, необходимо объективное наблюдение, спокойная и замкнутая сосредоточенность и, главное, *внутреннее, духовное preparation себя к борьбе*. Это относится особенно к тем партиям и группам, которые бывают вынуждены вести борьбу в политическом подполье или на так называемом нелегальном положении.

Человек всегда имеет известные основания не доверять каждому случайному собеседнику и не раскрывать свою душу первому встречному. Недоступность личной души другим

людям есть великое благо, данное нам от природы; и если бы это благо было отнято у нас, то мы все наверное возненавидели бы друг друга или сошли бы с ума. Политическая борьба покоится прежде всего на умении *доверять кому надо и не доверять кому не надо*. Зоркое и верное распознавание людей есть *азбука политики*; и человек, раза два крепко обманувшийся в людях, напр<имер>, поверивший предателю или упустивший верного и сильного союзника, должен признать свое политическое неумение и отойти от дел для предварительной подготовки (если она ему вообще доступна).

Человек, желающий заниматься политикой, должен выработать в себе прежде всего *силу воли*.

Прежде всего – силу воли; ибо она нужна не только для того, чтобы *действовать*, но уже для того, чтобы *подготовить* себя к будущей политической деятельности.

Политика есть вообще дело *воли*, так, как искусство есть дело чувства и воображения, а наука – дело мысли и наблюдения. Людям нерешительным, колеблющимся, робким, склонным к рефлексии и самоглотанию – лучше воздерживаться от политической деятельности за отсутствием у них соответствующего органа. И всюду, где такие люди, поддаваясь тщеславию и честолюбию, вмешиваются в политику, – они приносят обычно много вреда. При этом волю отнюдь не следует смешивать с порывистой эмоциональностью, с истерической крикливостью и суетливостью или с хитрой и изворотливой пролазливостью. Признаки волевого человека надо раз навсегда продумать и усвоить, с тем чтобы проверить ими *сначала себя самого*, а потом уверенно распознавать *других*.

О чем бы ни шла речь, каково бы ни было жизненное положение, волевой человек успокаивается только тогда, когда в его душе сложится ответ на вопрос: как дальше быть? что дальше *делать*? Ему мало понять то, что *есть*; ему неинтересно вообразить то, что *могло бы быть*; ему часто некогда почувствовать, кто и что «переживает» или «переживал», ему мало сообразить, что «должно» бы было быть в прошлом. Он смотрит в *будущее*; и не для того, чтобы только предвидеть его, а для того, чтобы решить, *где и в чем он сам повлияет на него*. Он всегда занят тем, чтобы *повлиять* на будущее, изменить его, *заставить* его быть таким, а не другим. Он не любит того, что ему *дано*; он всегда ищет того, что *задано*; и особенно любит то, что *он сам сделает*, что он совершит. И в малом, и в большом – он *заряжен всегда своим будущим действием*.

Волевой человек чувствует в самом себе некую *движущую силу*; и поэтому ему естественно рассматривать все жизненные вопросы с точки зрения *силовой*. Жить значит для него *бороться и одолевать*. Одолеть – значит собирать силы для нового одоления. Борьба не утомляет его. Без борьбы он томится и тоскует; она ему как бы «причитается» в жизни; и если ее нет, то он заменяет ее какими-нибудь внутренними, душевными или духовными заданиями, усилиями и одолениями.

Волевой человек *упорядочивает*. Но не тем, что приводит в состояние *покоя*; он упорядочивает *движение и в движении*. Покой гнетет его. Ему нужен не мыслимый порядок (логика), и не созерцаемый порядок (геометрия), а *творимый* порядок; и притом – *творимый им самим*. Ему важно двигать, давать меру, творить форму, распоряжаться и организовывать. Ему нужна власть; и это естественно: потому что он и *рожден для власти*.

Волевой человек может быть в затруднении и даже в нерешительности. Но это редко длится; а если длится, то это никогда не бывает бесплодно; и пока это длится, ему тяжело, ибо он не умеет ни наслаждаться проблематической нерешительностью, ни укрываться за нею. Волевой человек, если он неумен и морально низок, – упрощает и огрубляет все жизненные проблемы. Но если он умен и нравственно чуток, то всякая жизненная проблема и даже самая сложная – выходит от него в состоянии *творчески-спасительной организованности*. Это понятно, – потому что *нравственность и жизненность* суть в глубоком измерении *одно и то же*.

Но если волевому человеку несвойственно бесплодное колебание, то зато ему в высшей степени *естественно и легко* держаться однажды избранной линии и выдерживать ее до конца. Это человек не коротких порывов, а долгих поворотов; не просто человек поступков, а человек *плана, активной системы, выдержанного строительства*. Это не значит, что всякое принятое решение каменеет в его душе, что он становится его послушным механизмом или рабом. Воля и упрямство не одно и то же; только упрямцу свойственна слепая и неразумная настойчивость; тогда как к самой сущности воли относится ее независимость от ее собственных решений. У волевого человека – решение есть продукт воли, а воля остается хозяином решения; тогда как упрямый человек старается поддержать свою слабую волю механически-непоколебимыми решениями и сам незаметно становится их рабом. Поэтому волевой человек властен над своими решениями: он волен всегда сохранить их и пересмотреть их. Но в том решении своем, которое он *не* пересмотрел и которое он поддерживает, он *присутствует* всю энергию своей воли, насыщая его творческою и нередко стремительною динамикою. И эта верность принятому решению не тяжела ему. Это настолько характерно для волевого человека, что можно сказать и обратно: тот не волевой человек, кому несвойственно или кому трудно держаться однажды избранного плана или однажды решенной линии поведения.

Будучи сам силою, волевой человек и других людей воспринимает, как известные динамические центры. Иногда он, сам того не замечая, в душе слегка презирает безвольных людей («кисляев»); и можно с уверенностью сказать, что он практически не признает за ними настоящей реальности. Для него реален тот, кто встречает проявления *его* силы ответною силою. Он может стать его врагом или его союзником; но реальностью он останется для него до конца. И если он найдет в нем союзника, то главной заботой его будет установление взаимной *субординации и координации* сил, выяснение *совместного будущего действия, распределение полномочий и обязанностей, т. е. создание динамической организации*.

Я описал человека с большою и сильною волею. Она не у всех волевых людей выражена так ярко. Но по этим ярким признакам всякий сумеет распознать себя и определить других.

Большая воля – есть дар. Если она дана низкому и злему человеку, то она может стать несчастьем окружающих или даже целой страны. Но если ею одарен человек с творческим умом и благородною душою, то мы имеем дело с *волевою гениальностью*, которая может дать счастье целому народу. Все великие политики были такими людьми, от императора Августа и Фридриха Великого до Петра Великого, Бисмарка и Столыпина. И понятно, что в эпохи смуты и развала *вся страна начинает мечтать о таком человеке*.

Необходимо, однако, установить, что вся энергия такого большого политика может разбиться и не принести надлежащего плода, если он останется одиноким, окруженным со всех сторон безвольною, деморализованною или даже преступною толпою. Никто не может одолжить свою волю другому; никто не может заставить окружающих людей стать волевыми и порядочными деятелями. *Волевому вождю необходим волевой кадр*; и если он не найдется в стране или будет слагаться слишком медленно, то судьба может пойти мимо великой волевой возможности и не допустить ее до плодоношения. Именно такова была участь Столыпина.

Не всякому дана от природы сильная воля. Но трудно допустить, что есть люди, от природы лишенные воли *совсем*, так что им, собственно говоря, ни укреплять, ни развивать в себе нечего.

Одному дается больше, другому меньше. Одному развить волю легче, другому – труднее. Но наличный запас воли может быть укреплен и развит у *каждого* человека. Это дело внутренней работы. Бесплодно возражать тому, кто скажет, что «для развития воли уже нужна сильная воля, а тогда ее нечего и развивать». Это бесплодная диалектика; и тот,

кто к ней склонен, наверное имеет *слабую волю* и *большую лень*. Ему надо посоветовать – воздерживаться от участия в политике и лениво примириться со слабостью своей воли.

Внутренняя работа над своею волею возможна и необходима. И каждый русский патриот, понимающий, что нашему поколению не уйти от политической работы и государственного служения, *должен приступить к этой внутренней работе*.

Тут не надо начинать с больших и трудных задач. Лучше начинать с небольшого. И прежде всего верно распознать самого себя в смысле волевой силы и научиться распознавать других. При этом хорошо бывает проверять себя совместно и взаимно с несколькими друзьями и единомышленниками.

Далее, надо твердо усвоить обычай – *всегда и во всем*, во всех жизненных положениях и беседах ставить перед собою вопрос о том, *что же надо делать?* Не следует задавать его беспомощно вслух, обременяя других своею беспомощностью; но держать его молча перед своим сознанием, самостоятельно, про себя добиваясь ответа; и только добившись его для себя и про себя – ставить его вслух и обсуждать совместно. Надо приучить себя к *волевому рассматриванию жизненных вопросов*, но с тем, чтобы всегда хотя бы часть своих выводов *непосредственно осуществлять на деле*.

Затем надо поставить себе несколько реальных жизненных заданий, не безразличных для сердца, отнюдь не случайно и не механически выбранных. Надо взять одно *главное* задание, требующее сроков и долгой работы – и спуститься от него к нескольким *более мелким* задачам, подчиненным ему так, как средства подчинены цели; и на них сосредоточиться. Главное задание должно быть *любимым* и *страстно желанным*. Этот заряд желанности естественно перенесется и на подчиненные задачи. Надо закрепить его за ними так, чтобы трудное стало легким, горькое – незаметным, противное – безразличным; и затем превращать эти задачи – одну за другой – в *нестрашные препятствия, преодолеваемые по выработанному плану*. Чувство удовлетворения от победы надо использовать, как благоприятный знак и побуждение к дальнейшему. Задачи могут становиться *все более сложными*. На четвертой задаче можно попытаться поставить перед собою *две сразу*. И постепенно выдержанная борьба приучит душу к долгому и творческому напряжению.

Для начала очень полезно приучить себя, например, к систематическому и выдержанному *блюденю тайны*, столь важному и полезному в политической деятельности вообще; и в этом случае было бы реально полезно не выдумывать какую-нибудь тайну искусственно, а выбрать такое жизненное положение, которое действительно обязывает к блюденю тайны, например, из соображений чести или опасности. Но для начала лучше не связывать себя с большою тайною⁸¹.

Это будет уже живым и творческим делом воспитания в себе воли и характера, необходимых для политического деятеля.

*Старый политик*⁸²

Часть II

От редакции

Нам необходимо знать правду о нашей родине; *одну правду* и *всю правду*. Нам необходимо установить ее, усвоить и продумать; и тогда сделать *выводы* и принять *решения*.

⁸¹ *От редакции*. Одновременно с этой статьей автор ее прислал нам список правил о том, как блюсти тайну, и мы охотно даем ему место во второй части нашей первой книжки.

⁸² *Старый Политик* – псевдоним Ильина.

Для освещения этих *выводов* нам важно также иметь, во-первых, поучительные и точные материалы о других странах; во-вторых – ряд ясных и зрелых теоретических основоположений по главным вопросам идеологии, политики и хозяйства.

Но помимо выводов у нас будут складываться еще и *решения*. Для осуществления этих решений нам нужна духовная и организационная подготовка, имеющая свои *правила* и требующая выдержанной работы над усвоением этих правил.

Вторая часть нашего журнала будет обслуживать все эти потребности и запросы. Она будет давать только тщательно проверенные материалы; только строго продуманные основоположения; только практически выношенные правила и советы. Все эти данные надо будет не читать, а *прорабатывать* и *усвоить*; они нуждаются в совместном обсуждении и запоминании; они предназначены для педагогического использования и для широкой пропаганды; они должны составить как бы *умственный и волевой арсенал русского патриота*.

Редакция просит всех читателей-единомышленников широко пользоваться всеми этими данными и обращаться к ней с прямыми запросами и пожеланиями, идущими в том же направлении. Всякий отклик без исключения будет принят во внимание и так или иначе учтен.

Россия перед революцией

В конце XIX и в начале XX века Россия переживала период быстрого экономического и культурного развития. Заграничные представления о России как стране, якобы пребывавшей в застое, убедительно опровергаются цифрами. Обратимся к их нелицеприятному свидетельству.

Рост населения

За первые 20 лет царствования императора Николая II население России увеличивалось ежегодно на цифру, поднимавшуюся постепенно от 2 к 3 млн.

	в 1894 г.	в 1914 г.	% увелич.
Население	ок. 122 млн.	ок. 173–174 млн.	ок. 40%

Перепись 1897 г. дала цифру в 128 млн. По оценке статистического комитета, население России на 1 января 1914 г., включая Финляндию, Хиву и Бухару, достигало даже 180 млн.

Рост сельского хозяйства

В начале 1890-х гг. Россия переживала полосу неурожая. После голодных лет урожай 1892 и 1893 гг. были хорошими. Однако и против этих урожаев – последние годы перед войной показывают разительное увеличение.

Среднее за:

Урожай хлебов (млн. пудов)	1892—1893 гг.	1911—1913 гг.	% увелич.
в Европ. России	2050	3657	+78%
во всей Империи	—	4861	—

Количество скота также возросло. Россия имела:

(млн. голов)	1895 г.	1914 г.	% увелич.
Лошадей	25,6	35,0	+37%
Рогатого скота	31,6	52,0	+64%

Целый ряд мер был принят за этот период для поднятия уровня деревни. Наряду с такими законодательными актами, как отмена круговой поруки, отмена выкупных платежей, закон 9 ноября 1906 г. о свободном выходе крестьян из общины, – министерством земледелия была развита за последние годы энергичная деятельность по поднятию уровня сельскохозяйственной культуры (опытные поля и станции), а кредитная кооперация широко распространилась в деревне⁸³.

Рост промышленности

В области добывающей промышленности особенно выросла добыча угля, марганца, железа и меди.

	Среднее за:		
	1891—1895 гг.	1911—1914 гг.	% увелич.
Уголь (млн. пудов)	466	1983	+ 300%
Марганец (млн. пудов)	12,0	55,7	+ 364%
Медь (выплавка) (тыс. пудов)	395	1878	+ 375%
Чугун (выплавка) (млн. пудов)	73	254	+ ок. 250%

В меньшей степени, но все же значительно, выросла добыча других полезных ископаемых:

	Среднее за:		
	1891—1895 гг.	1911—1914 гг.	% увелич.
Нефть (млн. пудов)	338	560	+65%
Золото (пуды)	2576	3701	+43%
Соль (млн. пудов)	85	121	+42,5%

⁸³ В одной из ближайших книжек журнала редакция имеет в виду дать точную и исчерпывающую справку о движении крестьянского землевладения в предреволюционной России. По исчислениям одного из лучших знатоков аграрного вопроса в России профессора В. А. Косинского, основанным на данных сельскохозяйственной переписи 1916 г., скупка земли крестьянами при содействии правительства продвинулась к этому году настолько, что из земель сельскохозяйственного назначения в Европейской России – около 79 % принадлежало мелким землевладельцам (не свыше 50 десятин на хозяйство) и только 21 % принадлежал более крупным землевладельцам.

Из видов промышленности, связанных с сельским хозяйством, сильно развились свекло-сахарная, хлопковая и винокуренная. Оставляем в стороне последнюю, рост которой был резко пресечен запрещением продажи спиртных напитков в августе 1914 г.

В области сахарной промышленности наблюдался не простой рост, но и ее интенсификация:

	Среднее за:		
	1891—1894 гг.	1911—1914 гг.	% увелич.
Площадь посева свекловицы (в десятинах)	280 000	721 000	+ 150%
Выработка сахара (млн. пудов)	30,5	104,5	+ 245%

Еще быстрее шел рост хлопководства.

	1894 г.	1914 г.	% увелич.
Площадь посева (в десятинах)	ок. 150 000	675 000	+350%
Сбор волокна (млн. пудов)	3,2	15,6	+388%

Развитие хлопководства в Туркестане (далеко обогнавшем Закавказье) стало возможным вследствие производства обширнейших ирригационных работ.

Рост капитала страны

Из видов национального достояния на первое место можно поставить пути сообщения. Развитие железнодорожной и телеграфной сети показывает быстрый рост:

	нач. 1895 г.	1.I.1915 г.	% увелич.
Железные дороги	31 812 верст	64 547 верст	+103%

В эти цифры не вошли ни финские железные дороги, ни Восточно-Китайская. Русские железные дороги были значительно дешевле, чем заграничные (в особенности для поездов на дальние расстояния), а также имели спальные вагоны и для III класса, чего и теперь нет на большинстве заграничных дорог.

	1891 г.	1914 г.	% увелич.
Телефонная сеть (длина линий)	133 000	223 000	+68%

Рост ее приходится на более позднее время; в 1897 г. длина линий была 143 000.

	1894 г.	1914 г.	% увелич.
Торговый флот	492 000 т	783 000 т	+59%

Особенное внимание обращалось на развитие сообщений между Европейской Россией и Сибирью и вообще Азией.

Большое количество вновь возведенных присутственных зданий, вокзалов, грандиозные элеваторы для хранения хлеба, усиленное строительство в столицах и больших городах быстро увеличивало ценность недвижимого имущества России.

Наконец, самый внешне-осязательный вид государственного капитала – золотой фонд увеличился в следующих размерах:

	15.XII.1894 г.	16.VII.1914 г.	% увелич.
Золото в Гос. банке (в млн. руб.)	648	1604	+146%

Все эти данные ярко свидетельствуют о том, что экономическое благосостояние России – и национальный годовой доход, и накопленный капитал страны – не только возросло абсолютно, но в своем росте *опережило увеличение численности населения*: в то время как оно увеличилось на 40 %, все главные отрасли дохода и капитала страны возросли в пропорции много раз большей.

Народное образование

Народное образование в России не находилось целиком в ведении министерства народного просвещения. Большая часть расходов падала на земство и города; приходские школы находились в ведении Святейшего Синода; коммерческие училища (и ряд высших учебных заведений) ведались министерством финансов (позднее – торговли); наконец, многие женские учебные заведения относились к ведомству учреждений императрицы Марии.

Расходы министерства народного просвещения являются лишь частью расходов на образование. Рост их, однако, является показательным особенно ввиду того, что и по другим ведомствам просветительные расходы не сокращались, а наоборот, росли.

	1894 г.	1914 г.	% увелич.
Бюджет мин. нар. просв.	25 200 000 р.	161 600 000 р.	+ 628%

Количество неграмотных, составлявшее все еще большинство населения, постепенно убывало.

За последние 20 лет перед войной произошли следующие изменения в количестве учащихся в государственных, земских и городских учебных заведениях:

	на 1.I.1894 г.	1.I.1914 г.	% увелич.
В университетах	13 944	39 027	+180%
В средних учебных заведениях	224 170	733 387	+227%
В низших учебных заведениях (кроме Средней Азии)	3 275 362	6 416 247	+96%

Кроме того, имелись частные, в особенности инородческие (татарские и т. д.) школы, с числом около миллиона учащихся в 1912 г. Ввиду усиленного расширения школьной сети и именно за последние годы к 1914 г. увеличение числа учащихся, несомненно, превысило 100 % против 1894 г.

В этих цифрах, кроме того, из *высших* учебных заведений не учтены: все *специальные* (технические, военные, музыкальные и т. д.), женские (Высшие курсы), педагогические институты и т. д., и вообще все *частные* учебные заведения.

Более быстрый рост *среднего* образования легко объясняется необходимостью раньше *подготовить кадры учителей*, а затем уже расширять сеть низших школ.

Что касается средних учебных заведений, то интересно сопоставить число учащихся в мужских и женских гимназиях:

	1894 г.	1914 г.	% увел.
Мужские гимназии и реальные училища	89 411 чел.	228 551 чел.	+155%
Женские гимназии	54 102 чел.	328 803 чел.	+420%
Женские институты	7 706 чел.	9 562 чел.	+15%
Духовные учебные заведения	63 257 чел.	100 027 чел.	+58%

Поразительный рост среднего *женского* образования сопровождался таким же ростом *высшего* женского образования за последнее десятилетие. По числу женщин, получавших высшее образование, Россия стояла в Европе на первом месте.

Из внешкольных видов образования отметим быстрый рост народных библиотек и могучий расцвет издательской деятельности, сопровождавшийся огромным *удешевлением* книги.

Мировая война, поставившая Россию в исключительно трудные условия, вызвала, разумеется, большие перемены в русской жизни.

Но до революции государственный организм все же преодолевал возникшие затруднения.

Война поставила русской промышленности большие новые задания. Она одновременно должна была удовлетворять нуждам обороны и возмещать прекратившийся подвоз из-за границы. Россия была лишена главных путей сообщения с внешним миром: сухопутной

западной границы, Балтийского и Черного морей. Все, что приходило извне, должно было проходить либо через замерзающие порты Белого моря, либо через Владивосток, отстоявший от фронта чуть ли не на 10 000 верст. Русская металлургическая промышленность не была настолько развита, как западная. И тем не менее после первого же года неудач огромными усилиями было достигнуто такое увеличение ввоза через Владивосток и Белое море, что снабжение России военным материалом извне стало реальностью. Была построена ширококолейная дорога от Архангельска и сооружена за время войны новая дорога, Мурманская, выводящая прямо к незамерзающей бухте Ледовитого океана. Это *преодоление блокады*, завершённое к осени 1916 г., было поразительным достижением.

В то же время Россия покрылась целой сетью новых металлургических и химических заводов. Постройка и переоборудование шли «американским» темпом, и к началу 1917 г. русская промышленность давала армии достаточное количество снарядов.

О росте *металлургической* промышленности цифровых данных не помещалось, так как на нее простиралась военная тайна. О нем ярко свидетельствуют те огромные запасы руды, полуфабрикатов, готового снабжения, которые остались к моменту революции.

В других областях удавалось не только поддержать производство, но подчас даже увеличить его.

Так, в области топлива добычу угля за первые военные годы удалось поддержать почти на прежнем уровне, *несмотря на то, что отпал оккупированный с первых дней войны Домбровский район, поставлявший свыше 400 млн. пудов в год:*

Среднее за	1911—1914 гг.	1915 г.	1916 г.
Добыча угля (млн. пудов)	1983	1905	1955

Добыча в Донецком бассейне с 1543 млн. пудов в 1913 г. повысилась в 1916 г. до 1738 млн. пудов.

Добыча нефти повысилась еще более разительно:

Среднее за	1911—1914 гг.	1915 г.	1916 г.
Добыто нефти (млн. пудов)	560	568	602

Резкое повышение дали также *сборы хлопка*. В 1916 г. Россия более чем на 2/3 удовлетворялась собственным хлопком, тогда как до войны привозной хлопок составлял более половины.

В области сахарной промышленности, несмотря на захват неприятелем в 1915 г. значительной части районов, производящих свекловицу, производство поддерживалось:

Среднее за	1911—1914 гг.	1915 г.	1916 г.
Площадь посева (в десятинах)	721 000	702 000	670 000
Выработка сахара (млн. пудов)	104	113	92

Сельское хозяйство, разумеется, страдало от массовых призывов в армию. В 1916 г., по данным министерства земледелия, площадь посева хлебов сократилась на 10 %. Это явление наблюдалось не только в России: напр<имер>, во Франции сбор хлебов во вторую половину войны составлял всего около 50 % прежнего. Франция питалась подвозом из Америки. Что касается скотоводства, то перепись 1916 года установила, против цифры 1914 г., уменьшение количества лошадей с 35 млн. до 33 млн., при увеличении количества рогатого скота с 52 до 56 млн.

Таковы были итоги русского хозяйства за предшествовавшие революции годы войны: рост металлургической и химической промышленности, хлопководства, добычи нефти, угля (в неоккупированной части страны); слабый урон в сельском хозяйстве и связанных с ним отраслях промышленности. Наиболее тяжело в области экономики война отразилась на путях сообщения и связанной с ними торговле, а также на денежном обращении.

После сопоставления всех этих данных, свидетельствующих об огромной и продуктивной работе правительства и народа и о бурном, культурном и хозяйственном росте России, продолжавшемся даже во время такой войны, естественно и неизбежно возникает вопрос, кому и для чего нужна была революция?..

С. С. Ольденбург⁸⁴

Русская территория (1914–1927)

Каждый русский патриот должен знать наизусть и, взявши карту, продумать с исторической и политической точки зрения состав своей национальной *территории*. Он должен знать, как она сложилась в истории; как случилось, что к ней были присоединены такие-то части земной поверхности; нужны ли эти части его родине и *зачем* они нужны ей; и сколько борьбы, всенародных жертв и страданий потребовало каждое присоединение?

Владеть обширной или огромной территорией не есть высшая задача народа. Народ живет не *для* земли и не *ради* земли. Но он живет *на* земле и живет *от* земли. И потому территория необходима ему не менее, чем воздух и солнце. Народ без определенной ему и крепкой территории – есть кочевник, живущий в бесплодных, неверных и случайных блужданиях; он *травит* и *грабит*, но не оплодотворяет и не создает; он не образует государства; он остается проходящим странником и опасным соседом. Ни одна великая, мировая культура не была создана кочевым народом. Настоящая культура начинается с оседлости; ибо только оседлый человек перестает *брать* от природы, *ничего ей не давая*; только оседлый человек отдает себя природе *цельно* и *творчески* – вверяет ей свои силы и свою судьбу, связывается с нею морально и духовно; этим он *приобретает* ее и начинает считать ее по праву *своею*. Территорию мало завоевать; ее надо культивировать. Право на нее приобретается не только воинственно пролитую кровью, но и ее хозяйственным и техническим приспособлением для жизни и духа. Тогда она становится не только необходимым *условием* народной жизни, но и *творческим созданием* народа. Добытая кровью и трудом, волею и духом – территория становится *священным* достоянием нации.

Не жажда воинственного напора создала России ее территорию, но, во-первых, ее открытое, незащищенное положение на равнине, во-вторых, необходимость морского пути для земледельческого и торгового государства. История России есть сначала история ее самообороны от степных кочевников и от равнинных соседей; потом – история ее борьбы

⁸⁴ *Ольденбург* Сергей Сергеевич (1888–1940) – русский историк, журналист, сражался в рядах Белой армии против большевиков, эмигрант. Главные его труды: «Переворот большевиков», «Ленин и большевистская революция» и известная двухтомная монография «Царствование императора Николая II».

за выход к свободному морю. Россия имела только два пути: или стереться и не быть; или замирить свои необозримые окраины оружием и государственною властью, и затем пробиться к морю. Так выросла русская государственная территория.

К 1914 году Россия была самым большим континентальным государством в мире. Не считая внутренних морей, она занимала свыше 22 млн. кв. км, т. е. одну шестую часть всей суши земного шара; ее площадь была в два с половиною раза больше площади Европейского материка; в два раза больше Китая; в три раза больше территории Северо-Американских Соединенных Штатов; в 44 раза больше территории Германии. Она уступала по размерам только Британской империи, которая покрывала вместе с колониями свыше 32 млн. кв. км; но владения Англии были разбросаны по всем частям света, тогда как территория России представляет одну сплошную площадь, нигде не прерываемую владениями других государств.

Революция, завершившая и проигравшая великую войну 1914 года, внесла в территориальное положение России ряд существенных изменений. Именно: Россия потеряла территорию в 908 тыс. кв. км (невступно⁸⁵ 1 млн.), т. е. приблизительно столько, сколько составляют площади Франции и Италии, взятые вместе. По сравнению со всем пространством России это составляет 4 с небольшим процента, или 1/24 всех русских владений. Но если принять во внимание только Европейскую Россию, из состава которой выпала утраченная территория и площадь которой приближалась в 1914 году к 6 млн. кв. км (около 5 928 000), то потеря эта составит свыше 15 %.

Территория, отошедшая от России, распределилась следующим образом. Часть ее отошла ко вновь образовавшимся самостоятельным государствам, из них: Финляндия владеет ныне 388 400 кв. км; Польша получила 262 700 кв. км; Литва – 79 600 кв. км; Латвия – 65 800 кв. км; Эстония – 47 600 кв. км.

Другая часть ее отошла к ранее существовавшим государствам: Румыния, безуспешно воевавшая в союзе с Россией, получила Бессарабию – 45 600 кв. км; и Турция, безуспешно воевавшая против России, получила Карскую область – 18 650 кв. км.

Эти территориальные потери, понесенные Россией, не только велики количественно, но имеют и иное значение. Утрата их отрезала Россию от ближайших выходов к морю: Россия потеряла почти всю береговую линию по Балтийскому морю (свыше 2500 км) с портовыми городами Виндавой, Либавой, Ригой, Ревелем, Выборгом, Гельсингфорсом, Ганге, Або, сохранив всего около 200 км к северу и югу от Петрограда – единственного оставшегося порта на Балтийском море. Россия потеряла общую границу с Германией, торговые сношения с которой стояли у нас до войны (по ввозу и вывозу) на первом месте. Наконец, из состава России вышли культурно-возделанные земли всех новообразовавшихся государств с их способным и трудолюбивым населением, среди которого имеется немало число русских людей.

В будущем нет перспектив для воссоединения с Польшей: она останется самостоятельным государством, отделяющим нас от Европы и самостоятельно противостоящим Германской империи. Что же касается других новообразовавшихся государств, то воссоединение их с Россией если произойдет когда-нибудь, то только по их свободной и доброй воле, обусловленной, с одной стороны, их собственными, политическими и хозяйственными интересами, с другой стороны – их культурным доверием к исцеленной и возрожденной России. Во всяком случае, национальная Россия не будет делать насильственных присоединений и долгое время ей будет совсем не до войн.

После исключения этих утраченных территорий площадь России исчисляется в 1927 году в 21 213 000 кв. км круглым счетом. Эта территория разделена революционною

⁸⁵ *Невступно* – здесь: поменьше.

властью на целый ряд «федеративных республик», формально связанных особою советскою конституциею, а по существу одинаково подчиненных диктатуре коммунистической партии. Большую часть ее занимает так называемая «Российская социалистическая федеративная советская республика», а именно 19 683 000 кв. км, или 92,8 %. Остальные 7,2 %, составляющие все же колоссальную площадь в 1 530 000 кв. км, заняты вновь образованными «федеративными республиками»: Туркменской (418 560 кв. км), Украинской (397 800 кв. км), Узбекской (322 000 кв. км), Закавказской (193 000 кв. км) и Белорусской (109 800 кв. км). В свою очередь некоторые из этих «федеративных республик» распадаются на автономные республики (в составе РСФСР их насчитывается 10) и автономные области (в составе РСФСР – 13 областей).

Таким образом, Россия, выведенная из войны революцией, подверглась внешнему и внутреннему территориальному расчленению.

А. И. Бунге⁸⁶, И. А. Ильин

Население России (1897–1914–1927)

Патриоту необходимо знать племенной состав своей страны и численность ее населения. Каждый человек, входящий в состав его страны, есть сын одной с ним родины, его соотечественник и брат: он связан с ним в счастье и в несчастье, в победе и в поражении, в славе и в унижении. И все граждане единого государства, – знают они об этом или не знают, – несут взаимно и совместно бремя жизни, организованной на земле.

Территория необходима государству; но состоит государство не из территории, а из людей. Люди могут временно отрываться от своей территории; и все-таки оставаться в составе своего государственного союза. Эта принадлежность человека к его государству определяется не просто законом и распоряжением существующей власти, но прежде всего и больше всего *внутренним самочувствием* человека, его *патриотическою преданностью*, его *правосознанием*. Интернационалист и предатель *не* входят в состав того государства, в котором они живут и которым они, может быть, даже управляют; а изгнанник или эмигрант, любящий свою родину, по-прежнему остается ее сыном и входит в состав своего народа. Пусть статистик, подсчитывая «население» в данный момент, присчитает его, по месту его теперешнего жительства, к другой стране; на самом деле он остается в национальном запасе живых сил своей страны.

Этим и определяется весь смысл вопроса о населении: население есть *живой состав* и *живой запас национальных и государственных сил страны*. Численный рост населения обозначает здоровье, силу и рост нации; причем здоровье и сила нации тем больше, чем выше стоит рождаемость и чем ниже смертность. Вымирающая нация лишена будущего; так вымерли многие народы в древности, вымерли южноамериканские ацтеки, вымирают североамериканские индейцы и некоторые племена в России (долгане, чуванцы, алеуты и др.). Нация с невозрастающим населением переживает критическую эпоху своей жизни (Франция) и размножение соседних народов реально угрожает ее будущему. Напротив, народ с возрастающим населением может уверенно смотреть в будущее, несмотря на то, что ему, по-видимому, грозит в дальнейшем перенаселение, ибо это затруднение разрешается в зависимости от двух свойств народа: *воли к труду* и *способности к организации*.

До войны 1914 года средний уровень рождаемости в России составлял 47,0 человека в год на каждую тысячу населения (в Германии 36,5 чел. на тысячу, после войны всего

⁸⁶ Бунге Андрей Иванович (?–1943) – старейший сотрудник берлинской газеты «Новое слово», белградской газеты «Новое время», автор парижской газеты «Возрождение». В 1927 г. вышел вместе с Ильиным из «Возрождения» в знак протеста против снятия главного редактора П. Б. Струве.

20,6! – во Франции 23,0, после войны 19,6! – в Англии – 31,3, в Швейцарии – 27,7, в Италии – 37,6, в Венгрии – 42,8). Средний уровень смертности в России составлял 30,0 человека в год на каждую тысячу населения (в Германии – 24,6, во Франции – 22,4, в Англии – 19,2, в Швейцарии – 21,4, в Италии – 26,9, в Венгрии – 32,4). Это составляло чистый прирост в год 17 человек на тысячу, или в среднем на всю страну *полтора процента ежегодно*.

Насколько уровень рождаемости в России утешителен по своей высоте (и сам по себе, и по сравнению с другими странами), настолько уровень смертности у нас неутешителен: он показывает, какие усилия нам необходимо еще сделать для того, чтобы поднять гигиенический, медицинский, хозяйственный, технический и организационный уровень нашей страны. И в этом отношении перед русским народом открыто великое будущее, ибо размеры нашей территории таковы, что она способна при здоровой государственной и хозяйственной политике вместить и прокормить гораздо большее население, чем то, какое она вмещает ныне. Перед войной 1914 года средняя плотность населения в *Европейской России* (составлявшей 1/4 всей русской территории), без Польши, была 25 человек на 1 кв. км, а в *Азиатской России* (составлявшей остальные 3/4 нашей площади) она равнялась 0,7 человека на 1 кв. км в Сибири и 3,0 человека в Средней Азии; тогда как в Европе плотность населения на 1 кв. км составляла: в Германии – 120 чел. (теперь, после отпадения слабонаселенных восточных областей – 134 чел.), в Англии (Соединенное Королевство) – 145 чел., во Франции – 74 чел., в Испании – 39 чел. и в Норвегии – 7 чел.

Первая планомерная общерусская перепись была осуществлена в 1897 году. Согласно этой переписи в России находилось в то же время круглым счетом 128 млн. жителей (точная цифра: 128 195 483). На основании цифр рождаемости и смертности можно было установить, что к первому января 1914 года население России возросло круглым счетом до 173 млн., а по некоторым исчислениям, даже до 180 млн.

Это значит, что Россия занимала по численности своего населения третье место в мире, уступая Английской империи, которая вместе с колониями насчитывает 420 млн. жителей, и Китаю, число жителей которого точно не определено, но, во всяком случае, превышает 300 млн.

Срединное положение России между Западной Европой и Азией, как раз на пути великого переселения народов, определившего, около пятнадцати веков тому назад, судьбу Европы и берегов Средиземного моря, повело к тому, что на ее поверхности оседали остатки почти всех народов, проходивших по ней с востока на запад. Отсюда большая племенная пестрота, донныне сохранившаяся в России. Перепись 1897 года насчитывает 140 племен различного происхождения, относящихся к различным расам и входящих в состав русского населения.

Племенной состав русского населения был исчислен в 1897 году в общем так (даем круглые цифры).

Если оставить в стороне небольшую сравнительно группу палеоазиатов⁸⁷ или гиперборейцев (чукчи, гиляки, коряки, камчадалы, айносы и др.), составлявших вместе не более 35 тысяч душ, и более крупную группу китайцев, корейцев и японцев, не превышавшую, однако, сообщая 90 тысяч, то все население России делилось на *четыре* большие расовые группы: 1) индоевропейскую, или арийскую; 2) уралоалтайскую; 3) семитическую и 4) картвелоиверийскую группу.

⁸⁷ *Палеоазиаты* – термин, введенный в середине XIX в. для наименования группы малочисленных народов Северной и Северо-Восточной Сибири: чукчей, коряков, ительменов, юкагиров, нивхов, кетов, эскимосов и других. Палео – от греч. *palaios* – древний.

1) Подавляющее большинство русского населения, около 100 млн., почти 80 %, принадлежало к индоевропейцам. Это означает, что *арийская раса* численно определяет судьбы и пути России.

Главное ядро этой расы составляли *славяне*. Их было немного более 92 млн., или около 72 % всего населения. Это означает, что *славянские племена* численно преобладали в России.

Если вычтуть из этой массы 7,9 млн. поляков (около 6,4 % всего населения) и небольшое число других славян (болгар и чехословаков), то мы получим основной, исторически *ведущий и строящий Россию кадр русского племени* – около 84 млн., или 65,6 % всего населения.

Русское племя распадалось на три ветви; в него входили: *великороссы* – 55,7 млн., т. е. около 43,5 % всего населения и около 66 % всех русских; *малороссы* – 22,4 млн., т. е. около 17,5 % всего населения и около 27 % всех русских; и *белорусы* – 5,9 млн., т. е. около 4,6 % всего населения и около 7 % всех русских.

К индоевропейской расе, помимо славян, принадлежали в России еще следующие племена (переименовываем их по численности): немцы – 1,8 млн.; латыши – 1,4 млн.; литовцы – 1,2 млн.; армяне – 1,2 млн.; молдаване и румыны – 1,1 млн.; иранцы (таджики, осетины, курды, таты, талышинцы и персы) – 0,784 млн. (т. е. 784 тыс.); жмудины – 0,448 млн.; греки – 0,187 млн.; цыгане – 0,045 млн. (т. е. около 45 тыс.).

На *все остальные расы*, вместе взятые, приходилось около 28 млн., или 20 % всего населения.

2) Вторую по численности расу являлись *уралоалтайцы*. Они составляли около 20 млн., или около 15,6 % всего населения.

Сюда входили две группы – *финская* и *тюрко-татарская*. К *финским* племенам относились (в круглых числах): финляндские финны – около 2,3 млн., прибалтийские финны (савакоты, эврейсет, воть) – 1,4 млн., мордва – 1 млн.; эсты – 1 млн., вотяки – 0,4 млн.; черемисы – 0,375 млн. (т. е. 375 тыс.); карелы – 0,208 млн.; зыряне – 0,153 млн.; пермяки – 0,104 млн., а также численностью менее пятидесяти тысяч каждое племя – чудь, остяки, ижора, вогулы и лопари (около 2 тыс.).

К *тюрко-татарским* племенам принадлежали: киргиз-кайсаки – 4 млн., татары – 3,7 млн., азербайджанцы – 1,5 млн., башкиры – 1,3 млн., сарты – 0,968 млн.; чувашы – 0,843 млн.; узбеки – 0,726 млн.; буряты – 0,289 млн.; туркмены – 0,281 млн.; якуты – 0,227 млн.; турки-османы – 0,209 млн.; кара-киргизы – 0,201 млн.; калмыки – 0,191 млн.; тептяри – 0,118 млн.; кара-калпаки – 0,104 млн.; а также численностью менее 100 тыс. каждое племя: кумыки, тунгусы, ногайцы, таранчи, мещеряки, горские татары, карапахи, карачаи, самоеды, кашгарцы, кипчаки и долгане (1 тыс.).

3) Третью по численности расу образовывали *семиты*. Они составляли немного более 5 млн., или около 3,9 % всего населения.

Если не считать двух ничтожных по численности групп закавказских сиро-халдеев (айсоров) и дагестанских арабов, то все остальное количество 5 064 000 душ приходилось на евреев.

4) Наконец, четвертую по численности расовую группу представляли из себя *карт-вело-иверийцы*. Их насчитывалось около 2,4 млн., или около 1,9 % всего населения.

Сюда относится целый ряд кавказских народов, из которых самые многочисленные: грузины – 0,824 млн. (т. е. около 824 тыс.); имеретины – 0,273 млн.; менгрельцы – 0,239 млн.; чеченцы – 0,226 млн.; и некоторые лезгинские племена: аваро-андийцы – 0,212 млн.; кюринцы – 0,159 млн.; даргинцы – 0,130 млн.; а также численностью менее 100 тыс. каждое племя – кабардинцы, абхазцы, сваны, лакцы, табасаранцы, крызцы, удины и др.

Справедливая история когда-нибудь отметит тут религиозную и культурную и бытовую свободу, которой пользовались все эти народы и племена под властью дореволюцион-

ной Российской империи; причем эта свобода тем легче принимала и формы общественного самоуправления, чем лояльнее относился данный народ к интересам России в целом и к ее законам. Помимо общей обязательности государственного языка (принцип, проведенный во всех культурных странах), русский народ не только не подавлял иноплеменных языков в своих пределах, но впервые создавал для малых народностей их письмена и не стеснял их культуры и быта. Даровитые люди самых различных племен имели доступ и в высшие учебные заведения, и к высшим государственным и командным должностям.

Война и революция сильно повлияли на состав русского населения и в племенном и в численном отношении. Откладывая приведение исчерпывающих данных на будущее время, укажем теперь же, что от России отпал целый ряд областей с населением, равным приблизительно *двадцати девяти* миллионам душ, т. е. превышающим все население теперешней Польши, которая по числу жителей ныне занимает в Европе пятое место.

Из состава русского населения почти совершенно исчезли финляндские финны, латыши, литовцы и эсты; мало осталось поляков. Значительно уменьшилось число евреев, насчитывающих в нынешней России около 2,7 млн.; евреи отошли главным образом к Польше. Значительная часть молдаван отошла к Румынии. Число немцев также уменьшилось до 1,1 млн.

Потери во время большой европейской войны, потери гражданской войны и число жертв коммунистического террора мы впоследствии исчислим отдельно. К этому надо прибавить убыль населения от революционного голода в городах, от неурожайного голода в 1920–1921 гг. и от эпидемий. С чисто статистической точки зрения сюда надо причислить также эмиграцию.

При таком положении дел последняя перепись, произведенная советскою властью, дала общее число населения для нынешней России в 146 200 000 душ. Нетрудно исчислить, какое количество населения потеряла Россия с 1914 по 1927 год (убитыми, умученными, преждевременно умершими, отпавшими и неродившимися), если принять во внимание, что к 1914 году Россия насчитывала не менее 173 млн. и что при нормальных условиях население ее возросло <бы> не менее, чем на 2 млн. в год.

А. И. Бунге, И. А. Ильин

Как хранить тайну (Правила и советы)

1. Если у тебя есть тайна и тебе надо сохранить ее, то пойми прежде всего, что сохранить ее можешь *только ты сам*; другому придется ее хранить уже тогда, когда ты ему ее выдашь. Не надейся на других. Если ты сам не удержал свою тайну, как можешь ты требовать молчания от другого?

2. Тайна имеет свои законы; кто их нарушает, тот ее разрушает. Сущность тайны не в том, что о ней знают, но не говорят («секрет Полишинеля»). Сущность ее в том, что люди не знают ни того, *в чем* она состоит, ни того, что *вообще что-то скрывается*.

3. Поэтому, если у тебя есть тайна, то не имей таинственного или важного вида; не шепчись по углам; не роняй многозначительных намеков; не рассказывай о своих знакомствах; не сообщай сенсационных новостей. Будь прост, естествен, скромн. Умей молчать, но без загадочности; когда необходимо, умей быть разговорчивым о посторонних предметах. Будь как все; будь малозаметен. И прежде всего искорени из своего сердца *тщеславие*: это главный источник болтливости. Приучи себя не дорожить суждением окружающих людей о тебе. Судит тебя Господь и ты сам перед Его лицом; а впечатления других несущественны: научись ради дела спокойно проигрывать в их мнении.

4. Явная таинственность всегда пробалтывает тайну; будь уверен: если люди узнали, что у тебя *есть* тайна, то они скоро узнают и *в чем* она; ибо всюду есть много досужих и про-

фессиональных следопытов. Поэтому, если самая наличность тайны стала притчей во языцех, то погаси ее совсем; и потом, если надо, завяжи ее снова.

5. Чтобы научиться беречь тайну, сделай так. Утай про себя твое первое серьезное огорчение или первую твою серьезную удачу. Сделай так, чтобы никто на свете не узнал о них от тебя.

Или еще: если узнаешь какую-нибудь волнующую новость, заставь себя не рассказывать о ней никому. Если другой будет рассказывать ее при тебе, – слушай и молчи; если неверно расскажет, – не поправляй; если сочтут тебя за неосведомленного человека – пусть считают.

Упражняйся в этом; но не говори никому, что ты «упражняешься». Приучись *быть наедине* со своей тайной, чтобы она тебя не «распирала». Этим ты выработаешь себе *непроницаемость* по отношению к людям. Закрепи ее внутренне *безусловною прозрачностью души перед Богом и совестью*.

6. Тайна есть бремя. Это бремя надо нести *самому и одному*. Приучи себя к этому и ты укрепишь свой характер, ибо сущность характера в *духовной самостоятельности* человека.

7. Чем меньшее число людей знает о тайне, тем она неувязимее; и обратно.

8. Интимные секреты, которые никому не нужны, хранить легче. Гораздо труднее хранить те тайны, которые *должны* быть известны лишь *очень немногим*, но до которых хотели бы добраться *многие* и притом *враждебные* люди. Начинай свои упражнения с первых и лишь постепенно переходи ко вторым.

9. Сообщать другому тайну следует не тогда, когда это «можно» сделать (он не «предатель», он не «сплетник», он «симпатичный»), а тогда, когда это *безусловно необходимо* для дела. Лучше недоговорить, чем переговорить. В сомнении всегда воздержись. Не делай себе в этом никаких попущений, ни по родству, ни по дружбе, ни по любви; помни Самсона и Далилу.

10. Не будь наивен: не связывай другого «честным словом» или «клятвою», или «зароком». Многих людей тайна начинает «распирать» именно после того, как они дадут «честное слово». Не следует обременять другого тайною; она может вырваться у него помимо воли – в бреду, в опасности, в любовном угаре, в пьяном виде. Страхуй свою тайну *своим молчанием и чужим неведением*, ибо только действительное неведение дает абсолютную гарантию. Без крайней необходимости не обременяй своею тайною и заведомого молчальника, ибо и он может учесть свою осведомленность в своих дальнейших поступлениях так, что наблюдательные люди сумеют вычитать твою тайну из его поступков.

11. Скупому на слова легче блюсти тайну, чем говорливому.

12. Человек неуравновешенный, темпераментный, живущий чувствами, вспыльчивый – менее подходящ для блюдения тайны, чем уравновешенный, спокойный, холодный и сдержанный.

13. Развивай в себе внимание; способность сосредоточиваться; искусство подвергать свою речь внутренней цензуре; умение выбирать слова. Это необходимо для блюдения тайны.

14. Приучи себя не торопиться с ответом на вопрос: всегда давай себе срок для выбора ответа. Прежде чем отвечать, обрежь внутренне все нити, ведущие к тайне.

15. Никогда не записывай ни своей тайны, ни всего того, что с нею связано, и *нигде* не храни. Помни все необходимое наизусть. А если не можешь, то сначала укрепи свою память мнемоническими упражнениями.

16. Если первое время будут неудачи – не унывай. Блюдение тайны есть дело трудное; оно доступно только исключительным людям. Научись проверять себя после каждого разговора и отмечать свои ошибки; и тогда ты сам скоро дополнишь эти правила. И помни: умеющий хранить тайну всегда сильнее неумеющего.

Старый политик

Девизы Белого движения

Русское Белое движение имеет свой глубокий и *непреходящий* смысл – религиозный, патриотический и государственный. Гражданская война против интернационалистов и коммунистов была *лишь первым проявлением* его, его *героическим, военным* началом; и впереди его ждет трудное, но славное будущее. Это есть движение *национального рыцарства* – движение, не связанное ни с каким сословием и *не имеющее никакой классовой программы*; *каждый* русский патриот может найти в нем свое почетное место. Оно покоится на отборе *честных и волевых* русских граждан. Его цель – религиозное, государственное и культурное *величие России*. Его ближайшая задача – освобождение и возрождение родины. Его духовные основы выражаются и закрепляются в таких девизах:

Господь зовет! Сатаны убоюсь ли?

Моя молитва, как меч. Мой меч, как молитва.

Служу России. Отвечаю Богу.

Все за родину. Всё за родину.

Единая. Великая. Примиренная. Возрожденная.

Один за всех, все за одного.

Сыны и братья.

Блаженство в верности.

Умей желать. Умей дерзать. Умей терпеть.

В борьбе закаляюсь, в лишениях крепну.

Грозная любовь, честная борьба.

Моя святыня, мое слово, мое дело.

Владею собою.

С поднятым забралом.

Быть, а не казаться.

Честь, а не почести.

Молиться, любить, творить и умереть в свободе.

Силен свободным повиновением.

В правоте моя победа.

Свободный в жизни силен в смерти.

Подъемлю доброю волею.

Любовию ведам, жертвою очищаюсь.

Жертвую, но не посягаю; соревную, но не завидую.

Побеждаю, но не мщу.

Собственность и творчество; изобилие и щедрость.

Достоинство в служении.

Власть мое бремя, долг мое утешение.

Дорогу честности и таланту.

Нами правит лучший.

Учись иметь Царя.

Творю и соблюдаю.

Любовью и кровью спаянные.

И. А. Ильин

№ 2

Часть I

От редакции

1. Мы верим в величие новой, грядущей России: ею занята наша мысль; ей отдана наша воля. И журнал наш обращается к тем, кто хочет служить ей любовью, словом и делом.

2. России нужна прежде всего – национальная интеллигенция, религиозно обновленная и государственно мыслящая. Только ей может открыться великая – *христианская и патриотическая идея России*; только она сможет *воспитать в народе ту великую силу воли*, которая необходима для осуществления этой идеи.

3. Каждый из нас должен работать над собою в этом направлении: вынашивать верную, глубокую и ясную *идею* и готовить в себе сильную, гибкую и умелую *волю*. Основная задача «Русского Колокола» состоит в том, чтобы содействовать этому драгоценному творческому процессу.

4. Для этого наш журнал дает статьи и материалы. Эти статьи и материалы нельзя «просматривать»: их не стоит «пробегать глазами»; напрасно искать в них развлечения и «легкого чтения». В них нет случайного и безответственного; в них прочувствовано каждое слово; в них продумано каждое утверждение. Они требуют *внимания* и, главное, рассмотрения и решения каждого отдельного вопроса *по существу*.

5. Лучше всего читать и обсуждать эти статьи *совместно*, вдвоем, втроем или в кружке единомышленников. Почти каждая статья может заменить очередной реферат; и почти каждая статья требует принципиального решения, которое лучше всего принимать совместно.

6. Особого внимания требуют материалы и инструкции, помещаемые во *второй* части журнала. Их назначение – вооружить мысль и волю русского патриота. На каком бы посту он ни оказался впоследствии в грядущей России – учителя, журналиста, офицера, агронома, кооператора, чиновника, – он найдет здесь необходимые для него сведения, советы и формулы.

7. Крайне стесненная объемом журнала и учитывая размеры своего задания, редакция не может помещать ни обширных фактических описаний, ни корреспонденции с мест. Это – дело *газет*. Наш журнал может говорить только о главном, только по существу и сжато.

8. Редакция ждет от всех читателей-единомышленников прямых откликов, запросов и пожеланий, идущих в том же направлении. Всякий отклик без исключения будет принят во внимание и так или иначе учтен.

О русской интеллигенции

Вы соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поправление людям.

Мф. 5,13

Русская интеллигенция стоит на великом, идейном и волевом распутье. У обрыва, у бездны пресекалась ее прежняя дорога: нельзя идти далее в том же направлении. Есть лишь крутой поворот в сторону, на новые, спасительные пути; и есть скользкие, обрывающиеся тропинки – на дно... Надо понять и выбрать; решить и идти. Но нельзя выбирать долго:

сроки коротки, а время идет. Или вы не слышите, как зовет Россия? Или вы не видите, как разворачивается и назревает мировой кризис? Поймите же: *Россия должна быть освобождена и очищена до того, как мировой кризис назреет и разразится!*..

Не раздумье опасно, а безволие; не самоуглубление, а нерешительность. Русской интеллигенции есть над чем задуматься; и без религиозного и духовного самоуглубления ей не найти верного исхода. Честно и мужественно она должна сказать себе, что *революционное крушение русского государства есть, прежде всего, ее собственное крушение*: это она вела и она привела Россию к революции. Одни вели сознательною волею, агитацией и пропагандой, покушениями и экспроприациями. Другие вели проповедью непротивленчества, опрощения, сентиментальности и равенства. Третьи – безыдейною и мертвящею реакционностью, умением интриговать и давить, и неумением воспитывать, нежеланием духовно вскармливать, неспособностью зажигать свободные сердца... Одни разносили и вливали яд революции; другие готовили для него умы; третьи не умели (или не хотели) – растить и укреплять духовную сопротивляемость в народе...

Здесь *все* должно быть мужественно додумано до конца и честно выговорено. Горе упрямым и трусливым! Позор самодовольным лицемерам! Беспристрастная история заклеяет их, как слепцов и разрушителей, а восстановление России будет обусловлено *вымиранием их поколения*...

Ныне русская интеллигенция или задавлена и обессилена в стране, или извергнута из России, или погублена революционерами. Не в суде над нею дело; хотя каждый из нас всегда призван к суду над самим собою. Не обвинять нам надо друг друга, хотя прозреть и обновиться сможет лишь тот, кто сумеет найти и свою собственную вину в событиях. Мы не ищем «обвинения»; но мы не можем замалчивать правду, ибо правда необходима сейчас России, как свет и воздух...

Зоркий и честный диагноз есть первая основа лечения. Но этот диагноз должен быть не клеймящий, а объясняющий. И те, кто ныне особенно склонны к клейму и злопыхательству, пусть помнят, во-первых, что они *сами* пребывают на скамье подсудимых; во-вторых, что умственные и духовные течения слагаются медленно и бывают устойчивы, как психоз, так что не подчиняться им и плыть против течения могут только *исключительно сильные натуры*; и в-третьих, что ныне нам дан *новый исторический опыт*, которого не имели наши отцы. Отвергать людей надо не за их прошлые неудачи или заблуждения, а за их нынешнее злостное нежелание прозреть...

Я говорю совсем не об «отцах» и «детях». И перед революцией были мудрые и сильные отцы; они имеются у нас и теперь, – это наш кладезь государственного опыта, залог и гарантия того, что мы идем по верному пути. А молодежь и перед революцией вопила, что она «понимает все лучше отцов»; и вот – довопилась... Только ослепленные и одержимые не мудреют с годами; только гению дается сразу, от молодых ногтей, семь пядей во лбу. И всегда так было, и всегда так будет, что юная самоуверенность чревата бедою.

Итак, я говорю совсем не об «отцах» и «детях»...

Да, одна из причин революции – в настроении ума и в направлении воли русской интеллигенции. Вся беда в том, что русская интеллигенция *неверно поняла свое предназначение и свою задачу* в жизни России, и потому *не нашла своего органического места и не делала своего органического дела* в стране. Мы говорим не о служивом, военном и гражданском кадре, который всегда был богат сильными и верными людьми, а о партийных (левых и правых) «политиках» и о заражавшейся от них обывательской массе. *Эта* интеллигенция делала обратно своему призванию и не только не строила здоровый дух русской государственности, но вкладывала свои усилия и свой пафос в его разложение. Отсюда ее органическое бессилие в час испытания и беды, ее растерянность, ее поражение и крушение.

В час испытания и беды, в час изнеможения, уныния и соблазна масса простого русского народа пошла *не за русской интеллигенцией*, а за *международной полуинтеллигенцией*; пошла не спасать Россию, а губить ее; пошла не к национально-государственной цели, а к частному обогащению; изменила русской и православной идее и предалась нелепой и кощунственной химере. Это есть исторический факт, которого нельзя вытравить из истории России, но который наше поколение обязано осмыслить до конца; осмыслить и сделать из него *волевые выводы* для будущего...

Этот неоспоримый исторический факт есть сам по себе *приговор*. Совсем не потому, что простой народ будто бы «всегда и во всем прав», или – что дело интеллигенции только прислушиваться к его желаниям и угождать ему; все это лживые и льстивые, растленные слова, извращающие дело в самом корне; но потому, что задача интеллигенции состоит именно в том, чтобы *вести* свой народ за *национальной идеей* и к *государственной цели*; и образованный слой, неспособный к этому, всегда будет исторически приговорен и свергнут. Но при этом интеллигенция не смеет слагать с себя вину и возлагать ее на простой народ. Ибо если народ «темен» – то это не *его* «вина», это творческая, но еще не разрешенная задача национальной интеллигенции; и если в народе живут и вскипают дурные страсти, то к облагораживанию и направлению их и призван национальный образованный слой. Воспитатель, жалующийся на своего воспитанника, должен начать с самого себя; да и не русскому интеллигенту, хотя в раздражении и растерянности, поносить добрую, терпеливую и даровитую душу русского простого человека...

Если масса простого русского народа пошла не за своим национальным образованным слоем, а за чужеродными, интернациональными авантюристами, то причину этого русская интеллигенция должна искать прежде всего *в себе самой*. Это значит, что *она* не была на высоте и не справилась со своей задачей. Пусть левые и правые партии взаимно обвиняют теперь друг друга; пусть они спорят о том, кто погубил больного, – эконом-управитель, заставлявший его перенапрягаться в работе при дурном питании, или недоучка-фельдшер, отравлявший его ядами и заражавший его бактериями. Нам, ищущим правды и верных решений для будущего, надо установить, что *обе* стороны шли по ложным путям, *обе* велик погубили; и что впредь необходимо делать обратное в *обоих* отношениях.

Русская интеллигенция не справилась со своей задачей и довела дело до революции потому, что она была *беспочвенна и лишена государственного смысла и воли*.

Эта беспочвенность была одновременно и *социальной*, и *духовной*: интеллигенция не имела здоровых и глубоких корней в русской народной толще, но она не имела их потому, что ей *ничего было сказать* русскому простонародью такого, что могло бы зажечь его сердце, увлечь его волю, озарить и покорить его разум. Русская интеллигенция в своей основной массе была религиозно мертва, национально-патриотически холодна и государственно бездейна. Ее «просвещенный» рассудок, вольтериански опустошавшийся и материалистически отравлявшийся в течение нескольких поколений, тянул к отвлеченному доктринерству и отвращался от религии; он разучился видеть Бога, он не умел находить Божественное в мире и именно потому он *перестал видеть Божественное в своей родине, в России*. Россия стала для русской интеллигенции нагромождением случайностей, народов и войн; она перестала быть для нее историческою *национальною молитвою*, или *живым домом Божиим*. Отсюда это угасание национального самочувствия, эта патриотическая холодность, это извращение и оскудение государственного чувства и все связанные с этим последствия – интернационализм, социализм, революционность и пораженчество. *Русская интеллигенция перестала верить в Россию*; она перестала видеть Россию в Божием луче. Россию, мученически выстрадавшую свою духовную самобытность; она перестала слышать священные глаголы России, ее священное пение в веках. Россия перестала быть для нее религиозною проблемою, *религиозно-волевым заданием*. Кого же она могла воспитывать и куда она

могла вести? Утратив веру и Бога, она утратила *священный смысл своей родины*, а вместе с тем и самую родину в ее истинном и великом значении; от этого ее государственное понимание стало пустым, плоским и безыдейным. Она утратила *религиозный смысл государственного строительства* и тем в корне извратила свое правосознание. Ее душа стала духовно беспочвенною.

Но именно отсюда возникло ее беспочвенное положение в пределах ее собственного народа.

От Бога и от природы русский народ одарен глубоким религиозным чувством и могучим политическим инстинктом. Богатства его духовных недр могут сравниться только с богатствами его внешней природы. Но эти духовные богатства его остаются подспудными, нераскрытыми, как бы неподнятою и незасеянною целиною. На протяжении веков Русь творилась и строилась *инстинктом*, во всей его бессознательности, неоформленности и, главное, удобосовратимости. Страсть, не закрепленная силою характера, всегда способна всколыхнуться, замутиться, соблазниться и рвануться на ложные пути. И спасти ее только и может, по глубокому слову патриарха Гермогена, «неподвижное стояние» в правде народных вождей.

Русский народ, по заряду данных ему страстей и талантов и по неукрепленности своего характера, всегда нуждался в сильных и верных вождях, религиозно почвенных, зорких и авторитетных. Эту особенность свою он сам всегда смутно чувствовал и потому всегда искал себе сильных вождей, верил им, обожал их и гордился ими. В нем всегда жила потребность найти себе опору, предел, форму и успокоение в *сильной и благой воле* призванного к власти повелителя. Он всегда ценил сильную и твердую власть; он никогда не осуждал ее за строгость и требовательность; он всегда умел прощать ей *все*, если здоровая глубина политического инстинкта подсказывала ему, что за этими грозами стоит сильная патриотическая воля, что за этими суровыми понуждениями скрывается большая национально-государственная идея, что эти непосильные подати и сборы вызваны всенародною бедою или нуждою. *Нет* пределов самопожертвовательности и выносливости русского человека, если он чувствует, что его ведет сильная и вдохновенная патриотическая воля; и обратно – он никогда не шел и никогда не пойдет за безволием и пустословием, даже до презрения, до соблазна шархануться под власть волевого авантюриста.

Русская предреволюционная интеллигенция не имела за душою того, что могло пробудить и повести за собою этот здоровый государственный инстинкт простого народа. Лишенная в самой себе *духовной* почвы, она не могла приобрести и *общественно-политической* почвы в массах; оторвавшаяся от Бога, разучившаяся строить и поддерживать монархическое правосознание, применившаяся к классовым интересам и утратившая от этого национально-государственный смысл, – она *не имела великой национальной идеи*, способной зажигать сердца, заряжать волю и покорять умы; она не умела верно стоять, бодро идти и крепко вести; она *утратила доступ к святилищу народной совести и народного патриотизма*; и, суетясь на «политической» поверхности, она была способна только подрывать веру народа в спасительность монархии, правопорядка и частной собственности. Перед революцией у нас не было интеллигенции, способной к волевому воспитанию народа; у нас были только «обучавшие учителя», снабжавшие учеников «сведениями»; и наряду с этим – демагоги слева, успешно мобилизовавшие вокруг себя чернь для переворота, и демагоги справа, не умевшие сделать даже и этого.

То, что интеллигенция говорила простому народу, будило в нем не совесть, а бессовестность; не патриотическое единение, а дух раздора; не правосознание, а дух произвола; не чувство долга, а чувство жадности. И могло ли быть иначе, когда у интеллигенции не было *религиозного восприятия родины*, не было *национальной идеи*, не было *государственного смысла и воли*. Ключ к глубокому и здоровому инстинкту русского простого народа, ключ

к его *живому духу* – был потерян; а доступ к его низким, жадным и свирепым влечениям был открыт и легок.

Так случилось это, что *инстинкт национального самосохранения* иссяк в русской интеллигенции и потому она оказалась неспособною будить инстинкт национального самосохранения в русских массах и вести их за собою. Русский образованный слой глотал европейскую культуру, *не проверяя* ее выдумки и «открытия» – ни глубиною *религиозной, христианской совести*, ни глубиною *национального инстинкта самосохранения*. Умственные химеры и противоестественные утопии Запада пленяли его *беспочвенную* душу, не сдержанную спасительным внутренним упором здорового инстинкта, этого великого учителя в вопросах *жизненного реализма и политической целесообразности*; а слепое доверие к рассудку и освободившийся в безрелигиозной душе запас фанатизма – превращали эти утопии и химеры в какое-то *противоестественное и безбожное «евангелие»* для массы. И весь этот блуд и бред нуждался только в *воле*, чтобы возникла волевая одержимость большевицкой революции.

В таком состоянии русская интеллигенция *не могла вести русское дело, не могла строить Россию*.

Потеряв живое отношение к Богу, она исказила свое понимание христианства, сведя все к животной сентиментальности, к социализму и отрицанию национального начала. Этим она потеряла орган для русского дела, ибо *русское дело* есть сразу дело *религиозное, национальное и государственное*; и тот, кто упускает хотя бы одну из этих сторон, тот упускает все сразу.

Вместе с тем, следуя рассудку, материализму и западным теориям, она извратила свое понимание *человеческой природы и народной жизни*. Она как бы ослепла и оглохла для того, что говорит голос *инстинкта, голос органической целесообразности, голос духа, голос личности, голос национальности*. Все распалось для нее на механические составные части и на механические законы. Тайна живого, органического *единения и творчества* ушла от нее, стала ей недоступна: народ распался для нее на своекорыстные «атомы» и «классы», на «угнетателей» и «угнетенных»; и смысл великой, национальной, органической и духовной совокупности, строившей себя в веках и именуемой *Россией* – стал для нее мертвым звуком...

Так случилось это, что русская интеллигенция инстинктом и разумением своим *отделилась* от русского простого народа и *сознательно противопоставила* себя ему. Она перестала чувствовать его – *своим* народом, а себя – *его* интеллигенцией. Она перестала ощущать свое единое с ним национальное *мы*; она разучилась видеть в себе национально-волевой орган единого русского народа, призванный воспитывать и обязанный вести; она сама себя измерила и оценила плоским мерилom социалистической морали и, измерив, осудила; она уверовала в *физический труд* и потеряла веру в святыню *духовного творчества*; и, почувствовав свою мнимую «вину» перед простым народом, пошла «вещать» ему трупную «мудрость» безбожия и социализма. Она понесла ему начала духовного тлена и разложения, религию раздора и мести, химеру равенства и социализма. И весь этот бред и блуд ждал только сильной воли для того, чтобы большевицкая революция завладела страной...

Сущность русской революции состоит в том, что *русская интеллигенция выдала свой народ на духовное растление, а народ выдал свою интеллигенцию на поругание и растерзание*. И конец революции придет тогда, когда русская интеллигенция и русский народ *возродят* в себе *верную глубину религиозно-национального инстинкта и воссоединятся*; когда интеллигенция докажет, что она не только не изменила волю *национальной идеи*, но что она *умеет умирать* за нее и за *национальную власть*; а народ убедится в том, что интеллигенция *необходима* ему именно как *носительница национальной идеи*, как *строительница здоровой и великой национальной государственности*.

Видим и верим, что час этот близится. Верим и знаем, что кончены духовные блуждания русской интеллигенции; что ей предстоят впереди волевые свершения и духовные достижения: ибо великий народ велик прежде всего в своих вождях и творцах. В *беззаветной любви к национальной России* найдут друг друга русские люди; по этой любви они узнают друг друга и восстановят свое доверие и единство...

Редактор

Лицом к России!

Тяжелые, долгие годы, прожитые в томительном ожидании, – не прошли без внутренней пользы для русской эмиграции, и постоянные разочарования, после неоднократных надежд на избавление России от большевизма при помощи иностранного оружия, открыли ей глаза на самую сущность и на глубокое значение происходящего в России процесса. Эмиграция все более и более отдает себе отчет в том, что лишь великая духовная сила, *духовное возрождение самого русского народа* в состоянии *обеспечить исцеление России и восстановить ее национальную мощь...*

Зарубежная Россия ежегодно празднует день русской культуры; это ее светлый праздник на чужбине. Она хорошо знает, что в этой области ей необходимо духовное единение, необходима связь с Россией прошлого и Россией будущего, с *вечной Россией*. И во всех странах своего временного пребывания русская эмиграция связала этот день духовного сосредоточения, день, когда обновляется клятва верности России, – с именем великого русского поэта; ибо в творениях Пушкина она находит ту спасительную силу, которую она всей душою ищет: *гордый, созидательный, верующий патриотизм*. Под сень его утешительной и бодрящей силы приходит вся зарубежная Русь – без различия ее политических программ и разделений. Здесь выше поднимаются сердца, ярче горит надежда. Злоба дня отходит от нас, и мы восходим на должную высоту.

На тот же самый путь *веры в созидательную силу гения русского народа* нам следует вступить и в области политической. Русская эмиграция должна спокойно и уверенно вернуться лицом к России, и «платформа» ее должна стать выше всяких партийных комбинаций. Наше политическое умонастроение должно всецело исходить из *веры в гений Русского народа (Пушкинский патриотизм)*; из непоколебимой веры в то, что под ударами судьбы и в итоге испытаний в сердце и в уме великого народа происходит эволюция чувства и понимания, ведущая к национальному подъему, к свержению большевицкого ига *усилием самого народа и к рождению Нации в полном смысле этого слова*. Верна лишь одна ставка: *на свой собственный народ, на Россию!*

Мы уже в состоянии проследить, как борется и побеждает Гений русского народа, пока в оборонительной борьбе. Наступление большевиков на религию отбито; хотя борьба с вершиною церковной организации еще продолжается. Но вера уже углубилась, стала более правдивой, непосредственной, прямой. Поход против семьи также окончился поражением. И здесь восторжествовала охранительная сила... В области народного хозяйства крестьянин после многих весьма ощутительных предметных уроков понял, что простое владение землей само по себе не предрешает вопроса его благополучия; что для этого необходимо наличие известных общих благоприятных условий. На живом опыте он постиг *смысл права собственности*, необходимость *твердых законов* и сильной *национальной власти*, которая была бы в состоянии всесторонне обеспечить ему этот основной порядок вещей, значение и необходимость которого он уразумел на пути переживания последних лет. Но вопросы религии, семьи и собственности суть лишь разные стороны единого жизненного опыта, который действует на все извилины народной души и постепенно объединяет все народные элементы России в общей ненависти к нынешним ее работодателям.

Даже рабочий класс, бывшая «гвардия октябрьской революции», начинает отдавать себе отчет в безвыходности нынешнего положения вещей, в духовной скудости революционных вождей и в невозможности для советского правительства обеспечить рабочим достаточный заработок или хотя бы простую возможность работы. В армии с каждым приходом новобранцев усиливается идейная связь с деревней, все сгущается и все ярче отражается неприязнь к советской власти. С другой стороны, память героических усилий, проявленных при защите родной земли от иностранного нашествия, это *чувство патриотической гордости*, которым большевицкая власть так долго и успешно пользовалась для того, чтобы самой укрепиться в седле, – теперь уже наполняет армию драгоценным сознанием ответственности за судьбу России. Это уже *идея служения Родине*, национальная идея; и тот факт, что армия пока еще служит под красными знаменами, не меняет существа дела. В ней с каждым днем усиливается жажда увидеть во главе России более *достойное* правительство, – в ней растет *требование качества*. Каждое поражение советской власти в области иностранной политики – ощущается в армии особенно болезненно, как национальное оскорбление, ответственность за которое естественно и всецело возлагается на советское правительство. С каждым новым ударом по этому чувствительному месту крепнут в армии элементы решимости, действенности и качества, и мы с уверенностью можем предвидеть, что в решительный момент вооруженная сила страны будет стоять на стороне народа против его угнетателей, и притом не только из чувства презрения и ненависти к врагу религии, семьи и собственности, но и благодаря окрепшему в ней здоровому национальному самочувствию.

Захватчикам в Кремле все это, в общем, хорошо известно, но они также сознают свое бессилие изменить это настроение в массе, а затем и ход событий – в свою пользу. Они пришли к *концу комбинационных возможностей*. Их внутренняя творческая слабость перед всеми вскрыта, так же как и безнадежность их принципиальных и личных споров между собою. Страх перед грядущей расплатой и неразборчивость в средствах борьбы спаивает их еще, но агония их владычества близится; и всем в стране это ясно. Массы народа знает, что будущее принадлежит ей, – будущее обеспеченности и прогрессирующего благополучия. В советской власти она видит единственное препятствие на пути к настоящей «обетованной» земле, ко всем тем великим, манящим возможностям, которые открылись перед ее глазами и к которым она теперь тянется всеми своими фибрами. Страшное землетрясение, прошедшее по России, расшевелило ее до самой глубины, пробудило и раскачало русский народ. Жизнь, несмотря на лишения и тяжелые испытания, стала для него захватывающе интересною; и нет тех фокусов и обещаний, нет той силы, которая могла бы теперь еще затемнить его сознание или парализовать его неорганизованный, правда, и медленный напор. Он чувствует и видит, как его силы растут и как нажим врага слабеет. Он уверен в своей победе.

В этой великой борьбе Россия может рассчитывать *только на свои собственные* духовные и физические возможности. *Европа ныне не располагает теми духовными силами, которые, безусловно, необходимы для волевого и активного вмешательства иностранного мира* в процесс внутренних переживаний и событий в России. Поддавшись соблазну наживы, приветствуя в близоруком расчете политическое ослабление России, большинство европейских стран и правительств *капитулировало перед большевизмом*. Правительства и народы, вступив по собственному выбору на путь «признания большевиков» и советской власти, тем самым *отказались от основных принципов*, на которых покоится и выросла *вся истинная культура*, все человеческое достоинство. Отсюда происходит общий недуг нашего времени, наблюдаемый в большинстве европейских стран, а именно – *состояние расслабленности и растерянности, духовное оскудение и несостоятельность*. Такое патологическое явление в области народной нравственности парализует и даже исключает всякую последовательную, сознательную государственную деятельность. И даже в тех случаях,

когда правительства, убедившись на горьком опыте в том, что признание советской власти приносит им лишь ущерб и потери всякого рода вместо ожидаемых выгод, порывают формальные узы признания, – такой шаг сам по себе еще не может помочь. Путаница в основных понятиях уже слишком далеко распространилась. Позднее стремление к исправлению допущенного промаха, конечно, не в состоянии пополнить нравственное оскудение – без глубокого раскаяния, без *нового духовно-обновляющего течения*.

В противоположность такому состоянию расслабления в России, благодаря тягчайшим испытаниям, медленно, но неуклонно начало слагаться и будет крепнуть обратное явление: *состояние повышенного самочувствия у перестрадавшего и одолевшего народа*, процесс духовного *обогащения* и чувство духовной состоятельности. В нем верный залог будущей духовной последовательности, созидательной силы и предстоящего государственного возрождения России *усилиями самого русского народа*. В последнем итоге – *это предметный урок космических размеров*, который учит первенству духовного начала и обещает ему победу над материализмом. В этом смысле *великий русский вопрос лежит в корне всех главнейших мировых сплетений переживаемого времени*...

Русская эмиграция должна понять всю глубину, все значение и все необходимые последствия этого противопоставления и найти в себе *абсолютную веру в творческий гений русского народа и в предстоящее воскресение России*. Только на этом пути она соединится духовно и даже органически с внутренней Россией в одно неразрывное целое, несмотря на временные условия географической отдаленности. Только так зарубежная Россия безошибочно сольется душою с настроениями борющегося русского народа, сможет действительно участвовать в его переживаниях и разделять его стремления. Тогда возникнет уверенность в благоприятном и единственно достойном разрешении важнейшего вопроса: чтобы в час освобождения Россия внутренняя и Россия зарубежная понимали друг друга, говорили на одном языке, были духовно объединены. Историческая задача зарубежной России – быть готовой к этому моменту; иначе она окажется, несмотря на все свои ценные качества, частью, *отпавшей* от своего живого организма⁸⁸. И именно элемент качества, которым так богата эмиграция, должен облегчить ей понимание внутренней русской динамики и предостеречь ее от всякого малодушия и колебания, за которое ей в будущем может стать стыдно перед лицом русской истории.

На этом основном идейном лозунге, – раз живая вера стала главной движущей силой, – должна открыто объединиться вся национально и патриотически чувствующая зарубежная Россия, несмотря на политическое разномыслие в ее среде. Только так она приобретет действительное значение и ценность в своей совокупности – и по отношению к внутренней России, и *в глазах иностранного мира*.

Программы политические, более узкие, партийные, – непригодны при данных условиях, ибо они все в той или другой мере предрешают извне такие вопросы, разрешение которых будет зависеть от пожеланий самой освободившейся и воссоединившейся России, сбросившей большевицкое иго собственными духовными и физическими усилиями. Россия со дня своего воскресения будет сознавать за собою неоспоримое право и неотъемлемую возможность установления у себя таких условий, которые для нее явятся вернейшим залогом наиболее надежного ограждения ее духовных ценностей, которые она познала и приобрела путем долгих страданий и испытаний под большевицким засилием.

Все имеющиеся между зарубежной и внутренней Россией связи должно всемерно развивать и использовать к тому, чтобы внутри России знали, что патриотическая эмиграция

⁸⁸ Каноническое объединение Русской Православной Церкви Московского патриархата и Русской Зарубежной Церкви произошло 17 мая 2007 г. в праздник Вознесения Господня. Тем самым жизнь подтвердила верность этих предвидений и предсказаний.

живет со своими страдающими в России братьями единой мыслью, единым порывом и главное – единой, абсолютной верой в грядущее воскресение и величие Родины; чтобы в России знали, что несмотря на все наше нетерпение и всю горечь пережитого мы на чужбине поняли, что основная динамическая сила, необходимая для освобождения России от большевицкого ига, набирается в самой России русским народом для непреходящей его славы, и что мы, *всемерно усиливаясь помочь ему* в его борьбе, сами не переоцениваем ни нашей роли, ни наших заслуг.

Мы уверены в том, что именно такова в общем и целом основа грядущего всероссийского единения и воссоединения; что, пострадав до него, русский народ впредь будет вдумчиво и бережно обращаться с национальными ценностями своего духовного и материального достояния; и что на органическом фундаменте своего *великого прошлого* он будет строить свое *великое будущее* совместную дружную работу всех верных сынов России, где бы они теперь ни находились.

Г. Г. Бах⁸⁹

Кризис современного искусства

*Постойте! Наперед узнайте, чем душа У вас исполнена –
прямым ли вдохновеньем, Иль необузданным одним поползновеньем...*
А. С. Пушкин

Мечты людей, как сны больного, дики.
Ф. И. Тютчев

Современное искусство переживает глубокий и длительный кризис. Разложились его подпочвенные основы; замутились его источники; оскудел его дух. Оно перестало быть источником жизненного воздуха и света. Оно не может уже ни строить душу, ни вести ее. Оно уже не призвано к духовной власти; и если оно проявляет еще какую-нибудь силу, то это есть сила падения и распада, сила бродящего гниения и обсыпания, сила темной магии и гибели. Поколению, ищущему духовного подъема, расцвета и созидания – это искусство не может ничего сказать, ибо это искусство движется вниз, по линии наименьшего сопротивления, в бездну. Творческое поколение отвергнет его, и найдет себе, и создаст себе иное искусство, *магическое по благодати*, строящее дух и ведущее душу.

Есть в человеке безмолвная, темная глубина – таинственное жилище его *инстинкта и его страстей*. Там нет слов и мыслей; и произвол дневного сознания там не властен. Именно там укрываются первоначальные, стихийные *силы* человека, жаждущие простора, но непризванные к власти; и именно там зарождаются и отстаиваются основные *содержания* человеческой жизни в виде бесформенных глыб и неопределимых, безграничных помыслов. Беспомощно терпя, томясь и страдая, носит человек в своем бессознательном эти силы и вынашивает эти содержания, смутно ощущая в себе их присутствие, но не зная, как к ним подступиться и что с ними начать, не умея их очистить, оформить, взрастить и одухотворить... – и именно поэтому слишком часто сам становясь их слепым орудием и жертвою. Безвластный и неумелый перед ними, человек сам подпадает их власти и вовлекается ими в их самовольные вихри и бури. И только *искусство* может помочь ему в этой беде, ибо оно создает творческий исход для этих *содержаний*, рождая их из глубины, прожигая их зрелым духом и облекая их в верную форму; и только *религия* может окончательно вывести человека

⁸⁹ Бах Генрих Генрихович (1881–?) – чиновник российского МИДа, делегат на Зарубежном съезде от бывших служащих МИДа, проживавших во Франции.

из этой беспомощности и этого рабства, вручая ему через *молитву* подлинную и благодатную власть над этими *силами*.

В последнем и глубоком измерении искусство и религия делают единое и главное дело: дело *одухотворения бессознательного*, дело его обращения к Божественному, дело его *преображения*. Но религия не останавливается подобно искусству на извлечении и одухотворении отдельных, бременящих душу содержаний; и воплощение их в звуке, в слове, в жесте и в материи не составляет ее высшей задачи; нет, религия ищет завладеть самыми *истоками* бессознательной жизни, ее *первоначальнейшими силами* и им придать благодатную одухотворенность; она прямо и непосредственно вызывает к *духовному естеству человеческого инстинкта* и стремится увести его на новые пути жизни. И если религии это не удастся, если инстинкт и его страстные порывы перестают отзываться на религиозные зовы, образы и знаки (молитвы, догматы и обряды), если бессознательное упорно утверждает себя в безбожии и противодуховности, – тогда наступает религиозный кризис в истории человечества; тогда жизнь людей постепенно, но неизбежно вырождается вся, сверху донизу, и в этом процессе всегда, рано или поздно, обнаруживается *бессилие одинокого безрелигиозного искусства*: вслед за религиозностью и оно вступает в период кризиса и разложения. Ибо из религиозно мертвенных и безбожных недр бессознательного никогда еще не возникало и никогда не возникнет истинное, художественное искусство.

Именно в такой период вступило европейское искусство во второй половине девятнадцатого века и атмосфера этого кризиса и разложения захватила и русское искусство (преимущественно поэзию и музыку) четверть века тому назад.

Может ли и могло ли быть иначе, если давно уже скудеет, мутится и разлагается *бессознательная духовность* в современном человеке?... – Напрасно думать, что *духовность* есть нечто *сознательное*; нет, глубочайшие и драгоценнейшие истоки духовности лежат глубоко в бессознательном; и горе человеку, в котором воспитатель не сумел оживить эти источники, очистить их и укрепить! Живая духовность есть *чувство священного и любовь к Божественному*. И если это чувство и эта любовь мертвенно молчат в иррациональной глубине души, то человек никогда не испытает ни веры, ни молитвы, ни очевидности, ни убеждения, ни совести, ни чести, ни патриотизма, ни дух захватывающей радости от восприятия художественной красоты... Он останется за пределами художественного, мимоидущим слепцом; он не воспримет его и не создаст его сам. А то, что он создаст, будет жалкой и растленной пародией на искусство...

Искусство рождается в глубине бессознательного, там, где сам человек теряет грани своей личности, уходя в темень первозданного инстинкта, в таинственное жилище своих страстей. И если это жилище не прожжено молнией духа; и если поток инстинкта течет одними черными, духовно не сверкающими водами, – тогда рождается не художественное, а больное искусство. Ибо *страсти без духа не зиждательны, а разрушительны*; и содержания их, по самому их естеству, *враждебны* всем началам художественности.

Бездуховная страсть болеет своею собственной несытостью; она своекорыстна, необузданна, чувственна и извращенна. Она ищет наслаждения и бежит от напряжения, труда и муки творчества. Она не желает *восходить к зрелой художественности по линии наибольшего сопротивления*, но самодовольно и шумливо течет вниз, по линии наименьшего сопротивления. И в этом разнузданном и разнуздывающем потоке своем она смыывает и уносит из самого сознания – волю к художественности, дисциплинирующую энергию, героическую силу отбора и самокритики.

И вот, ее безгранные содержания перестают стремиться к зрелой форме и начинают чуждаться ее; ее страстные, бесформенные помыслы уже не желают знать ни меры, ни зиждущего ритма, ни цельности; закон им отвратителен; к органичности их не влечет;

к строительству они не способны; завершенность им недоступна. Дети хаоса, они тянут к вечному брожению и хаотическому распылению, – в бездну...

То «искусство», которое слагается на этом пути и выбрасывается из недр бездуховной души, – есть ничтожное, пошлое, *мнимое* искусство: это – пестрые и безвкусные, праздные обрывки несостоявшегося творения; это больные выкрики, несущиеся из разлагающегося бессознательного; это нечистые следы нечистого опьянения, – явные знаки духовного безволия, немощи и распущенности... И сквозь всю эту, обычно напыщенную и самодовольную, претенциозную смуту – лишь там и сям всплывают безо бразные обломки безо бразных замыслов: какие-то безначальные чудовища, бесстыдные уроды, неестественные выверты и противоестественные химеры, еще не родившиеся или полураздавленные слизняки...

Искусство это или скверный бред? Художественное творчество или растрепанность духа? Культура или гниение?

Не душевная ли болезнь?!

Вслушивались ли вы в то, о чем вопит и вскрикивает музыка Рихарда Штрауса, Скрябина и заразившихся от них «новаторов», куда она вас тянет и чем она вас заражает? Следили ли вы за тем, в какую духовную смуту, в какое религиозное растрепанность вели нас русские предреволюционные поэты, начиная от Блока, Белого, Вяч. Иванова и кончая постыдными именами современной советчины? Вдумывались ли вы в то мучительное разложение живописного образа, которое началось лет пятьдесят тому назад во Франции, которое достигло своего апогея в бреде Пикассо и медленно отравляло молодое поколение русских живописцев? Всмотривались ли вы в современные танцы, где человек выплясывает в ритмах негр-тянканской оргии безвольную растрепанность своего бессознательного? Что это все – искусство или гниение? Что делается в бессознательном у людей, которые *этому* предаются и *этим* наслаждаются? Какие судорожные и отвратительные, кошунственные и сатанинские гримасы вызывают они этим в себе? Не духовный ли это недуг и не душевная ли болезнь?

И то и другое...

Может быть, люди, творящие «современное» искусство, характерное для нашей эпохи, специфически дразнящее и пленяющее «современного» человека с его религиозной мертвотой, с его духовным худосочием, с его нервной развинченностью и чувственной возбужденностью, – может быть, люди, творящие это искусство («модернизм»), сами по себе, в обыденной жизни и не помешаны: и, может быть, их, как обывателей, и нет оснований лечить в доме умалишенных. Но как «творцы» «искусства», – они усвоили себе установку и уклад духовно недугующих и душевно больных людей: и «искусство», создаваемое ими, есть именно душевно больное искусство; и именно потому оно беспомощно бредит на языке больных страстей и бесцензурно извергает сырой материал бессознательного, самочинно поднявшийся кверху. Это есть искусство *помешанное, художественно сумасшедшее*, но выдающее себя за нормальное и терпимое проявление культуры; более того – за высшее и «пророческое» достижение. Но сумасшествие заразительно: больной или вывихнутый душевный механизм передается от человека к человеку на путях незаметного воспроизведения и произвольного подражания (напр., «нервные» подергивания, пляска св. Витта, или всенародное плясовое бешенство в средние века); и если сумасшедший обезвреживается именно диагнозом и изоляцией, – «это болезнь, это опасно, этого не надо воспроизводить!» – то наивно-доверчивое восприятие сумасшедшего искусства, как «замечательного» и «высшего» «художественного» «достижения», делало и делает его истинным орудием духовного разложения. Это искусство *духовно растрепанное* и потому *растрепывающее*...

Выветрилась религиозность и оскудела духовность в бессознательной глубине современного человека. И потому в творчестве его обессилело и исчезло *вдохновение*. Но люди продолжают нуждаться в искусстве и «делать» его. А вдохновения нет; и вот место его зани-

мается или нечистым опьянением, создающим помешанное «искусство», или рассудочную выдумкою, создающею мертвое, трупное «искусство». Вот почему, когда «современное» «искусство» *насыщено*, то оно насыщено больною нечистью, тою самою нечистью, которая в политике создала *большевизм*; а когда оно *пусто* – то эта пустота проникнута запахом тления и гнили, явным свидетельством того творческого бессилия, над которым так легко торжествует мировая смута. Это уже не *язык озарения и богов*, но или язык не стыдящейся животности, или язык произвольно изобретающего и безвдохновенно выдумывающего рас-судка; или вопли и судороги больных страстей, или пустой треск изощренной и сознательно, нарочно бьющей на эффект выдумки.

«Современное» «искусство» перестало быть служением и притом *священно-службе-нием*; оно стало забавою, созданною для возбуждения и раздражения, – не то развратною потехою, не то беспринципным промыслом. Оно творится и расцветает в атмосфере *художественной бессовестности* и *духовной безответственности*: здесь *все позволено*, что тешит насытую страстность или извращенный каприз автора; здесь все допускается, что может ослепить, раздражить, развлечь пресыщенную публику...

В этой атмосфере беспредметного «дерзания» и беспринципной вседозволенности (подлинная стихия мировой смуты!) – слабеет и угасает великое начало *художественного Вкуса*. Не того «вкуса», который присущ каждому обывателю, когда он для себя безапелляционно решает вопрос о том, что ему сегодня, сейчас и здесь нравится, и что ему вдруг почему-то разонравилось... Но того Вкуса, который равносильен в искусстве голосу *совести*; который *ответственно* ищет *совершенного*, и именно потому *властно* отмечает случайное и несовершенное, как бы «приятно», льстиво и эффектно оно ни было; того Вкуса, который ищет во что бы то ни стало *точного и прекрасного воплощения для духовно значительной темы*; который есть сам по себе *явление живой религиозности* в человеке; который, как властелин, стоит на страже поднимающихся снизу воспарений, отдаваясь одним и отсылая другие назад в темную глубину...

Этот Вкус есть сам по себе и трибунал бессознательной духовности, и религиозное вдохновение, и напряженно-требовательная воля, и творчески выбирающая цензура, и понуждающая сила, и художественная прозорливость, и чувство прекрасного. И если он есть *воля*, – то воля к духовной значительности создаваемого творения, к его органическому единству, к его естественности и художественной законченности. И если *трибунал* – то это тот самый трибунал, перед лицом которого чувствовал себя двадцатичетырехлетний Пушкин, когда он, негодуя отворачивая грубую поправку цензора, восклицал: так «*я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать!*»...

Где эта совесть у современных «искусителей» и «искусников»? Где эта верность художественному долгу, это острое чувство своей художественной *власти и ее пределов*, это сознание того, что эстетически-несовершенное – *преступно* перед голосом некоего судии?! Так, художественный гений – есть сразу подсудимый и судия, «всех строже» умеющий ценить свой труд... И его творчество есть *служение*; а его служение есть «священная жертва» зовущему Богу... И именно поэтому его искусство не знает ни личной похоти, ни холодно кощунственной выдумки... Где это все в «искусстве» модернизма?..

Кризис «современного» «искусства» состоит в том, что *оно утратило доступ к главным, священным содержаниям жизни и погасило в себе художественную совесть*. О главном, о священном, о мудром – современному искусству *ничего сказать*; ибо те, кто его «творят», – не испытывают, не воспринимают, не видят этого Главного. Но именно поэтому «современное» «искусство» – или просто удовлетворяется ничтожным и пошлым (модернистическая живопись, французские романы, поэзия Северянина, беллетристика Белого, новая архитектура южногерманских городов, подавляющее большинство кинематографических пьес, музыка Стравинского и Прокофьева), или же пытается выдать свои создания за какие-

то высшие «пророческие» прозрения и достижения, по-хлыстовски смешивая блуд и религию (поэзия Блока и Иванова, «экстазы» и «мистерии» Скрябина и другое). Читая это, слушая это, видя это – нельзя не испытывать чувства стыда и тоски: мучительно стыдно, что они не стыдятся «творить» *так и такое*, что они *сознательно и открыто не постеснялись погасить в искусстве тот священный трибунал Духа и Вкуса*, который в душе помешанного угасает невольно, катастрофически, вследствие напора безвыходно кипящих страстей...

Поистине большевицкая революция осуществила в имущественных, государственных и общекультурных отношениях именно то самое *упоение вседозволенностью*, именно тот самый *бред страстей и похоти*, именно ту самую *идеализацию греха*, именно то самое *разнуздание инстинкта*, которое в искусстве осуществляло у нас это предреволюционное поколение «модернистов». И большевицкое искусство, начиная от Мейерхольда и кончая Шершеневичем и Маяковским, – только довершило по-своему все это разложение и проявило этот кризис с вызывающим бесстыдством сущего помешательства.

Быть может, весь этот разлив предреволюционного модернизма, действительно «пророчески» предвосхищавшего грядущее всеобщее революционное разложение страны, не достиг бы такого размера и глубины, если бы у нас стояла на высоте художественная критика. Но художественная критика или отсутствовала, или страдала тою же духовною слепотою и тем же извращением вкуса: не было мужественных прозорливцев, не было сильных и глубоких судей, которые вскрыли бы этот недуг, разоблачили бы его опасную и гибельную сущность, пригвоздили бы всю нецензурность и соблазнительность этого мнимого, этого помешанного «искусства». И понятно, что слепота или потакание профессиональной критики оставляла в беспомощности или повергала в прямой соблазн читающего и слушающего обывателя. В искусстве царил своего рода *психоз безвкусия, извращения и претенциозности*; и этот психоз, *предвыявляя ближайшие судьбы России*, распространялся беспрепятственно, постепенно приучая людей не поддерживать своего духовного хребта и не дорожить им, предаваться всем соблазнам, принимать всерьез все свои капризы и выверты и, осыпаясь в бездну по линии наименьшего сопротивления, наслаждаться этой «художественной» *психостенией*, т. е. душевным расслаблением...

Всякое произведение искусства – *указывает людям известный путь*; оно *ведет и учит*. Так обстоит всегда, независимо от того, хотел сам художник кого-то «вести» и чему-то «учить» или не хотел; и это «учение» и «водительство» обычно осуществляется тем вернее и проникает тем глубже, чем меньше оно входило в *намерения* художника, чем меньше нарочитости и тенденциозности, чем больше самозабвенности и непосредственности отразилось в самом произведении. Изобразил ли автор *прозрачность и покой* или *тревогу и смятение*; пропел ли он о *целомудрии и любви* или об *утрате и скорби* – он *вдвинул* этим в душу зрителя и слушателя, в его воображение, в его чувство, в его внутренний опыт вместе со словами, о бразами и звуками – и самый *предмет* свой (покой, или смятение, или целомудрие, или скорбь). Он как бы влил их в его душу, приобщил ее к ним, заставил ее зажить ими; он как бы *научил* душу *стать* прозрачной или смятенной, он как бы *повел* ее к утрате и скорби. Чем художественнее произведение, тем больше его покоряющая и заражающая, его *ведущая и учительная власть*. И понятно, что духовно значительное искусство *воспитывает* человека и *строит* его дух, а духовно ничтожное и растленное искусство – *развращает* человека и *разлагает* его дух, и притом тем более, чем угодливее и льстивее, чем эффектнее и «опьянительнее» его проявления...

По сказанию древних греков, музыка Орфея была так прекрасна и гармонична, она обладала такую магическою и зиждущею силою, что от звуков ее сами собою сложились стены его города. Истинное искусство всегда подобно музыке Орфея: ибо ему присуща магическая и благодатная сила, *строящая дух*, а не разлагающая его. Художественное искусство, заслуживающее своего имени, есть нечто *от* духа и *для* духа: а дух имеет свой лик,

свои грани и стены, свои законы и ритмы, свои требования, свою силу и свою мудрость. Пока человек будет скитаться по земле, любить и страдать, трудиться и бороться, он будет закреплять в искусстве тайные мечты и прозрения своего сердца и искать в художественных образах – *радости, целения и умудрения*. Но только *духовная* мечта будет давать ему радость и целение, и только *духовное* прозрение будет его целить и умудрять. Ибо бездуховное и противодуховное искусство сеет лишь соблазн, расслабление и заразу. И когда мы видим ныне, как пали на наших глазах градские стены русского духа, как исказился лик России, как извратились законы и ритмы ее жизни, – мы должны видеть и разуметь, что произошло это от разложения и расслабления в нас бессознательной духовности.

Русский художественный гений не угасал и не переставал творить за эти годы пред-революционной и революционной смуты. С нами вместе, и здесь, в зарубежье, и там, в подъяремьи, – он продолжал жить, страдать и творить на всех путях и языках искусства. Но слышим ли мы его? Узнаем ли мы его? Научились ли мы отличать художественное от гни-лостного, великое от пошлого, целительное от погибельного, мудрость от соблазна? Или нам нужны еще очистительные испытания и страдания?

Умудримся же и научимся! России нужен дух чистый и сильный, огненный и зоркий. *Пушкиным* определяется он в нашем великом искусстве; и *его* заветами Россия будет строиться и дальше.

И. А. Ильин

Вы наши братья! (Открытое письмо к оставшимся русским патриотам)⁹⁰

Мы не судим вас и не осуждаем. Мы знаем, какое бремя вы несете, и знаем, что история оценит ваши заслуги перед Россией. Вы любите родину, вы страдаете от ее разложения и унижения и служите ей; – с нас этого довольно, мы *верим вам*. *Вы наши братья!* И никто не поставил нас судьями, чтобы судить вас, наших братьев...

Историческая трагедия, разложившая и унизившая нашу родину, разлучила нас с вами и разметала нас по всему миру. Вы правы – нельзя было, не надо было *всем* покидать свое место, уходить на окраины или эмигрировать. Наивно думать, что все люди способны к активному героизму, к мечу, к заговору, к исповедничеству. Каждому свое дело; с каждого по способностям. И устаревший укор, обращенный к «оставшимся» («зачем не ушли»), относится к эпохе минувшей гражданской войны. Надо было *не только уходить*; надо было *оставаться*. И верьте, что мы научились ценить ваш пассивный героизм, реально, изо дня в день изживающий в лишениях и унижениях вынужденной террором лояльности – тот строй, который нам не удалось доселе сбросить.

Но поймите и вы нас. Не думайте о нас того, что внушают вам наши враги. Верьте нам так, как мы верим вам. И тогда нам будет легче переносить нашу жизнь среди чужих народов и легче будет бороться за Россию.

Да, нам не удалось доселе сбросить этот строй. *Но история еще движется, и время работает на Россию* и на нас. Мы не сложили руки; мы не забыли свой долг. Нас не 30 тысяч. Нас около миллиона. Мы разбросаны и рассеяны; мы в огромном большинстве нуждаемся, даже бедствуем, прокармливаемся с трудом и ведем чернорабочую жизнь. Среди нас есть и утомленные обыватели; есть и малодушные; есть и отдельные перебежчики; где и когда их не было? Но в общем и целом мы живем одним – Россией, ее освобождением, нашим грядущим возвращением и нашей будущей совместной с вами работой над ее воссозданием.

⁹⁰ Ответ на письмо «Прибывшего оттуда», см. «Русский Колокол» № 1.

Нам тяжело жить на чужбине. Труден заработок; трудно воспитывать детей; трудна и горька всяческая личная зависимость; но тяжелее всего и горше всего – *чувство нашего национального унижения* и сознание того, что именно *наши* поколения *не сумели уберечь Россию...*

Мы не «беженцы» и не «конченные люди»; мы не потеряли сердца и воли и не разложились духовно. Наше пребывание в эмиграции имеет *государственный и духовный смысл*, и мы сознаем это; оно *служит России*, и мы всегда это помним.

В своей борьбе с коммунистическим порабощением Россия нуждается в *свободном дыхании, в непорабощенных силах, в независимом голосе, в активном и инициативном зарубежном меньшинстве*. Россия нуждается в культурном, духовном и политическом *представительстве* среди других народов, которые должны иметь перед собою ее истинный национально-государственный лик и помнить о том, что «союз социалистических республик» *не есть Россия* и никогда ею не станет!

Мы блюдем здесь русскую веру, русский быт, русский дух, русский кадр. Мы растим и обучаем новое поколение верных и национально мыслящих русских патриотов. Мы сами многое передумали и во многом до глубины обновились. Мы уже не прежние, заносчивые и радикальные, интеллигенты, безверные и безнациональные, отравленные республиканством, социализмом и интернационализмом, – честолюбивые в личных делах и сентиментально-безвольные в государственных... Но мы также и не прежние жадные и озлобленные реакционеры, боящиеся за свое имущество и презирающие русский простой народ... Мы выше всего ставим *родину*, ее духовное величие и ее хозяйственный расцвет. Страданиями, верностью и служением мы искупаем свои ошибки. И за верность, и за служение – мы со своей стороны готовы забыть всем все прошлые ошибки и падения...

С кем бы мы ни соприкасались из иностранцев, мы считаем своею обязанностью разъяснять им сущность русской революции, ее противорелигиозную и разрушительную природу, ее духовную и хозяйственную противоестественность, ее заразительность, ее мировую опасность; и побуждать их к тому, чтобы они никак и ничем не содействовали поработителям России. Не думайте, что это дело легкое и спорое. В большинстве стран, как всегда после трудной войны, имеется утомление, безволие, политическая близорукость, узкий эгоизм и какая-то легкомысленная беспечность. Каждая страна ограждает *себя* и лишь с трудом понимает международную солидарность. И ни одна не заинтересована по-настоящему в возрождении России... Все признают нашу культуру... и почти все *опасаются нашей грядущей силы!*

Все это мы видим и понимаем. Но это вызывает в нас не уныние и не растерянность, а лишь более отчетливое, более острое сознание лежащих на нас обязанностей. Мы, русские, *должны помочь себе сами*; тогда нам помогут и другие. Мы знаем, что сильному часто помогают охотнее, чем слабому: ибо имущему дается, а у неимущего отнимается...

Но, понимая наш долг, мы понимаем и наши опасности. Их три.

Первая – отрыв от внутренней русской жизни: нам грозит неосведомленность, непонимание, утрата чувства реальности, оперирование с воображенными величинами. Мы постоянно помним эту опасность, боремся с нею и боремся *успешно*. Недаром наши экономические и политические анализы вызывают гнев коммунистов: эти анализы верны и точны, хотя мы упорно избегаем переписываться с теми, кто внутри России, и не пользуемся «экономическим шпионажем»...

Вторая опасность – это смешение России с ее советски-коммунистическим строем: из-за вражды к коммунистам мы не можем и не должны упускать из виду национальные, *вечные* интересы *самой России*. Для погубления ее врагов нельзя губить ее *собственную сущность и естество*; нельзя безоглядно усвоить принцип: «чем хуже, тем лучше», нельзя впадать в плоское и злорадное пораженчество. Напротив, ударяя по коммунистам, мы всегда

должны помнить и ограждать интерес нашей родины. Мы знаем эту опасность и, помня о ней, мы всегда проверяем свои суждения и решения.

И третья опасность наша – это озлобление и жажда мести, чувства, которые, казалось бы, могли бы быть столь естественными у всё потерявших изгнанников. Но и эта опасность *преодолена нами*. Испытания были слишком велики; крушение России было слишком трагично; любовь к родине и тоска по ней слишком глубоки в нас для того, чтобы в душах удержались мелкая злоба и мстительные намерения. Есть среди нас озлобленные; но они *одиноки*. Есть, может быть, и мстительные натуры: но эти люди *никого за собою не ведут и веса не имеют*. Мы, зарубежные русские патриоты, – *не живем злобою и о мести не мечтаем*.

Да, мы враги коммунизму и коммунистам; *враги до конца*. Между нами и ими не может быть ни компромисса, ни примирения. Ибо мы считаем весь замысел их и всю их деятельность – кощунственными, противоестественными и для России гибельными; мы считаем, что они во *всех* своих намерениях и планах приносят русский национальный, *всенародный* и *простонародный* интерес в жертву *темным и порочным целям враждебных нашей родине организаций*. История однажды раскроет корни этих организаций и назовет их по имени. А мы за эти десять лет измерили до дна их свирепую ненависть к России.

Но мы остро и зорко отличаем соблазнителя от соблазненного, свирепого вожака от доверчивого слепца, сильного злодея от слабого обывателя, интернационалиста от патриота. Мы хорошо знаем, *с кем мы боремся*; мы знаем, кто заслуживает непримиримости, кто – прощения, а кто – братского сострадания и уважения. Мы осведомлены больше, чем кто-нибудь думает. И если мы ведем нещадную борьбу с коммунистами, то всей некоммунистической России мы несем *мир, прощение личных обид, забвение личных потерь и искреннее, патриотическое братство: примирение и воссоединение*. Но и рядовых коммунистов нещадная борьба ждет лишь до тех пор, пока они будут отстаивать свою безумную и преступную затею, пока они не одумаются, не отрежутся и не вольются покаянно в русское национальное дело. В России есть место и будет место *всем* ее сынам – и обратившимся, и передумавшим, и научившимся в суровом опыте. Нет места только *ее врагам*; нет – и не будет.

Мы хотим вернуться в Россию не «революционерами» и не «контрреволюционерами»: а просто ее верными сынами, ее строителями и блюстителями. Мы не «революционеры», которые из честолюбия и вздорной химеры разрушают и разлагают страну; и от этого ожидают «всеобщего счастья». Но мы и не «контрреволюционеры», одержимые жадностью и злобою, которые только и думают о том, чтобы поставить все на старое место, восстановить разрушенное, взыскать убытки и отомстить всем бунтовавшим. Так рисуют нас коммунисты. Не верьте им! Это клевета, которая нужна им для того, чтобы напугать вас и разделить нас с вами. Нам дорога Россия, ее величие и ее расцвет, а не «старые порядки». Мы твердо знаем, что время уносит все безвозвратно; что история не повторяется; что замученные и умершие не встанут из гробов и что в России только и может быть *новый порядок*. Но пусть же он будет *лучшим и справедливым порядком*, который освобождает все благие силы народа и сковывает все его злые силы!..

Перед лицом нашей национальной трагедии, перед лицом нашего грядущего возрождения мы твердо и честно выговариваем: *ни сословные и классовые предрассудки, ни партийные пристрастия не владеют нами!* Россия нуждается не в новой гражданской войне и не в новом – имущественном переделе. Россия нуждается в том, чтобы возникла *новая национальная и патриотическая власть*, которая положила бы конец всяческому коммунизму и очистила бы страну от ее врагов и вредителей; которая покрыла бы всеобщей *амнистией* преступления и ошибки революционного времени; положила бы в основу новой России

начала *чести, справедливости, заслуги и собственности*; закрепила твердой рукой законный *порядок* и воссоздала бы духовное, хозяйственное и военное могущество нашей родины.

Это задача не «революционная» и не «контрреволюционная», это задача *органическая, строительная и национальная*. И ей мы хотим служить патриотически и за совесть. И во имя ее мы желаем свержения коммунистического ига.

Так мы судим и отвергаем коммунистов. Но мы не судим и не осуждаем никого из вас, оставшихся в России русских патриотов; мы знаем, к каким компромиссам мы были вынуждены, и горько скорбим о том, что *нам не удалось своевременно избавить вас от этих компромиссов*. Мы знаем, что вы были вынуждены стать в отношении «лояльности» к советской власти, не судим и не осуждаем вас и за это. Мало того, мы хотели бы, чтобы вы знали, что мы любим вас как братьев и страдальцев; и что мы мечтаем о нашей грядущей совместной с вами работе в России.

Одно важно: вы должны сами знать и помнить, что ваша лояльность – не добровольная, а вынужденная; вынужденная голодом, моральной пыткой и прямыми угрозами. За изъятие такой лояльности – нельзя судить и осуждать; но ей *нельзя придавать и связующего значения!* В последнем, религиозном и совестном измерении – она не имеет *ни веса, ни цены*. Она – нравственно и патриотически ничтожна! Она не связывает вас внутри, наедине с собою, перед лицом Божиим – *не верьте ей!* Подумайте только – ужели вы *пред Богом* обязались сочувствовать всем свирепостям, всем низостям, всем преступлениям коммунистов? ужели вы *пред совестью* вашей дали клятву содействовать распространению мировой заразы и духовного растрепания? ужели вы *патриотически* обязаны губить Россию во имя коммунистической химеры и всеобщего грабежа? Нет, нет! Слова и «служба» – одно; а *святилище сердца и совести* – другое.

Берегитесь же, чтобы звуки вынужденных слов *не оседали в вашем сердце*; чтобы формальная служба не превращалась в *служение*; чтобы советские «подписки» и «анкеты» не полонили незаметно ваше *чувство чести*, к которому они не имеют *никакого отношения!* Блюдите в вашей душе священную уверенность в том, что советское правительство никогда не станет *вашим, русским* правительством; что *его* интерес, противоположный интересу России, – никогда не станет *вашим за совесть*.

Мы знаем, сколь мучительна эта систематическая ложь и как опасно не выдержать ее, согнуться, привыкнуть и начать примиряться с властью сатаны. Но это бремя есть *необходимая часть того бремени, которое вы несете для России и за Россию*.

Раз пойдя на вынужденную ложь, помните, что это – *ложь*; *не верьте ей сами*. Помните: раз поверив ей – вы неизбежно поверите *всей* той сатанинской лжи, в которой ныне задыхается национальная Россия; и тогда ложь сатаны неизбежно поглотит вас. Несите это бремя *раздвоения личности*; и ищите укрепления и утешения в *религии*. История заставляет вас стать *непроницаемыми* по отношению к злодеям. Берегите эту непроницаемость; не бойтесь этой «неискренности»: *она служит России*. Пусть душа ваша будет безусловно прозрачна перед Богом и искренна со своей совестью; но пусть замкнется она от Божиих врагов. Помните: *спасти Россию смогут только не поверившие до конца!*

Крепитесь же до конца. Не удручайте себя бесплодными угрызениями и не затевайте неумелых и безнадежных заговоров. Да, для заговоров нужен особый *закал души*, особое *техническое умение, твердость воли и безошибочный расчет*. Для этого нужна особая *подготовка*. И это дело своевременно сделают те, кто к нему подготовился. А вы храните живую готовность поддержать сочувствием и хотя бы душевным откликом всякое благое начинание.

Будьте уверены в том, что история оценит пассивный героизм вашей лояльности. А мы останемся до конца нелояльными, свободными и непримиримыми; пока не придет день свержения.

И. А. Ильин

Великие строители России Митрополит Макарий

Старая жизнь Москвы как государства имела свой крепкий, русский уклад, в котором были заложены определенные идеи и в котором жили и действовали живые люди. Вскрывая эти идеи и восстанавливая жизнь этих людей, историк дает материал, в который должен всматриваться строитель новой жизни, отделяя в этом материале то, что отжило, как пожелтевший осенний лист, и запоминая то, что и впредь должно жить как необходимый элемент самого «древа» народной и государственной жизни, исторически выросшего из своих корней. Настоящие очерки должны дать читателю частицу такого материала, сосредоточивая его около имен наиболее замечательных деятелей нашего родного исторического прошлого.

Перед нами Москва середины XVI столетия. Процесс собирания отдельных, не объединенных, или еще слабо соединенных с Литвою, русских земель закончился, и перед Москвою вставала задача объединения *всего* русского мира, а уже не разрозненных княжеств и земель. Московский князь-вотчинник выступает, как нарождающийся носитель национальной народной власти над Русью, освобождающейся от татарского ига, и как обладатель наследия «царя»-императора Византии, Нового Рима, как глава Третьего Рима, после которого «четвертому не быть», по учению московских идеологов⁹¹. Наследник «пращура» сво-

⁹¹ Имеются в виду московские идеологи «теории Третьего Рима», последователи русского писателя XVI в. старца Филофея, монаха Псковского Елизарова монастыря, сторонника иосифлян. Поскольку нигде в работах самого Ильина термин «Москва – Третий Рим» не встречается, здесь уместно дать комментарий, частично объясняющий этот феномен. Георгий Флоровский в своих «Пути русского богословия» отмечает два аспекта этого исторического явления: «Это была именно эсхатологическая теория, и у самого старца Филофея она строго выдержана в эсхатологических тонах. “Яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти”... Схема взята привычная из византийской апокалиптики: смена царств или, вернее, образ странствующего Царства, – Царство или Град в странствии и скитании, пока не придет час бежать в пустыню... В этой схеме два аспекта: минор и мажор, апокалиптика и хилиазм. В русском восприятии первичным и основным был именно апокалиптический минор. Образ Третьего Рима обозначается на фоне надвигающегося конца – “посеем чаем царства, емуже несть конца”. И Филофей напоминает апостольское предостережение: “придет же день Господень, яко тать в нощи”... Чувствуется сокращение исторического времени, упрощенность исторической перспективы. Если Москва есть Третий Рим, то и последний, – то есть: наступила последняя эпоха, последнее земное “царство”, конец приближается. “Твое христианское царство инеем не останется”. С тем большим смирением и с “великим опасением” подобает блюсти и хранить чистоту веры и творить заповеди. В послании великому князю Филофеем именно предостерегает и даже грозит, но не славословит. Только уже вторично апокалиптическая схема была использована и перетолкована официальными книжниками в панегирическом смысле. И тогда превращается в своеобразную теорию официозного хилиазма. Если забыть о Втором Пришествии, тогда уже совсем иное означает утверждение, что все православные царства сошлись и совместились в Москве, так что Московский Царь есть последний и единственный, а потому всемирный Царь. Во всяком случае, даже и в первоначальной схеме Третий Рим *заменяет*, а не продолжает Второй. Задача не в том, чтобы продолжить и сохранить непрерывность византийских традиций, но в том, чтобы *заменить* или как *то повторить* Византию, – построить *новый* Рим *взамен* прежнего, павшего и падшего, на убылом месте. “Московские цари хотели быть наследниками византийских императоров, не выступая из Москвы и не вступая в Константинополь” (Каптерев)... В объяснение падения Второго Рима говорится обычно о насилии агарян, – и “агарянский плен” воспринимается, как постоянная опасность для чистоты греческой веры, откуда и эта острая осторожность и недоверчивость в обращении с греками, живущими “во области безбожных турок поганского царя”... Так происходит сужение православного кругозора. И уже недалеко и до полного перерыва самой традиции, до забвения и о греческой старине, то есть об отеческом прошлом. Возникает опасность заслонить и подменить вселенское церковно-историческое предание преданием местным и национальным, – замкнуться в случайных пределах своей поместной национальной памяти. Влад. Соловьев удачно называл это “протестантизмом местного предания”. Конечно, не все так рассуждали, и подобные выводы были сделаны не сразу, – скорее уже только позже, к середине XVI века. Но очень показательно, что при этом ведь доходило до полного выключения и отрицания греческого посредства и в прошлом, – ведь именно в этом весь смысл сказания о проповеди апостола Андрея на Руси, как оно повторялось и применялось в XVI веке... Во всяком случае – постепенно и довольно быстро не только падает авторитет Византии, но и угасает самый интерес к Византии. Решающим было скорее всего именно националистическое самоутверждение» (Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 11–12). С этим согласуется и исход борьбы-противостояния между заволжцами (преп. Нил Сорский) и осифлянами (Геннадий Новгородский, Иосиф Волоц-

его св. Владимира, московский князь, со времен Ивана III и Василия III, уже заявлял: «вся Русская Земля от прародителей наших наша вотчина». Москва как рождающееся государство всего русского народа начинала выходить и на арену европейской политики в своих иностранных сношениях. В то же время Русская Церковь завершала выработку своей самостоятельности и мирового значения, приближаясь к формальному их признанию провозглашением Московского и всей России *патриархата*, совершившимся через несколько десятилетий, в 1589 году. Русская Церковь именно в эту эпоху сознавала, определяла и закрепляла свои *русские* особенности. Задачи власти, государственной и церковной, становились громадными и сложными, вырастая естественно, эволюционируя в развивавшейся и осложнявшейся жизни Московского княжества, которое превращалось уже в «государства Российского Царствия». Эти разраставшиеся задачи требовали деятелей, способных подняться на их высоту. И старая Москва смогла выделить таких деятелей из богатых запасов сил русского народа. Одним из них был митрополит Макарий.

Где, в каком городе или селении Русской Земли, он родился и чьим сыном был? Этого мы не знаем, как не знаем точно и времени его рождения – вероятно, в 1481 или 1482 году. Как очень большое число русских деятелей старого времени, он является для потомства просто *русским человеком*, простым «трудником» Русской Земли, без того себялюбивого интереса к своей личности, который копит притязающие на память потомства данные и переживания личной жизни. Макарий принял монашество в Пафнутьевском Боровском монастыре, в нынешней Калужской губернии. Позднее – он архимандрит Можайского Лужковского монастыря, известный как знаток Св. Писания – «дана ему бысть от Бога мудрость в Божественном Писании». В 1526 году возведен на Новгородскую архиепископскую кафедру, на которой проявил себя выдающимся пастырем, организуя церковную жизнь, и был там «людям заступление велие». Уже тогда «многие ради его добродетели в всей России слава о нем происхождаше».

В середине марта 1542 года архиепископ Макарий был наречен собором епископов в митрополита и поставлен на митрополию «матери градов Москвы». Это совершилось в годы боярского правления за малолетством Ивана IV, когда шла борьба за власть среди окружавших юного великого князя бояр, после низложения одного за другим двух митрополитов (Даниила и Иоасафа), когда колебался самый авторитет носителя высшей церковной власти, когда центр Московского государства являл собою арену интриг неразборчивых в средствах властолюбцев, а московские области отдавались произволу их «клеветов», и когда не только окраины, но и не так далекие от самой Москвы земли были под угрозой внешних врагов, особенно татар, со всем ужасом татарских набегов, с их опустошениями и пожарами, с продажей в далекое рабство тысяч полоненных русских людей.

Совершенно ясно, что первую заботою Макария, и в интересах Церкви, и в интересах Земли, был великий князь, вотчинник Московского государства, и охрана «православного христианства» – его народа. Иван IV погибал как человек в грубых забавах того сурового века, толкаемый в них правившими его именем властолюбцами, ради отвлечения его внимания от своих дел. 12 декабря 1546 года шестнадцатилетний Иван вернулся в Москву

кий) в пользу последних. Сейчас «теория Третьего Рима» переживает в России новый всплеск. Этот *этитический уклон* в русском менталитете еще более накрепился. В эту теорию привносится «представление» о Катехоне (Удерживающем), причем роль этого «удерживающего» выпадает на государство, на империю независимо, языческая она или христианская (Римская империя, Российская империя, сталинский СССР, грядущая Русская империя, вся «Русская православная цивилизация»). Ильину всегда было присуще чувство ранга, он это понимал так: «Религия, вера, церковь, потом нация, народ, граждане, и только потом государство, империя, право». Перевернутая пирамида – характерное явление нынешнего патриотического и государственного предпочтения. Этот выбор не только неверен, но естественным образом теряет религиозную глубину, мысленную строгость (по Ильину, «теоретическую совесть»), нравственную чистоту (оправдываются все исторические безобразия своего народа и своей истории). В словесном выражении и оформлении «теории Третьего Рима» это напоминает «народные поделки» или «армейские сувениры». Вот почему ничего подобного нет у Ильина.

из поездки по селам после развлечений, которых он там искал. И 13 уже декабря Макарий имеет совещание с великим князем. Его результаты: решение Ивана вступить в брак, а предварительно венчаться на царство. С этого момента Макарий на все время своей дальнейшей жизни встал за Иваном IV, за своим «о Святем Дусе сыном и господином», как крепкая опора в его внутренней борьбе с самим собою, как его советник в делах жизни и правления.

Зачем и почему Макарий выдвинул царское венчание рядом с браком Ивана IV? Не только потому, что Московское княжество уже выросло к этому времени в своем внешнем могуществе и идейном содержании и стало царством, но и для того, чтобы спасти юного великого князя как человека, *поднять* его на такую высоту, которая *заставит его самого подняться на нравственную «степень»*: ибо Бог освятит его сан и власть, но, даруя ему их, возложит на него за них и ответственность как за врученные ему Богом.

16 января 1547 года в Московском Кремле, в Успенском соборе, «первопрестольной великой соборной апостольской церкви Пречистые Богородицы», празднично украшенной, *впервые* совершилось *царское* венчание, с возложением «царского сана» (бармы, венец, скипетр), вместе со «святым животворящим крестом», на «великого государя», с молитвою митрополита, начинавшеюся словами: «Господи Боже наш, Царь царствующим и Господь господствующим, иже Самоилом Пророком избра раба Своего Давыда и помазав того во цари над людьми Своими израильтяны...»

Ко вновь явленному русскому царю Макарий обратился с назидательным словом, и это слово стало *основой*, из которой исходили *все* последующие поучения русских иерархов венчаемым царям «Превеликой России». «Се от ныне поставлен еси, Князь Великий, Боговенчанный Царь правити хоругви и содержати скипетр великого Царства Российского и венчан еси сим царским венцем по благодати Святого Духа и милости Пресвятыя Богородицы...» – говорили эти слова. Какие же требования предъявляла Русская Церковь к царю? Первое из них: «имей страх Божий, то бо есть начало всему благу... Таже, сохрани веру христианскую греческого закона чисту и непоколебиму и соблюди царство свое чисто и непорочно, яко зеницу ока». За этим следует второе: люби «братию свою по плоти»: бояр «помилуй и береги», к своему «христоролюбивому воинству буди приступен и милостив и приветен по царскому своему сану и чину; всех православных христиан блюди и жалуй и попечение о них имей от всего сердца; за обидимых стой царски и мужески, и не попускай и не давай обидити их не по суду и не по правде – сего бо ради, царю, приял еси скипетр правити хоругви великого Царства Российского, и рассуди и прави люди твоя в правду».

Царь получает «державу» и «силу» от Бога, но сам он имеет над собою Царя, «иже на небеси». И этот Царь говорит словами Писания поставляемому Им земному царю: «*да не оправдиши нечестивого мзды ради, не сотвори неправду в суде, яко суд Божий истинен есть... Вам глаголю, цари, утешайте скорбящих, избавляйте обидимого от сильных руки, сии бо от богатых подавляемы притекают к вам, яко к заступникам*». Обращаясь к царю, Русская Церковь взывает: «возмогай, о православный царю, и паки возмогай, да наследник будеши Небесного Царствия со всеми святыми православными цари, да возможеши со дерзновением рещи во второе пришествие Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа: се аз, Господи, и люди Твоя, яже ми еси дал, великого Твоего Царства Российского».

Пусть все эти святые мысли и поучения Русская Церковь уже давно хранила в своих недрах; пусть они были сведены в систему к этому времени так называемыми «осифлянами» и их главою, преп. Иосифом Волоцким; – в торжественной обстановке царского венчания они были высказаны митрополитом Макарием и стали с тех пор заветом, который Русская Церковь бережно передавала всем последующим царям «Превеликой России», хотя и не в тех самых выражениях, которые сошли с уст Макария.

Что должен был пережить Иван IV во время своего царского венчания! Здесь был перелом в его личной жизни и начало того блага, которое было принесено им русскому народу

в первую половину его царствования, когда он не стал еще «Грозным» в том смысле, который обычно придается этому обозначению со времени «злой опричнины». Но она была введена уже после смерти митрополита Макария, о котором сам царь потом вспоминал такими словами: «о Боже! коль бы счастлива Русская Земля была, коли бы владыки тащи были, яко преосвященный Макарий!» Величавый и строгий образ Макария стоит около Ивана IV со времени его венчания, стоит на страже Русской Церкви и «возлюбленного ему земного отечества России», в событиях царствования, пока жив Макарий. Он *питает добрую волю царя*, который «советует» с ним во всем сколько-нибудь важном – *своем, личном, и земском, народном*. Он сдерживает приступы страстного гнева Ивана IV, «печалуя» за осужденных и их «отпрашивая от смерти». Походы на Казань для избавления русского народа от постоянной опасности со стороны этого разбойничьего гнезда, взятие ее – все это *проходило при молитве митрополита за Россию и при постоянной духовной поддержке им ее молодого царя*. Казань взята; но «здержит» ли ее в своих руках русский царь? А дальше – присоединение Астрахани, борьба с Крымом, Ливонией, Литвою. Сколько требовалось внутренней силы, чтобы не дать воли малодушию в это тяжелое время! И митрополит Макарий эту силу хранил и великою мощью Русской Церкви, и своим личным авторитетом...

Время, в которое жил Макарий, выдвигало перед ним, как первосвятителем русской Церкви, с особою настойчивостью задачу утвердить мировое значение и высоту ее на святых костях и подвигах русских чудотворцев, молитвенно «предстоящих Престолу Всевышнего». Уже в домакарьевскую эпоху Русская Церковь имела 67 святых общерусского или местного признания. На созванных Макарием Соборах 1547 и 1549 годов были канонизованы еще 39 «новых чудотворцев», из которых большая часть уже чтилась на местах, но не во всем Московском царстве. *Святыня русская* не только выросла теперь в своем сокровище, но и получила общерусское признание: общими для всей Руси святыми стали те, которые раньше, как святые местные, верою русского народа признавались защитниками и покровителями отдельных частей Русской Земли и которые теперь стали молитвенниками за *всю* «Землю Святорусскую».

Но части России имели и свои чтимые местные *иконы*, в которых видели «святые щиты» для частей Русской Земли, а не для нее всей. И эти иконы собираются в Москве, в оригиналах или точных списках – московские храмы стали хранить и местную святыню всех «государств Российского Царствия». В обновлении икон и писании копий с чтимых на местах митрополит Макарий трудился и как «иконный писец», как «иконному писанию наученый сей хитрости». Москва, центр «Великой России», была хранилищем общерусской святыни, а ее храмы были местом молитвы за всю Землю Русскую. В этих храмах – «иконы, велелепно украшенные золотом и серебром и драгоценным камнем», с горящими перед ними лампадами и паникадилами, в них – «красногласныя пения благолепных священников» и «кадила с благовонным уханием»; на их звонницах – «доброгласные светошумные колоколы». Благолепие богослужения украшало московские храмы; и его красоту, уставную строгость и значение так понимал и чувствовал митрополит Макарий... Он усердно заботился о ней как в Москве, так и в других градах и весях. Он освятил и длинный ряд новых *храмов*, и в их числе: храм «Пресвятые Владычицы наша Богородицы честный Покров», построенный «о Казанской победе»; при Макарии же был заменен каменным «о девяти верхах» и освящен – храм, известный теперь под именем Василия Блаженного, близ Флоровских (теперь Спасских) ворот.

Особой заботой митрополита пользовался Успенский собор, главный храм «Царства Московского», возобновленный после пожара 1547 года, хранивший в себе главную святыню Северо-Восточной Руси – Владимирскую икону Божией Матери и мощи Св. Петра Митрополита. Его купола были покрыты вызолоченною медью, а внутри его поставлен пятирусный иконостас с иконами, подобранными по дням замечательных событий исто-

рии «Превеликой России». Он не только служил молитве русского человека, но и запечатлел в себе воспоминания русской славы и собирания Руси.

Русская Церковь требовала не одного благолепия своего богослужения, но и внутреннего порядка и благочиния. Сто главый собор 1551 года ставил своею задачею их создать. Духовная жизнь «православного христианства» нуждалась в духовной пище *«чтомых книг»*, и Макарий постарался их собрать в едином собрании. Так возник величайший памятник старой русской письменности – Макарьевские Минеи-Четьи, в 12 гро мадных томах, из которых каждый с трудом поднимают руки их читающего и в которых по дням месяцев собраны все творения евангелистов, апостолов, отцов и учителей Церкви, жития святых и поучения – *«все святые книги собраны и написаны, которые в Русской Земле обретаются»*.

Сам Макарий об этом своем труде говорит: *«а писал есми и сбирал и в едино место их совокуплял дванадесять лет, многим имением и многими различными писари, не щадя серебра и всяких почастей»*.

Собравшиеся в «Российское Царствие» части Русской Земли и русского народа должны были знать и свое *историческое прошлое*, чтобы уяснять себе свое настоящее и определять задачи своего будущего. Рядом с местными летописями и их сводами на Руси, около митрополии уже давно вырабатывались общерусские «митрополичьи», летописные своды. И именно при митрополите Макарии совершилось завершение этой работы составлением самого полного общерусского летописного свода, случайно только не получившего его имени и известного под именем Никоновского, как напечатанного в XVIII столетии со списка, принадлежавшего патриарху Никону. При Макарии же было закончено и составление так называемой «Книги Степенной Царского Родословия», в которой впервые дано *изложение русской истории на основе ее единства*, понятого в смысле *ее единения с ее историческою властью*, «от варяга Рюрика» до «царя и великого князя Ивана». С именем Макария связано и устройство Печатного двора, типографии. «Изыскивати мастерства печатных книг» в Москве стали не только «повелением» царя Ивана IV, но и «благословением» митрополита Макария.

Конечно, и *распространение христианства* среди язычников Московского государства было делом Макария. Еще в бытность свою архиепископом Великого Новгорода он организовал миссию в Водской пятине (части нынешних Петроградской и Новгородской губерний, а также Финляндии). Как митрополит, он ее ведет среди лопарей (у Белого моря) через приснопамятного преподобного Трифона Печенгского и его сотрудников. Завоевание царств Казанского и Астраханского возложило на русскую православную миссию новую задачу. Но какую инструкцию дал Макарий первому Казанскому архиепископу Гурию в 1555 году? – *«Всякими обычаями, как возможно, приучать ему татар к себе и приводити их любовью на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводити»*.

Такова была деятельность митрополита Макария, если мы на нее посмотрим в тех, только главнейших ее проявлениях, которые доступны короткому очерку. Но где же его личная жизнь? – может спросить читатель. Она целиком в его *деле*, в его служении Церкви и Земле. Лишь в предсмертной своей болезни, в исходе 1563 года, восьмидесятилетний старецмитрополит вспомнил о ней, когда уже «изнемогал» в своей тяжкой «немощи». Он молил царя: «отпусти меня в мое постриженье», т. е. в Пафнутиев Боровский монастырь, где он юношею познал впервые сладость иноческой молитвы и как человек хранил воспоминание этого момента своего личного счастья во всю свою долгую жизнь. Царь отказал: Макарий был слишком велик в своем сане и значении для Земли, чтобы глава ее мог позволить ему окончить свою жизнь в монастырском уединении. И митрополит подчинился царской воле.

Для себя он привык не искать личных утех. Себя он сознавал простою и неотделимою частицею двух великих сил, которым имя русская Церковь и русская Земля. О себе он

писал в своих Минеях-Четьях: «всех молю и коленома касаюся... да вспоминают смиренную и грешную мою душу в святых своих ко всесильному Богу молитвах».

*И. И. Ланно*⁹²

Православие и государственность

Ходячая фраза, утверждающая, что «Церковь аполитична», требует внимательного и ответственного анализа. В ней заключается целый ряд исторических ошибок, религиозных соблазнов и государственных опасностей.

В слове «а-политична» – первое «а» равносильно отрицательному (=не). Что же отрицается им? *Партийность* ли Церкви? Или призвание Церкви к *завладению светскою властью*? Или ее *живое и творческое отношение к государственному строительству вообще*? С самого начала ясно, что на эти различные вопросы могут и должны быть даны совершенно различные ответы.

Церковь, конечно, *не* есть политическая партия. Она вообще не «партия», т. е. (буквально) не *часть*: она призвана не к делению и разделенности, а к мировому единству и всецелости (=«кафоличности»). Православная Церковь утверждает за собою *религиозную истину* о бытии Божиим, о смысле мироздания и о спасении человеческой души; другие религиозные учения и исповедания – суть для нее не равноправные церковные «партии», а неистинные учения и неверные исповедания. Юриспруденция и политика могут *условно* признавать «множество» разных «Церквей»; но религиозно-верующий знает одну, единственную, *истинную* Церковь, истина которой (согласно его вере) *свободно озарит и соединит* однажды *все* человеческие души.

Итак, Церковь не может признать себя *религиозной* партией. Тем более она не есть *политическая* партия.

Церковь есть религиозный союз. Политическая партия не есть религиозный союз.

Церковь имеет догматы, таинства и каноны. Политическая партия их иметь не может и не смеет.

Церковь исходит из веры и ею строится дух человека. Политическая партия исходит из соображений государственной целесообразности и хозяйственной пользы и ими направляет внешнее поведение человека.

Церковь по установлению своему благодатна; она есть орудие Царства Божия. Политическая партия устанавливается человеческим произволением и есть порождение земной государственности.

Церковь ищет перерождения души и духа. Политическая партия ищет государственных и хозяйственных реформ.

Церковь *не* ищет светской, государственной власти. Политическая партия добивается именно светской, государственной власти.

Церковь *не* борется силою и понуждением. Политическая партия добивается для себя именно права бороться понуждением и силою.

Итак, по *самому* существу своему и по *всему* существу своему Церковь не может и не должна становиться политической партией; а политическая партия не может и не смеет становиться Церковью. Церковь, *становящаяся* политической партией, унижает и извращает свою природу.

Но этого мало: Церковь не может и не должна *связывать* себя ни с какою бы то ни было политической партией, ограничивая доступ к себе другим партиям. В каждой партии могут

⁹² *Ланно* Иван Иванович (1869–1944) – профессор Каунасского университета. С 1905 по 1919 г. профессор Тартуского университета. Известны его работы по истории Литвы.

участвовать люди разных исповеданий; а в каждую Церковь могут входить люди разных партий. Принадлежность к политической партии сама по себе не может быть тем смертным грехом, за которым следует церковное отлучение. Связанность Церкви с одной партией делает ее *партийною* Церковью; этим она низводит свое представление о Царстве Божием до уровня политической целесообразности и изменяет своей кафоличности; в то же время она придает данной политической партии значение *благодатной исключительности* и тем сеет величайший соблазн в душах.

Точно так же Церковь не призвана к светской власти, к ее захвату и подчинению. Церковь и государство взаимно инородны, подобно тому, как инородны Церковь и политическая партия: по *установлению*, по *духу*, по *достоинству*, по *высшей цели* и по *способу действия*. Государство, пытающееся присвоить себе силу и достоинство Церкви, творит кощунство, грех и пошлость. Церковь, пытающаяся присвоить себе власть и меч государства, утрачивает свое достоинство и изменяет своему назначению. Государство *не может действовать благодатно*: устанавливать догматы, совершать таинства, растить Царство Божие. Церковь *не должна брать меча* – ни для насаждения веры, ни для казни злодея, ни для войны. Бесспорно, государство выше политической партии так, как *родина в целом* выше всех своих частей; но и партия и государство остаются учреждениями *человеческого* порядка и *земного* ранга⁹³.

⁹³ Здесь уместна следующая цитата из Хрисанфа: «Прямо Евангелие ничего не говорит о жизни общественной и не касается непосредственно ее устройства: оно выше и шире этой жизни; оно все *дух и жизнь* (Ин. 4, 63) в смысле общих духовных начал, которыми оно проникнуто. Основатель христианства открыто возвещает, что учение Его, как и Он сам, не от мира. И в этом отношении христианская религия есть единственная из религий, вполне отрешенная от временных, случайных и изменчивых форм жизни, единственная религия в собственном смысле слова; потому что только религия не знает ничего, что вне ее задачи и целей; тогда как все древние и исторически известные религиозные учения представляли собою в большей или меньшей степени смешение элемента религиозного с научным или общественным, указывали и предписывали известные частные формы социального быта, сообщали правила для внешней, обыденной жизни. Это также факт, возвышающий Евангелие над всеми известными религиозными учениями и свидетельствующий о том, что евангельская истина выше всего того, что касается бытия преходящего и обусловленного временем и пространством. Но по тому самому, что христианское учение стоит выше временных форм жизни, по тому самому, что оно указывает основные, духовные начала жизни, требует обновления духа и сердца в человеке и дает средства для этого нравственного перерождения, оно не может не касаться и земного быта человеческих обществ. Не было религии, которая бы так отрицала всякую связь свою с формами и целями общественной жизни, и вместе с тем не было и нет религии, которая бы так широко и глубоко, так постоянно и неизменно влияла на устройство временной жизни человека и человеческих обществ. Основатель христианства не заявлял о Себе, что Он призван быть преобразователем общественной жизни народов, напротив, устранял все, что могло вести к мысли об этом; а между тем Его учение произвело всемирный переворот в человеческой истории и отделило историю древнего мира от новой, христианской истории неизгладимыми чертами. Так и должно было быть. Новые и всеобщие нравственные начала, вместе с обновлением духовных сил человека, не могли не оживотворить и не обновить внешнего быта человеческих обществ. Высокое достоинство человека, созданного для жизни вечной, открыто и осязательно засвидетельствованное чудом воскресения Христова, высокий и беспредельный идеал жизни, так ясно указанный новой религией, нравственное начало любви и самоотвержения – вот те животворные силы, которые принесла с собою миру новая религия и которые не могли не отразить своего влияния и на гражданской жизни народов. Евангелие не имело целию сообщать человеку знание в строгом смысле слова, то есть в смысле, отличном от понятия о религиозном знании или вере. Если ветхозаветная религия в противоположность другим древним религиям мало касалась или почти вовсе не касалась вопросов о небе и о земле в значении физическом или естествознательном, то тоже еще более решительно нужно сказать о Евангелии. Оно проповедует нам о любви к нам Небесного Отца, о нашем грехе и искуплении, о надежде на жизнь в вечности – и только; все прочее ниже его задачи. Но оно сказало о вечном, не умирающем достоинстве нашего разума, о том, что он есть образ вечного Божественного Слова и что Слово Божие воплотилось и жило с человеками, чтобы научить их вечной истине и возвестить им, что в будущем ожидает их непосредственное видение и познание самой беспредельной истины. Здесь основы и побуждения к тому умственному развитию народов, какое началось со времени явления христианства, и к тому открытию тайн природы и господству человека над нею, которое, вместе с временем, более и более увеличивается и так изумляет нас самих в последние дни. Так действует разум, освободившийся от уз неразумной природы, которую люди обожали в язычестве, сознавший свое высокое превосходство пред слепыми и бездушными мировыми силами и уверенный в своем вечном достоинстве и в бессмертии своего знания и достояний науки. Не устанавливает Евангелие и правил для взаимного отношения между людьми; но оно дает общее начало бескорыстной, самоотверженной любви к ближнему, кто бы он ни был, и нравственного равенства и единства между всеми, несмотря на различие полов, состояний и народностей. Во Христе, говорил апостол Павел, нет ни еллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа (Колос. 3, 11), ни раба, ни свободного, ни мужского пола, ни женского, но в Нем все одно (Галл. 3, 28). Идея равенства и свободы людей, высказанная со всею ясностью, не могла не повлиять и на внешний быт человеческих обществ. Равенство это и свобода

В *этом* смысле Церковь «а-политична»: задача политики – не есть ее задача; средства политики – *не* суть ее средства; ранг политики – *не* есть ее ранг.

Но означает ли это, что Церковь не должна стоять в живом и творческом отношении к государственному строительству и к бытию Родины?

Отнюдь нет. И Русская Православная Церковь в истории всегда поддерживала и впредь будет поддерживать это отношение к русскому государству.

Церкви есть дело до *всего*, чем живут или не живут люди на земле. Ибо живая религия есть не *одна сторона* жизни, а *сама* жизнь и *вся* жизнь. Все, чем живут или не живут люди – или уводит их от Царства Божия, или ведет их к нему; и Церковь обо всем этом может и должна иметь свое суждение, – открытое, авторитетное, одобряющее или осуждающее. Но это суждение должно иметь своим мерилom именно *Закон Божий* и *Царство Божие*; а отнюдь не политическую целесообразность и не хозяйственный или партийный интерес. И это суждение *никогда* не должно проводиться в жизнь на *путях* светской государственности. Церковь вправе благословить и не благословить; она вправе анафеманствовать. И в суждениях своих она должна блюсти свою полную религиозную *свободу и независимость*, не угождая и не приспособляясь, а если надо, то приемля и гонения (Иоанн Златоуст, Филипп митрополит, патриарх Тихон).

Члены церковного союза подчинены государственным законам *в своем внешнем поведении*; но *совесть* их *не* подчинена *никаким* государственным велениям. И произнося свои суждения и осуждения, Церковь этим *отнюдь не вмешивается в политику*, но пребывает в пределах создаваемого и блюдомого им Царства Божия. Церковь призвана, Церковь *обязана* указывать людям, – и царю, и чиновникам, и гражданам, то в личной беседе, то в проповеди, то во всенародном воззвании, – *где* именно их дела, их установления или страсти вредят делу Царства Божия. В этом ее *учительная власть*, от которой ее *ничто и никак освободить*

были чисто духовные, прямо не касавшиеся социального состояния человека; христианин мог быть духовно свободным и был таким, если и оставался во внешнем рабстве. Но нравственное состояние, происшедшая в нем перемена не могли, хотя и не вдруг, не изменять, в большее или меньшее соответствие с ними, и бытового положения людей. Из сферы чисто нравственной и духовной идея свободы естественно переходила и в сферу жизни общественной. Вот почему пал и древний Рим с его старыми началами рабства и подавления человеческой личности государством. А затем вся история христианских народов представляет постепенное и возможное изменение и семейной и общественной жизни по идее нравственно-религиозного равенства и свободы. Не определяет Евангелие и вообще никаких политических форм жизни, как делала это большая часть древних религий; это было бы также ниже его цели и задачи. Формы политического быта зависят от случайных причин, от территориальных и других условий жизни и исторических обстоятельств, и оттого различно вырабатываются складом народной жизни; а всеобщая религия не имела дела и не могла иметь его с формами вообще; она давала истину на все времена, указывала на общую норму жизни и притом не внешней, а внутренней, духовной. Она – первая из религий, отделившая элемент религиозный от гражданского, Божие от кесарева, то, что принадлежит небу, от того, что касается земли. Это отделение государственной стихии от религиозной, вполне соответственное с чистою идеей религии, в противоположность смешению общественного с религиозным во всем древнем мире, не исключая и религии евреев, составляет также характеристическую особенность христианства. Но, несмотря на это или по этому самому, не было и нет формы политической жизни, которой бы христианство не осмысляло и не возвышало своими вечными духовными началами братской любви и нравственной свободы; потому что для всех политических форм жизни эти начала одинаково нужны и животворны; потому что благо жизни всех народов зависит от справедливости, от ослабления своекорыстия и от единогодушного братского содействия общей пользе. Христианство не отвергло ни одной из бывших политических форм и не определяло новой; но в своих нравственных началах указало единый и для всех народов одинаково необходимый идеал общественных отношений, к которому они должны приближаться сообразно с историческими и другими условиями быта. Нет прямого слова в Евангелии и о международных отношениях, и – потому же, почему нет речи о народном и кесаревом; но воззвещенные им нравственные начала определяли собою и то изменение во взаимных отношениях народов, какое неминуемо должно было начаться с явлением христианства и постепенно развиваться по мере проникновения этих начал в жизнь человечества, и какое действительно открылось в последнее время. Богочеловек есть идеал жизни для всех народов без исключения: Он все и во всех; Дух Утешитель есть Дух всеобщей и вечной истины, всеобъемлющий и все исполняющий, Дух единения, общности и любви. А любовь к ближнему не знает национальных разностей, не ограничивается ими. По этой великой идее единства всего человечества и создается жизнь христианских народов, постепенно приближаясь к ее требованию. Велики в этом отношении успехи евангельской идеи в наше время, хотя эгоизм и не исчез еще и едва ли совершенно исчезнет на этой грешной земле. Поразительно и то, как в последнее время, под влиянием христиански просвещенного ума, этому объединению стала служить и сама природа в тех вновь открытых силах, которые так сокращают для нас и время и пространство» (*Епископ Хрисанф. Религии древнего мира в их отношении к христианству. СПб., 1878. С. 378–383*).

не может. И вторжением в политику это стало бы только тогда, если бы Церковь подменила свое религиозное *мерило* – земным, или обратилась бы к земным, политическим *средствам*.

При таком, подлинно православном понимании дела Церкви никак не может быть безразличным, что именно делается в народе и что именно творит государственная власть. Промолчит ли она, если в народе возникнут кровавые и жестокие игрища? или если распространяются формы публичного разврата? или если черная месса войдет в погибельную «моду»? Промолчит ли она, если *правительство* узаконит многобрачие? или разрешит торговлю гашишем? или отменит преподавание Закона Божия? или установит избирательную систему, при которой право голоса будет принадлежать только удостоверенным святотатцам? или введет декретом новую обязательную религию – магометанство, католицизм? И если не промолчит – то это будет тоже «вторжение в политику», в «царство кесаря»?

Государственная власть не судья в догматах, таинствах и канонах. Зато вопросы правопорядка решает *она*; и члены всех церковных союзов подчиняются ее законам. Но Церковь – судья *во всем, на что падают лучи Царства Божия*, не исключая и самых вопросов *государственного устройства*.

Государство правит. Церковь учит. Во внешнем и земном – государство повелевает и Церкви. Во внутреннем и благодатном – Церковь учит и государство. Государство не покушается на учительную и спасающую власть Церкви. Церковь не покушается на учреждающую и упорядочивающую власть государства. Но государство есть *оборона и опора* независимой Церкви. А Церковь есть *духовник и ангел-хранитель* христианского государства. Обоюдная формальная независимость обеих властей; взаимное непосягание и невторжение; и взаимная помощь: каждая власть помогает другой *по-сво* ему, в ту меру, в какую другая нуждается в этой помощи...

Вот древнее, исконное, русское-православное разрешение вопроса. Церковь отнюдь не была «отделена»⁹⁴ от государства; напротив: пеклась о нем, помогала, учила, советовала, благословляла, ободряла, осуждала и отстаивала. И государство отнюдь не было отделено от Церкви; напротив, ограждало, поддерживало, облегчало, жертвовало, «вкладывало», советовалось и принимало благословение, освящение и благодать.

Церковь отнюдь не была ни *безгосударственна*, ни *противогосударственна*. *Царство «кесаря» стремилось по-сво* ему *служить Царству Божию*; а Церковь учила, как *надлежит лучшие вести это служение*.

Не благословили ли епископы Владимира Святого казнить разбойников по суду? И не на Послание ли апостола Павла к Римлянам они ссылались при этом? Не вдохновил ли преп. Сергей Радонежский Дмитрия Донского к кровавому побоищу с татарами? Не помогали ли великим князьям освобождать Русь от татар и собирать ее всея России чудотворцы Петр и Алексей? Не митрополит ли Макарий ввел первое царское коронование? Не митрополит ли Филипп обличал Грозного Царя до самой своей мученической смерти? Не Гермоген ли поднял православную и патриотическую Русь на поляков и разбойников? Не митрополит ли Ростовский Кирилл строил и вел ополчение вместе с князем Пожарским? Не патриарх ли Филарет Романов устроил патриаршее ведомство для борьбы с гражданской неправдой на Руси?

Что же, православно ли мыслят те, кто требуют «отделения Церкви от государства» и настаивают на том, что все политические события и явления должны быть «безразличны» Православной Церкви? Не ересь ли пытаются они навязать нам?

⁹⁴ Идея отделения церкви от государства – масонская идея. Она возобладали в большинстве современных государств, за исключением немногих: Израиля, Греции и еще некоторых.

Два раза изнемогала Русь в своей истории от порабощения иноземцами и иноверцами. Преподобный Сергей воззвал к ней в первый раз и вдохновил ее к освобождению. Святейший Гермоген воззвал к ней во второй раз и вдохновил ее к очищению и воссоединению.

Ныне Россия изнемогает в третий раз, порабощенная безверным и безбожным, ино-родным и международным скопищем. И ныне, как и встарь, она ждет, что прозвучат зовущие и вдохновляющие голоса ее святых и святителей.

Церковь не может и не должна быть партийною и мерить политическим мерилom. Но разве «третий интернационал» есть *политическая партия*? Но разве безбожное кощунство, религиозное совращение и нравственное растрление целого народа, великого народа и православного народа, разве дело *посягающего антихриста* не весит на священных весах Царства Божия, не взывает к церковному осуждению, не побуждает *благословить тот меч*, который некогда благословили Сергей и Гермоген?!

Господи! Возроди в Православной Церкви дух пророческий и водительный!

Господи! Спаси Россию!

*Православный*⁹⁵

Пафос героизма и идеи современности

Среди многих легенд о неукротимом Роланде⁹⁶ есть одна, исполненная глубокого смысла и символического содержания. Ее фабула такова.

Однажды друзья рассказали Роланду, что где-то, неподалеку, посреди глубокого озера, на пустынном острове – возвышается мрачный, неприступный замок, а в нем живет злой, старый волшебник. Еще никому не удавалось проникнуть внутрь замка, ибо волшебник убивал своих врагов на расстоянии – чем-то невидимым: блеснет огонь, грянет гром и нападающий падает пораженным.

Не задумываясь, Роланд решил, что он должен *сразиться со злодеем и избавить от него мир*. Он находит озеро, садится в лодку и бесстрашно едет один к чуть виднеющейся с берега громаде замка, как бы поднимающейся прямо из воды. И вот, когда он был уже совсем близко и все кругом было так тихо, что казалось, будто замок необитаем и как бы умер, – вдруг блеснул огонь, что-то загремело и ударило в воду рядом с лодкой... Еще и еще раз... Но чудом невредимый, рыцарь с одним мечом в руках добрался до острова, ворвался в замок и убил волшебника: маленького, тщедушного старика. А на полу, рядом с ним, он нашел его таинственное, злое оружие... Это была какая-то странная палка, с механизмом посредине, кончавшаяся длинной железной трубкой. Роланд взял его с собой, отъехал на самое глубокое место, с презрением разломал это подлое оружие на куски и выбросил в воду.

Но, совершив свой подвиг, Роланд в первый раз в жизни почувствовал, что победа не дала ему радости. Глубокая тоска охватила его душу.

– Вот, – думал он, – я убил этого гнусного старика и уничтожил его злое дело; но я не спас этим мир от коварства и хитрости. Наступит когда-нибудь время, когда кто-нибудь другой придумает такое же оружие и когда каждый сможет его иметь. И это будет означать, что *пришла смерть рыцарству*. Ибо если каждый, самый ничтожный и робкий, прячась, не в открытом и честном бою, не осмеливаясь даже подойти к своему врагу, сможет поразить издали самого храброго и самого сильного, – рыцарство умрет: это будет днем смерти героизма и доблести, мужества и отваги. Это будет означать, что *миром начнут править не самые прямые, благородные и доблестные, а самые коварные, расчетливые и хитрые...*

⁹⁵ *Православный* – псевдоним И. А. Ильина.

⁹⁶ В русском переводе, вышедшем в XIX веке, он назван «неис товым» Роландом, *не истовым* (?!).

Таково содержание этого прекрасного, пророческого рассказа.

Меня не смущает наивность этой легенды. Она придает ей только особую прелесть и не мешает ощутить всю глубину ее содержания. Мне не важно сейчас: «прав» ли был храбрый и не мудрствовавший рыцарь? Прав ли он был, думая, что до него миром правила отвага и доблесть, и не ошибался ли он, боясь, что какое бы то ни было изобретение сможет хоть когда-нибудь устранить героизм, сможет потушить извечную и неугасимую человеческую потребность. Мне не это важно. Говоря «по-современному», мы сейчас, пожалуй, даже упрекнули бы Роланда в преувеличенном представлении о значении «материальных факторов». Но за всем этим в легенде остается яркое изображение столкновения двух извечно борющихся начал, двух человеческих типов и психологий; в ней остается и элемент подлинного пророчества. Ибо несомненно, что та эпоха, о которой с таким ужасом, тоской и омерзением, по рассказу легенды, думал Роланд, – *уже наступила*; в эту эпоху жили наши отцы, а мы сейчас доживаем и изживаем ее...

В чем же выразилась эта новая эпоха и что же изменилось в судьбах героизма?..

– Не в могучем ли и беспредельном росте техники? Но мы-то знаем теперь, что «с появлением ружья» – *героизм не умер*; что вообще нельзя материально умертвить того, что бессмертно... и что с новыми техническими достижениями люди лишь углубляют, разнообразят и расширяют способы проявления извечной человеческой потребности и страсти, – виды человеческого героизма...

Может быть, иные, новые условия жизни (социально-экономический фактор) породили иные нравы, иные потребности, в результате которых умер герой и родился новый «средний человек»? Да, конечно, душа каждой эпохи неотрывна от ее тела. Но мы как раз *отрицаем неизбежную зависимость человеческого духа от его тела* и от социального фактора...

Или, быть может, все сводится к тому «движению» в бесконечном «историческом пространстве», которое даже движением может быть названо лишь в смысле смены поколений и которое почему-то называют «прогрессом»? Но я думаю, что историческое «движение» совсем не есть еще тем самым движением *вперед* и что не всякое развитие есть уже *прогресс*. Мне чужд этот наивный позитивистический мистицизм, эта «религия» самодовлеющего «движения» или «прогресса».

И именно поэтому я думаю, что объективная историческая справедливость легенды заключается не в том, что «героизм умер», а в том, что он угасался и погасался теми идеями, которые господствовали в изживаемую нами эпоху. Идеи вообще имеют свою жизнь и свое движение; они не зависят в конечном счете ни от технически-материальных, ни от социальных факторов; они не зависят и от мнимо новых и мнимо «прогрессивных» условий жизни. Они изживаются и теряют свою жизненную силу.

И вот, господствовавшие идеи ныне уже уходящей эпохи – в своих умыслах и намерениях «отменяли» героизм, или в лучшем случае «устраняли» и отстраняли его за ненадобностью. А люди этой эпохи, те, которые эти идеи восприняли, «растленные» этими идеями, всеми силами психически отталкивались от героизма. Закоренелые и верные сторонники этих идей, пропитавшие ими свои вкусы, навыки и эмоции, не могли не *ощущать* героизм, как пережиток старого, в лучшем случае наивного и «глуповатого» времени; в худшем случае они относили некоторые проявления его прямо к эпохе господства грубой силы; это еще ничего, если они считали его только смешным («ридикюль»), чаще – варварским, низким, не «прогрессивным», признавая и «легализуя» лишь некоторые его формы, не понимая, что стихия его *всегда и во всем едина*; – *ибо*, конечно, Роланд и Галилей, Колумб и Гус, и все те бесчисленные «маленькие герои», творцы жизни на *всех* ее путях и во *всех* ее областях, – *суть братья по духу*. И если, в изживаемую нами эпоху, одни из них признавались, а другие отрицались, то это показывает только, что признавалась *не стихия героизма*, а лишь

та (*своя*) область, в которой данный человек действовал, *хотя бы и героически*. Это показывает, что *самого героизма*, как *верного* жизненного *метода*, как нормального творческого начала, – не воспринимали, отрицали его, чурались. Но о каких же именно идеях идет речь? Культ большинства, поиски «среднего арифметического», неизбежное стремление все *снизить*, а иногда и *срезать* возвышающиеся над толпой головы, тяга к срединности, страсть уравниательства, «сладострастие уравнения», – таков тот еще недавно безраздельно господствовавший комплекс идей и чувствований, из-под власти которого мы только еще начинаем высвободиться⁹⁷.

Культ и пафос героизма предельно эти идеи исключают. Они абсолютно с ними несоединимы и даже прямо им противоположны. Культ героизма есть культ исключительной личности; тем самым он утверждает неравенство как некую неизбывную стихию жизни, как суровый и жестокий закон самой жизни, как источник творчества и движения. *Неравенство есть предпосылка героизма*. Более того: если так обстоит в логической плоскости, то еще разительнее *психологическое* взаимоотношение между *культом невыделяющегося* и *пафосом выдающегося*.

Представим себе на минуту, что тот пресный «земной рай», тот «истинный прогресс», неосуществимыми идеями осуществления которого бредят «властители века сего», – когда-нибудь наступит... В этом мире, представляющем из себя комбинацию серого острога с краснодушно-слащавой сектантской молельней, – не оказался ли бы *герой* в положении Потока-богатыря, попавшего в анатомический театр (см. у графа А. К. Толстого)? Но и более того, – герой был бы помехой, врагом этого «рая», ибо он, даже не борясь с ним, одним своим присутствием – опрокидывал бы его. В этом раю герой, наверное, был бы объявлен «врагом народа» и «социально опасным элементом»...

Последовательное, до конца додуманное философское оправдание и приятие героизма как одного из необходимых элементов подлинной и живой жизни есть признание и *приятие неравенства*. И еще более, – это есть признание того, что *мир лежит во зле*, которое неустраимо никаким «общественным договором», или «истинным прогрессом», или «декларацией Вильсона»⁹⁸, во зле, борьба с которым требует непрерывного индивидуального *подвига*...

Все, чему «хозяева положения», «люди века сего» настойчиво учат доверчивые массы и низы народа, есть *призыв к умерщвлению героя*. Ибо они говорят народу, что *он сам может и должен устраивать свою судьбу*; они прививают ему вредные и усыпительные грезы «ни-в-ком-ненуждаемости», самонадеянной горделивости и всяческого «анти-водительства». Они говорят ему *неправду о мире и жизни, неправду о законах, управляющих жизнью обществ*.

«Тебе не нужны вожди, тебе не нужны герои! Ни за кем не иди! Веди и приказывай сам! Ты – хозяин, а мы твои слуги!...»

А с этим неизбежно связано и отвращение народного взора от неба...

...И сладкий горошек достанется нам!
А царство небесное мы воробьям
И ангелам Божьим уступим...

Так некогда аргументировал Бебель свою социальную утопию – стихами Гейне.

⁹⁷ В дальнейшем мы будем говорить только о проявлениях героизма в общественной и государственной жизни.

⁹⁸ Вильсон Томас Вудро (1856–1924) – 28-й президент США (1913–1921), демократ. В 1918 г. выдвинул программу мира «Декларация Вильсона», известную под названием «Четырнадцать пунктов». В нее входили, в частности, «свобода торговли», «свобода морей», урегулирование колониальных вопросов и др., способствовавшие усилению влияния США после окончания Первой мировой войны, в которую США вступили по инициативе Вильсона.

В каждом народе всегда есть элемент «детства» и святой детскости, – грубого, жестокого, наивного, но доверчивого и ищущего. И эту его тягу ввысь и вверх, все его неизбежные тяготы и бремена, и поиски того, кто бы вывел его из них, повел и помог, – они пытаются заместить самодовольством «сладкого горошка» и культивированием его собственных слабостей и пороков.

Образно выражаясь, можно сказать, что на окна его дома, в которые народ может видеть *небо*, они вешают *зеркала*, в которые он не должен видеть ничего, кроме *самого себя*...

Героя, подвижника, личным напряжением и усилием ведущего и спасающего народ, всегда вдохновленного идеей жертвы и служения, – они всегда старались оттеснить и заслонить, или в лучшем случае «ощипать». Для себя же они придумали звание «народных слуг» и «исполнителей его воли». И как часто здесь совершается тот самый обман, который произошел в известной, поистине символической сказке Пушкина о «работнике Балде»: ибо они нередко «служат» народу так же, как Балда «пронес» лошадь... сев на нее верхом...

Средний человек, если он утверждает свою «средность» как ценную и должную, – не может не бояться и не ненавидеть героя. Для людей с бедной эстетикой и с обильной завистью – герой есть конкурент, помеха и «затмитель»: из-за него можно остаться незамеченным и забытым. Средний человек, которому его собственная бескрасочность не внушает естественного чувства скромности, а «носит» им, как некий единственно приличный современный мундир и даже, как некое идейное знамя, должен чувствовать себя в присутствии героя примерно так, как почувствовали себя два полячка после появления в «Мокром» Дмитрия Карамазова: *не у дел!*...

Нужны ли республике герои? Французская революция, умертвившая короля, королеву и королевство (правда, чтобы создать вскоре империю!), быть может, впервые за все исторически обозримое время создавая *идейно насыщенную и напоенную духом республиканизма* – республику, – та поначалу думала даже, что «республика не нуждается» и «в ученых». Это, конечно, было «некоторое» преувеличение. Но что господствующие идеи современности учат и убеждают, что республика не нуждается в *героях* – это несомненно; они могли бы свободно сказать толпе, что герой – «герой не ее романа...».

Если человек хочет узнать, с кем он имеет дело и даже познать себя, кто он сам, то самым верным способом является осознать и прочувствовать, не что он думает и говорит, а к чему его тянет, что его привлекает и притягивает к себе, что он считает красивым, *какова его «эстетика»*. И вот как раз эстетика подлинного героизма прямо противоположна эстетике «героя современности». К чему копья и шлемы, когда есть векселя и биржа? К чему Наполеон и Великая Армия, когда есть Вильсоны, 11 пунктов⁹⁹ и Лига Наций?!

Так называемая «передовая демократия Европы» ведет сейчас последовательную и упорную борьбу с «военной психологией». Но в чем существо этой борьбы? Есть ли это только борьба за мирный труд, борьба против страшного и кровавого времени, против нового возможного кровопролития, материального разорения, социальных взрывов и культурного оскудения. Если бы мы вообразили, что этот разумный и законный мотив является единственным, – мы бы глубоко ошиблись. Может быть, в гораздо большей степени это есть попытка со стороны довоенных людей произвести некую *духовную и идейную реставрацию*; ибо это есть борьба против всего того, что рождено во время войны и благодаря ей; это есть борьба светской и обесцерковленной Франции с тою Францией, которая пошла во время войны в храмы, фигурально выражаясь, это есть борьба «Комбов»¹⁰⁰ с «Фошами»¹⁰¹. И если

⁹⁹ Так в оригинале; на самом деле было 14 пунктов.

¹⁰⁰ Упоминается «Комба» – одна из патриотических организаций во Франции.

¹⁰¹ «Фоши» – сторонники Фердинанда Фоша (1851–1929), маршала Франции. В Первую мировую войну он командовал

современная Франция по-прежнему празднует, как *национальный* (!?) праздник, 14 июля, то война, быть может, уже возродила и оживила подлинно-национальный образ Жанны д'Арк, – образ не разделения, а единства, образ *национального освобождения*, а не образ взятия пустой Бастилии...

Я мог бы выразить это по-русски именами Златовратского¹⁰² и Гумилева¹⁰³, – не давая какого-либо догматического изложения сущности героизма. Ибо «смазать» противоположность этих человеческих образов невозможно: между ними надо выбирать. Кто теперь читает Златовратского и не знает Гумилева? Но этот вопрос неизбежно вызывает другой, общий: всегда ли живой ткани народной духовной жизни соответствуют те идеи, которые почитаются данной эпохой и входят в ее канон?.. – Можно ответить: почти никогда! Ибо жизнь движется быстрее; идеи консервативнее, чем действительность. Тот, в сущности, довоенный, «антигероический» канон, по-видимому, все еще является официальной «религией»; и в то же время довоенным жрецам уже приходится реставрировать его с огромными усилиями. Он уже не соответствует духу новой современности, он высвобождается из-под него, подобно тому, как живая ткань тела заставляет медленно отсыхать покрывающий ее струп. Ибо дух современности, имея опыт великой войны, не приемлет довоенного «канона», он уже напитан иным пафосом.

Война – это не только бич человечества, наряду с голодом, мором и землетрясением; но это есть то время, когда меркнут «Блоки» и расцветают «Гумилевы»; когда господином положения становится не Парис, а Гектор... Это не только господство грубой силы и злобы, время, когда замолкает поэт и ученый, артист и художник; но это также и время, когда рождается *доблесть и мужество, отвага и честь, любовь и самоотверженность*; – время появления новых людей с новой психологией, тех, кто привык быть хозяином своей жизни и смерти, – «Для кого не страшны ураганы,/ Кто изведаль мальстремы и мель...» – время, когда *рождаются герои*.

Я хотел бы быть до конца понятым. Все здесь высказанное не есть только личное измышление. Я готов утверждать, что так же думают и чувствуют многие и многие, даже безотносительно к странам и национальностям, особенно люди известного поколения: и мои сверстники, и люди моложе меня. В этом смысле все изложенное есть как бы и некое свидетельское показание. Иллюстрируя это русскими примерами и образами, можно сказать, что люди этого поколения, искренно отдавая должное образу честного и либерального председателя земской управы, весь пафос которого исчерпывался «аптечками и библиотечками», впервые *нашли, поняли и до конца возлюбили образ рядового Архипа Осипова*, во всей его патриотической красоте и простоте...

Когда волей истории они, молодыми студентами, или даже юными мальчиками, вошли в казарму, через которую (хвала Богу!) почти все они прошли, – они с удивлением увидели на ее стенах ряд (пусть и лубочных!) картин героического и патриотического содержания. Это было для большинства из них ново... И они прежде всего не могли не задуматься над тем, почему в кабинете их отца висел портрет какого-то господина с бородой, росшей откуда-то из шеи, и почему там не было ни одного из тех, которые висели в казарме, которые говорили о чем-то новом и *совсем другом*...

В своем подавляющем большинстве люди этих поколений дошли до своего мировоззрения и до своей «эстетики», увы, без помощи предыдущего поколения, дошли самостоятельно, сами; они – *самоучки*. В этом, может быть, и их слабость; но отсюда, как всегда это бывает, и твердость их убеждения.

армией, в 1917–1918 гг. начальник Генштаба, в 1918 г. верховный главнокомандующий союзными войсками.

¹⁰² Златовратский Николай Николаевич (1845–1911) – русский писатель, близкий к народничеству.

¹⁰³ Имеется в виду поэт Николай Гумилев (1886–1921).

Все мною сказанное здесь по своим целям не есть скрытая «филиппика» против ортодоксальных идей демократии или завуалированное опорочение республики как *формы правления* – во что бы то ни стало... Но дух, «религия» демократизма и республиканизма – мне действительно глубоко чужды; и притом именно потому, что я воспринимаю этот дух, как *отвращающий взор человека от Бога на небе и от героя на земле*. Я знаю, однако, что среди республиканцев и демократов есть люди, не считающие это ни для себя, ни вообще обязательным. Тем лучше... Моя борьба «не против плоти и крови». Я не сектант. Я сам измеряю те или иные формы только их большей или меньшей способностью вмещать в себя – *дух героизма*, социально облагораживающего и заразительно возвышающего, *дух национального горения, безраздельный пафос Родины, пафос долга и жертвы, водительства и служения*. Люди, единожды ощутившие их и возлюбившие, – до конца дней своих им обречены.

При решении вопроса о форме правления, конечно, огромную роль играют традиции и то или иное отношение к своему историческому прошлому. Но мне думается, что для России вопрос стоит глубже. В тот момент, когда с нее спадет, вернее, будет снята интернациональная кора, – это есть *первая и ничем не заменимая задача*, – встанет вопрос не о форме правления, а о том, чтобы эта форма была наполнена и напоена творческим и творчески-патриотическим содержанием.

Волевая личность, годная и лично-ответственная, способная увлекать и вести, водить, служить, подчинять и жертвовать, все требовать, но и все отдавать – должна быть восстановлена в своих правах. Россия и не освободится и не возродится без героев! Герои нужны ей и для освобождения и для восстановления!

Героизм должен быть введен в государство как некое творческое и животворное начало.

*Н. А. Цуриков*¹⁰⁴

Живой опыт коммунизма (К десятилетию русской революции)

Прошло десять лет с тех пор, как коммунисты начали свой хозяйственный опыт в России. И теперь мы можем подвести трезвые и беспощадные итоги их затее. Впервые в истории человечества был осуществлен такой опыт – с таким зарядом решимости, в таком раз- мере, с таким использованием *всех* средств, с участием знающих и опытных специалистов.

Что дал этот опыт? Чему должны были научиться в нем все русские люди? Какие уроки несет он всему человечеству?

«Старый мир» в России разрушен. Но не восторжествовали ли в этом разрушении, не реабилитированы ли его экономические основы: *частная собственность и свобода хозяйствования*? Удалось ли и может ли удасться создание «нового мира» на противоположных основах? Постиг ли русский народ, пользуясь этим дорогим, но верным способом «наглядного обучения», что есть такие основы хозяйства и права, которые безнаказанно нарушать нельзя? Явится ли это просветленное опытом народное сознание источником будущего хозяйственного возрождения России?

Говоря о том, что пытались создать и чего не создали большевики за эти годы в России, необходимо всегда тщательно различать в каждом отдельном случае, что создано *ими* и что создано или восстановлено *помимо них* и даже *вопреки* им.

¹⁰⁴ Цуриков Николай Александрович (1886–1957) – юрист, выпускник Московского университета, с 1919 г. в Добровольческой армии, с 1920 г. в эмиграции, непредрешиенец и активист. Публиковался в различных эмигрантских изданиях. Переписывался с Ильиным (письма не опубликованы).

Хозяйственная жизнь великого народа не могла остановиться совершенно – как бы ни насилывала ее коммунистическая власть. Нужно было как-нибудь жить, нужно было удовлетворять насущные потребности. Относительно быстрое восстановление сельскохозяйственного производства (в натуральных формах) является в этом отношении особенно показательным. Ясно, что если со времени «нэпа» крестьяне значительно увеличили свои посевы и оправились хозяйственно (по сравнению с голодными годами «военного коммунизма»), то произошло это не только *помимо* власти, но и *вопреки* ей, ибо она не снабжала крестьян, в достаточном количестве, ни сельскохозяйственными орудиями, ни другими средствами производства, ни просто товарами; а если и снабжала, то по чудовищным ценам и плохого, часто негодного качества.

До «нэпа», т. е. до 1921 года, большевики думали осуществить в России коммунистический строй *в полном объеме*. Программа их была такова: «продразверстка», т. е. принудительное и безвозмездное отчуждение у крестьян *всех* продовольственных «излишков»; распределение всех продуктов в городах по карточкам; управление фабриками и заводами при посредстве коллегиальных рабочих органов; безвозмездность государственных и коммунальных услуг (даровой проезд по железным дорогам, даровое пользование почтой, электричеством и т. п.); и все это увенчанное отменой всех налогов и денег! И эту программу большевики осуществляли четыре года на русском опытном поле с настойчивостью и последовательностью маньяков.

Когда этот опыт последовательного осуществления коммунистического (социалистического тож) учения привел к вымиранию миллионов людей от голода в деревне и в городе, к небывалому в истории параличу всей промышленности (в некоторых отраслях ее производство упало до 3–5 % дореволюционного уровня) и всей хозяйственной жизни страны, – тогда большевики не только пошли на «уступки» (нэп!), но и поспешили заявить, что все, что они до сих пор делали, было лишь «военным коммунизмом», что они «вынуждены» были к этим мерам, к этой политике тем, что на всех фронтах шла гражданская война.

В действительности это был вовсе не «военный», а *самый настоящий, последовательный* коммунизм, от которого большевики вынуждены были отречься, ибо не только всей стране грозила гибель, но в общей катастрофе и они были бы сметены изнутри. Пришлось уступать. «Требование свободы торговли вооружило форты Кронштадта», – писала недавно «Экономическая жизнь».

Во всяком случае, важно раз навсегда твердо установить и запомнить, что в 1921–1922 гг. *потерпел крушение не какой-нибудь «военный», а самый настоящий, последовательный коммунизм*.

После этого поражения большевики отступили на свои «командные высоты». Они волей-неволей отказались от мысли насадить коммунизм к 120-миллионной крестьянской массе, но они удержали за собой те экономические позиции, опираясь на которые они рассчитывали построить грандиозную *систему экономической эксплуатации этой крестьянской массы*. Они оставили за собой те *экономические* позиции, без которых они *не могли бы удержать своей политической власти*. Ибо большевицкая власть держится в России десять лет не только террором, но также и тем, что она в исторически невиданных размерах *сумела использовать средства экономического принуждения как орудие политического господства*.

Опираясь на эти тыловые позиции, советская власть стала осуществлять «*куцый*» социализм, поставив себе главными конкретными задачами: 1) подчинение всей хозяйственной жизни страны единому плану; 2) создание нового капитала в порядке «социалистического» накопления; и 3) осуществление на основе этого нового капитала – «индустриализации» страны в американском масштабе.

Все это должно закрепить за коммунистами «русский плацдарм» для подготовки мировой революции.

Итак, первая задача состояла в том, чтобы, опираясь на экономические командные высоты (национализованную крупную и среднюю промышленность, монополию внешней торговли, государственный торговый аппарат и монополию кредита и транспорта) – управлять *всей* хозяйственной жизнью страны согласно *единому*, вырабатываемому в центре *плану* и тем подчинить «анархическую» хозяйственную стихию 150-миллионного народа *единой воле* политической и хозяйственной диктатуры.

Для осуществления этой цели московские советские учреждения, с затратой невероятного количества сил, времени и бумаги, вырабатывают ежегодно народнохозяйственный план, называемый «Контрольные цифры народного хозяйства» на такой-то год; кроме того, недавно закончен разработкой (и уже признан самими большевиками совершенно неудовлетворительным!) пятилетний план, так называемая «пятилетка»; наряду с этим идет разработка такого же плана – уже на... пятнадцать лет...

Впервые детальные «контрольные цифры» были разработаны на 1925/1926 год и опубликование их было торжественно отпраздновано как одно из самых крупных «достижений» последних лет в области социалистического строительства.

«Контрольные цифры» должны были явиться не только «прогнозом», но и «директивой». В развитие их составлялись уже операционные планы по отдельным отраслям хозяйства.

Первые «контрольные цифры» стремились «объять необъятное». Так, они устанавливали общий уровень товарных цен на каждый месяц наступающего года. Устанавливался на год вперед не только точный размер будущего экспорта, но и размеры денежной эмиссии, кредитных операций и т. п.

Но первый же год этого торжества планового хозяйства был и годом первого *планового провала*. Советские планы потерпели жестокое крушение не только потому, что это было покушением с негодными средствами, что планы были составлены *плохо*, но и потому, что хозяйственная жизнь сама по себе такой *рационализации* не поддается. Там, где дело касалось производственных планов *казенной промышленности*, приближение планов к действительности было наибольшим. Здесь вопрос шел лишь об установлении производственной способности фабрик и заводов при данных условиях; о *сбыте* при наличности товарного голода беспокоиться пока не приходилось. Но зато наибольшие расхождения планов с действительностью получались там, где дело шло о планировании таких «стихийных» элементов хозяйства, которые по существу своему вообще планированию не поддаются. В России такова была, конечно, прежде всего, вся область *крестьянского* (теперь фактически совпадающего с сельским) хозяйства. Какие тяжелые разочарования пришлось испытать большевикам в этой области, это они не раз высказывали сами в минуту отчаяния.

Столь же сильные «просчеты» оказались в области внешней торговли, в выпуске денег и в сфере кредита. Это заставило составителей «контрольных цифр» в следующем 1926/1927 году проявить значительно большую умеренность и скромность. Теперь они уже не предсказывают и не предписывают движения цен по месяцам и вообще снабжают свою экономическую астрологию целым рядом оговорок.

Но и в более узкой области своего собственного, казенного, советского хозяйства большевики не могут добиться осуществления и проведения своих планов. Почти каждый день приходится читать о том, что советские планы запаздывают и нередко случаи, когда они утверждаются по окончании отчетного года, при этом они бесконечно переделываются и перекраиваются, и это вносит огромную путаницу и анархию в производство.

Таким образом, в этом основном своем программном требовании – планового хозяйства, *подчинения стихии хозяйственной жизни планам экономической диктатуры*, больше-

вики потерпели самое серьезное поражение. «Жизнь идет мимо нас», – сказал в своей предсмертной речи Дзержинский.

Как неоднократно признавались в этом сами большевики, все советское хозяйство, вся их экономическая система была построена на «проживании», «проедании», «растрате» – таковы их подлинные выражения – полученных в наследство от буржуазного строя, от дореволюционной России капиталов – будь то капитал денежный, или вещный (машины, железнодорожный подвижной состав, дома и т. п.), или «живой» капитал, заключающийся в накопленных десятилетиями знаниях и опыте инженеров, рабочих и т. д.

Еще «контрольные цифры» на 1925/1926 год ставили задачу: «прекратить растрату основного капитала во всех тех отраслях хозяйства, где этот процесс еще имеет место».

Что эта цель и сейчас – в 1927 году – не достигнута, об этом свидетельствует хотя бы передовая «Экономической жизни» от 17 августа 1927 года: «Можно считать установленным, что в течение последних лет транспорт *хронически проедал свой основной капитал*».

Но когда после всех произведенных разрушений большевикам пришлось в интересах самосохранения и удержания власти подумать о *восстановлении разрушенного*, перед ними встал роковой вопрос о необходимости *громдных капиталов, исчисляемых миллиардами золотых рублей*.

Откуда же взять капитал в стране, где не только «растрочен» и «проеден» старый капитал, но где старательно уничтожены самые *побуждения* и отсутствуют *правовые предпосылки* – для накопления *нового* капитала?

Действительно, единственная область, где происходит реальное накопление капитала в советской России, это – сфера крестьянского хозяйства. Но здесь это накопление происходит почти исключительно в формах натуральных (увеличение количества скота, новые постройки и т. п.), а поскольку происходит некоторое накопление и в денежной форме, крестьяне всего менее склонны доверять свои сбережения советской власти. Об этом свидетельствует статистика советских сберегательных касс.

Другой теоретически возможный источник капитала – это сама казенная промышленность. Это то «социалистическое накопление» – о котором так много говорят большевики. Но здесь, как известно, за немногими исключениями, происходит не накопление новых, а растрата старых капиталов.

При таких условиях большевикам ничего не оставалось, как искать *суррогатов накопления капитала*.

Сначала – в 1925/1926 году – они рассчитывали получить большие суммы, необходимые в этом году для восстановления разрушенной промышленности, одним смелым ударом, одной удачной спекуляцией: скупить задешево крестьянский хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, использовать свое монопольное положение на рынке, и продать этот хлеб с прибылью за границей.

Но тут-то на первых порах оказалось, что «регулировать» мужика не так просто. Крестьяне хлеб продавали неохотно: и чтобы побудить их усилить продажу, советским закупочным органам пришлось сильно поднять цены. В результате, вместо *спекулятивного «заработка»* в несколько сот миллионов рублей, пришлось *приплачивать* по убыточному хлебному экспорту.

Тогда обратились к другому источнику – выпуску денег. По тем же «контрольным цифрам» на 1925/1926 год выпуск новых денежных знаков должен был достигнуть за год 830 млн. рублей и дать, таким образом, новые значительные средства на восстановление разрушенной промышленности. Но уже в первые месяцы, когда новая эмиссия едва достигла 200 млн. рублей, обнаружались явные признаки новой инфляции (т. е. чрезмерности выпуска), со всеми ее опасными для советского хозяйства последствиями. Большевикам

пришлось быстро затормозить дальнейший выпуск. Таким образом, и этот суррогат реального накопления капитала не оправдал возлагаемых на него надежд.

Тогда обратились к третьему, наиболее реальному и действительному *суррогату* свободного накопления капитала. Все виды *налогов* – в первую очередь единый сельскохозяйственный налог и все косвенные налоги были резко повышены; и отныне почти вся тяжесть финансирования нового промышленного строительства была перенесена на *государственный бюджет*.

По признанию Рыкова и других большевицких главарей, и этот источник использован *почти до предела возможного*; между тем изношенность старого оборудования фабрик и заводов достигла таких размеров, что и средств, добываемых в порядке усиленного обложения населения, в первую очередь крестьянства, – не хватает.

Таким образом, попытка замены свободного *творчества* и свободного *сбережения*, творческого образования капиталов, которое во всех странах дает средства для восстановления и расширения промышленности, замены их *социалистическими и спекулятивными суррогатами* – потерпела полную неудачу. Этот вопрос и не может быть разрешен до тех пор, пока не будут восстановлены в России хозяйственные и правовые предпосылки накопления капиталов и вообще сбережения: *производительное частное*, а не паразитическое казенно-социалистическое *хозяйство*, и основанный на *частной собственности* прочный *гражданский правопорядок*.

Но далее можно было бы привести сотни свидетельств самих советских хозяйственников, что советская власть и при расходовании собранных денег оказывается *расточителем и скверным хозяином*.

Все эти свидетельства и сейчас покрываются той характеристикой советского хозяйствования, которая более года тому назад была дана Рыковым в бюджетной речи, произнесенной в союзном ЦИКе:

«Капиталист, начинавший лишь свою капиталистическую карьеру, сначала пешком ходил несколько лет, отказывая себе иногда в самом необходимом, а потом уже покупал себе автомобиль, а у нас часто начинают с автомобиля» («Экономическая жизнь» 15 апреля 1926 г.).

За последние два месяца опубликованы результаты целого ряда обследований «капитального строительства», произведенных, главным образом, Рабоче-Крестьянской Инспекцией.

Выводы их – с небольшими отклонениями и вариациями – сводятся к тому, что строительство ведется *нерационально* и *дорого* и что поэтому затраченные суммы не дают того экономического эффекта, который они должны были бы дать в нормальных условиях. И здесь Высший Совет Народного Хозяйства, представляя Совету Труда и Оборона очередной доклад по этому вопросу, счел нужным избрать для него в виде эпитафии слова того же Рыкова, сказанные им почти год тому назад: «Мы строили *не то, что надо, не там, где надо, и не так, как надо*» («Торгово-промышленная газета», 27 июля 1927 г.).

Большевики одинаково не умеют ни создавать новое, ни использовать имеющееся. Безошибочный критерий в данном случае – высокая себестоимость изделий советской промышленности. При этом все категорические приказания и директивы, исходящие из центра, о снижении себестоимости оказываются бессильными и недействительными.

Не скрывают большевики и причин этой высокой себестоимости: «Высокий индекс вздорожания сам по себе обуславливается *скверной работой предприятий*», – читаем мы в передовой «Экономической жизни» от 14 августа с. г. А более глубокая причина этой «скверной работы» советской промышленности заключается, во-первых, в ее *монопольном* положении, при котором исключается важнейший стимул к удешевлению и улучшению производства; и, во-вторых, в замене живительной *частной инициативы и личной ответствен-*

ности предпринимателя инертностью, безличием и безответственностью громадной бюрократической машины.

Таким образом, ни одна из поставленных большевиками задач, в порядке осуществления «куцега» социализма, не была осуществлена. Хозяйственная «стихия» отказывается подчиняться советским планам. В казенной промышленности осуществлению их мешает *бесхозяйственность собственного аппарата*. Проблема замены свободного образования капиталов социалистическими суррогатами оказалась еще менее разрешимой. «Индустриализация» сводится, по утверждению самих большевиков, к *бесхозяйственному распылению средств*, не дающему надлежащего экономического эффекта.

И только в одном отношении – но совсем не «социалистическом»! – большевики имели успех: им, в общем, удалось создать аппарат «перекачки» средств из крестьянского хозяйства в свое, советское хозяйство в размерах, *обеспечивающих непосредственные потребности самой власти*. Достигнуто это было, главным образом, восстановлением *старой* финансовой системы.

Можно было бы привести множество эпизодов из советской печати, подтверждающих, что *живой опыт* коммунистического хозяйничанья или, вернее, советской бесхозяйственности изжит и продуман в России до конца. Иллюзии, если они и были внушены коммунистической пропагандой русским рабочим и крестьянам в первые годы советского господства, выветрились. Истинная сущность советской экономики как системы *небывалой экономической эксплуатации*, ведущейся в интересах *коммунистической партии* и ее *заправил*, выявилась во всей своей наготе.

Но этот опыт, за который заплачено страшной ценой разрушения всего народного хозяйства России, не только отрицательный. Доказательством «от обратного» он выявил и положительную ценность тех основ, на которых будет строиться Новая Россия – и имя которым *частная собственность и свобода хозяйствования*.

В горниле коммунизма народное сознание созрело в ожидании того часа, когда вместе с уничтожением политической власти коммунизма «советское хозяйство» завершит предначертанный ему круг.

*В. Ф. Гефдинг*¹⁰⁵

Часть II

Историческое бремя России

Мужайся, стой, крепись и одолей!
Ф. И. Тютчев

Наша патриотическая скорбь о революционном крушении России не должна оставаться простым, томительным и бесплодным чувством: она должна быть претворена – сначала в историческое *разумение* путей и судеб нашей родины, потом в систему *волевых решений и действий*. Россия ждет от нас не уныния, а духовной зоркости; не утомленной растерянности, а волевой идеи; не обывательских слез, а гражданственных поступков. И главное: непоколебимой веры в духовные силы и в грядущее величие русского народа.

¹⁰⁵ *Гефдинг* Владимир Федорович (литературный псевдоним Василий Федоров, 1887–1959) – ученик П. Б. Струве, экономист, сотрудник всех изданий Струве. Жил в Берлине, в 1945 г. был арестован. В 1948 г. бежал из тюрьмы в Потсдаме и перебрался в США.

Революционное крушение настигло Россию не просто потому, что кто-то из современников «не справился» и «наделал ошибок»; и не только потому, что русская интеллигенция шла сама и вела народ по неверным путям; – но прежде всего потому, что *бремя, исторически возложенное на русский народ, было чрезвычайно велико*. Оно было гораздо более тяжким, чем бремя западноевропейских народов; а сроки, необходимые для того, чтобы управиться с этим бременем, были исторически урезаны и сокращены. На протяжении своей истории русский народ жил в более тяжелых условиях, чем западные народы; его задачи были более велики, сложны и трудны; он сформировался и выступил позднее других народов; его развитие было прервано и задержано близостью к Азии; он с самого начала «опаздывал» и должен был все время «догонять»; и потому его хозяйство, его гражданская цивилизация и его умственная и волевая культура были менее укоренены, менее интенсивны, менее организованы. Народ, духовно одаренный, самобытный и глубокий, *не успел еще* проработать земную кору своего существования, овладеть своей материальной и душевной природой и вернуть свои силы. В этом и состоит основная задача нашего будущего.

Нижеследующие соображения, подкрепленные статистическими данными (в круглых цифрах), должны быть продуманы до конца каждым русским патриотом.

1. Во время великого переселения народов (100 г. до Р. Х. – 1000 г. после Р. Х.) славянские племена пришли в Европу позднее других (в частности, германских) племен, и на долю им достались восточноевропейские земли, гораздо менее благоприятствующие расцвету хозяйственной и государственной культуры.

а) *Климат* Западной Европы – уравновешенный, морской и теплый (влияние Гольф-стрима); страна открыта для западных и юго-западных, теплых и влажных ветров; среднее годовое количество осадков от 60 до 150 см; зима короче и теплее, лето длиннее и менее жгуче; обилие гор и непересыхающих рек; в общем – природа поощряет культуру, не затрудняя человека.

Климат России – неуравновешенный, континентальный и суровый; влияние Гольф-стрима слабо; западные ветры теряют свою влажность; появляются сухие ветры – северные, северо-восточные, восточные; среднее годовое количество осадков от 30 до 60 см, а к востоку ниже 30, чем далее на восток и северо-восток, тем сильнее колебания температуры; зима длиннее и холоднее, лето короче и суше; горы маячат только по краям; равнина не защищена ни от северных ветров, ни от дыхания средне-азиатских пустынь; в общем – природа затрудняет человека и недостаточно благоприятствует развитию культуры.

б) Россия, как страна, есть *огромный массив суши*. Природа лишила ее всех даров *открытого моря*. Правда, на 70 000 км ее государственных границ приходилось 46 000 км морской границы. Однако более половины этой морской линии выходит в Северный океан; Балтийское море и Тихий океан не дают ей незамерзающих портов; а прямых выходов не открывает ей ни Черное, ни Балтийское море. В торговом отношении страна задыхается без моря. Соотношение же береговой линии и размеров территории таково: в Греции – 1:3, в Европе – 1:37, в России – 1:101. Выход к морю есть величайшее и труднейшее национальное задание России. Из всех европейских государств в сравнительно менее благоприятном положении находились разве только Австро-Венгрия и Швейцария.

в) Роковое значение для России имеет *незащищенность ее границ*. Ее равнина открыта для нападений с северо-запада, с запада, с юго-запада, с юга и с юго-востока. Все великое переселение народов шло через ее просторы; и именно на нее обрушилась последняя, *татарская* волна из Азии. Возникая и слагаясь, Россия не могла опереться ни на какие естественные рубежи; она имела только два исхода: *или завоевывать всю равнину* и оружием защищать и замирать свои окраины, *или гибнуть* под ударами восточных кочевников и западных завоевателей. Вот почему наша история есть история непрерывного военного напряжения, история самообороны и осады; от Дмитрия Донского до смерти Петра Великого

Россия провоевала 5/6 своей жизни; издревле русский пахарь погибал без меча, а русский воин кормился косою и сохою. Так возник в России и сословно-крепостной строй – из необходимости *все учесть и все использовать* для обороны страны. История русского народа есть история его *самоотверженного служения*; и забота наших предков была всегда не о том, как *лучше* устроиться или как *легче* прожить, а о том, как вообще прожить, продержаться хоть как-нибудь, справиться с очередной опасностью.

Итак, история возложила на нас борьбу с суровым климатом и природой, и борьбу за открытое море; она затруднила нам борьбу с соседями за наше место под солнцем и борьбу с пространством за естественные рубежи. Этим предопределяется, но далеко не исчерпывается то историческое бремя России, которое от времени до времени (в среднем раз в сто лет) вызывает колебание и смуту в русской душе.

2. Необходимо признать, что хозяйственная, государственная и культурная организация народной жизни тем труднее, чем *больше территория страны* и чем многочисленнее ее население (конечно, при прочих равных условиях): большое государство должно прежде всего подчинить себе *пространство*, эту разбрасывающую, разъединяющую и выводящую из подчинения силу; и затем вовлечь в свою жизнь, – взимая и давая, служа и заставляя служить, обороняя и воспитывая, – несметное множество человеческих душ. Чем обширнее территория и население страны, – тем более укорененным должно быть правосознание, тем более сильной должна быть патриотическая спайка народа, тем более авторитетной и крепкою должна быть волевая сила центральной власти. Малое государство несравненно легче строить, чем большое.

До войны 1914 года Россия занимала свыше 22 млн. кв. км в одном куске без колоний. Метрополии других, важнейших европейских государств составляли: Германия – 540 тыс. кв. км; Франция – 536 тыс. кв. км; Австро-Венгрия – 300 тыс. кв. км; Италия – 286 тыс. кв. км; Великобритания (с Шотландией и Ирландией) – 230 тыс. кв. км; Швейцария – 41 тыс. и Бельгия – 29 тыс. кв. км.

До войны 1914 года население России составляло около 173 млн. людей. Население Германии приближалось к 65 млн.; Франции – к 40 млн.; Австро-Венгрии – к 50 млн.; Италии – к 35 млн.; Великобритании (с Ирландией) – к 43 млн.; Швейцарии – к 3 ½ млн.; Бельгии – к 7 ½ млн.

По массиву своей территории Россия превосходила все государства всего света, и бремя ее было наибольшим. По массиву населения она уступала только Британской Индии (320 млн. людей на 4,8 млн. кв. км) и Китаю (около 420 млн. людей на 8 ½ млн. кв. км).

3. Необходимо признать, что *недостаточная плотность* населения в высокой степени затрудняет дело хозяйственной и государственной организации жизни. Она ведет к тому, что разъединяющая сила пространства ослабляет центростремительную силу национального тяготения; государственная спайка не приобретает настоящей прочности; интенсивное хозяйство не слагается; торговый оборот является вялым; культура проникает медленно и быстро выветривается (срв. Германию в начале XIX века).

Данные о плотности населения приведены в первой книжке «Русского Колокола». Достаточно сказать, что Европейская Россия с ее 25 жителями на 1 кв. км занимала в Европе 20-е место; меньшей плотностью обладали в Европе только Швеция (12 чел. на 1 кв. км), Норвегия (7), Андорра (11) и малообитаемые острова. Наибольшую плотность в Европе имели Бельгия (253), Голландия (176), Великобритания (145) и Германия (120).

4. Далее, надо иметь в виду, что государственное и культурное строительство бывает тем труднее, чем разнообразнее и пестрее *национальный состав* государства; и, наоборот, – тем легче, чем более расовой единственности и племенного единения в народе.

Нация определяется: расой и племенем (кровь); родным языком; религиозным укладом души; историческим самосознанием, вынесенным из прошлого; и вырастающей из всего этого духовной культурой.

В смысле *племени* Европа знает страны с совершенно однородным населением германского племени – Швеция, Норвегия, Дания, Голландия. Сравнительно однородны также романские государства – Франция, Италия, Испания, Португалия. В Англии 89 % составляют англосаксы и 11 % кельты. В довоенной Германии имелось 92 % германцев, 6 % поляков и 2 % датчан, французов и евреев. В Австро-Венгрии насчитывалось 46 % славян, 25 % германцев, 18 % венгров, 7 % румын и 2 % итальянцев. Ни одна страна не имела той расовой и племенной пестроты, какую имела Россия (см. первую книжку «Русского Колокола»). В настоящее время Академия наук насчитывает до 165 народностей, живущих в России.

Так же обстоит дело и с родным *языком*. В довоенной Европе наибольшей пестротой языка отличались Австро-Венгрия; Швейцария, в которой 70 % считали родным немецкий язык, 22 % – французский и 7 % – итальянский; и Бельгия, где 41 % населения говорит на фламандском языке, 37 % – на французском и 12 % – на обоих языках.

В деле *религии* государства Западной Европы почти свободны от нехристианского элемента: так, Болгария насчитывала турок и евреев 1,5 %; Германия насчитывала евреев и «внеисповедных» 0,8 %; Франция – 0,15 %. В России же насчитывалось почти 16 % нехристиан: 4,2 % евреев; 11,1 % магометан; 0,3 % буддистов и ламаистов; и 0,2 % иных.

Ясно, что во всех этих отношениях историческое бремя России было *наибольшим*.

5. Установим, наконец, что в каждом государстве национальная, хозяйственная, правовая и умственная культура должна была и могла проникнуть тем глубже в народную толщу, чем *более времени прошло с последнего переселения народов*. И обратно: чем короче срок, протекший после вторжения пришельцев, тем труднее и неблагоприятнее положение всей национальной культуры.

Уже к *концу VIII века* в Западную Европу вторглась вся основная масса переселявшихся народов (готов, гуннов, бургундов, аллеманов, франков, вандалов, лангобардов, баваров, аваров и славян); это были не кочевники, а оседлые народы, искавшие себе места и оседлости и добивавшиеся у римлян именно прочного поселения. Два, три века продолжалась еще борьба с ними; племена рассаживались, утрясались, принимали христианство, ассимилировались и замирялись (эпоха Карла Великого, конец VIII и начало IX века). В IX и X веках Европа боролась еще с *норманнскими* вторжениями. В конце X века Испания пережила нашествие *мавров*. В XI веке норманны завоевали Англию. И тем не менее в общем процесс нового национального формирования, необходимого для культурного строительства, ведет в Европе свое начало от IX века. При этом великое переселение народов не сломало, а *породило* и *оплодотворило* этот процесс: новые нации и новые культуры родились из него и *благодаря* ему. Совсем иначе обстояло в России.

За IX, X, XI и XII века восточное славянство успело расселиться, утрястись, противостоять кочевникам, принять христианство, заложить основы государственного быта и правопорядка и приступить к созиданию той дивной и самобытной культуры (религиозный быт, школа, дружина, песня, былина, живопись, архитектура, летопись, право), следы которой уцелели донныне и донныне волнуют душу своею духовною – христианскою и общечеловеческою значительностью. Вторжение татар началось в XIII веке, с 1237 года; это были не оседлые племена, а кочевники; они грабили, разрушали и жгли; они пришли на готовую завязь культуры и *на три четверти смыли ее*; они облагали данью и уходили, с тем чтобы прийти опять и закрепить огнем и кровью свое иго. Татарское иго длилось формально 250 лет. Куликовская битва (1380) не покончила с ним; за нею последовал еще век погромов: 1381 (Тохтамыш), 1395 (Тамерлан), 1408 (Едигей), 1430 (Махмет), 1445 (Махмет), 1451 (Мазовша) и т. д. Иоанн III сверг иго, но не избавил Русь от татар. Последний раз Москва была сожжена

при Иоанне Грозном в 1571 году крымским ханом Девлет-Гиреем и обложена Казы-Гиреем в 1591 году.

Здоровый рост и развитие России были прерваны и искажены татарским игом и задержаны им не менее чем на 300 лет. Героический отпор, которым мы встретили татар, *не избавил от ига Россию, но спас от вторжения Западную Европу*: ее спокойный рост был огражден и обеспечен несчастьем и страданиями русского народа. С тех пор вся история России состояла в том, что она *отстаивала* свою самобытность от вторжения обогнавших нас западных народов и *догоняла* их в деле цивилизации и культуры. Все великие русские люди понимали, что если мы не «догоним» Запад, то *мы будем им завоеваны и поработены*. И события последних лет были столь тягостны для России именно потому, что в данные нам исторические сроки догнать западную цивилизацию нам еще не удалось.

Правда, России удалось достигнуть очень многого в эти урезанные сроки. Так, крепостное право, отмененное в Германии всего лишь в 1809–1832 гг. на условиях весьма невыгодных для крестьян, было отменено в России через 50 лет (1861) на условиях несравненно более благоприятных («Русский Колокол» даст об этом особую справку). Так, Италия создала свой первый университет в XI веке, т. е. через два или три века после переселения народов; а Германия – в XIV веке, т. е. почти через шесть веков после побед Карла Великого. Россия же основывает свой первый университет всего через 275 лет после того, как Иоанн III растоптал регалии татарского хана. Так, первая железная дорога в России (между С.-Петербургом и Царским Селом) была построена в 1838 году, всего через 13 лет после открытия первой железной дороги в Англии; а к 1914 году общее протяжение железнодорожной сети в Германии и в России было приблизительно одинаково. Однако размеры России требовали, чтобы это протяжение было не «одинаково», а в 12 раз больше, чем в Германии.

Все эти достижения России¹⁰⁶ при всем их размере, при всей даровитости русского народа и при всех его напряжениях, – обнаруживали всегда ее *сравнительную отсталость*, в которой никто не «виноват», но которая определяется всецело *данным нам историческим бременем*.

Для того чтобы справиться с этим бременем, России нужно время, воздержание от войн и внутренний расцвет на основах религии, просвещения, правопорядка и свободной собственности.

Редакция

Русская эмиграция в цифрах

Трудно сейчас найти страну, в которой бы не находилось «в рассеянии сущих» или «неукротимых», как назвала русских беженцев в своей великолепной книге наблюдавшая их в Константинополе писательница-англичанка. Об их повсеместном распространении показательно говорит хотя бы то, что международное соглашение относительно предоставления русским эмигрантам особого удостоверения для проживания за границей принято сейчас 49 государствами из общего числа немногим свыше 50 в обоих полушариях. И все-таки даже столь невиданного количества подписей под международной конвенцией оказалось недостаточно. На днях об этом напомнил один из «неукротимых», удачно устроившийся в далеком Гондурасе, возбудив ходатайство о выдаче ему беженского паспорта. На его беду оказалось, что у Гондураса до сих пор не было оснований интересоваться упомянутой конвенцией. Все почти остальные цивилизованные страны, очевидно, уже имели дело с такими ходатайствами, иначе им было бы ни к чему вводить у себя беженские удостоверения.

¹⁰⁶ К их статистической характеристике «Русский Колокол» будет постоянно возвращаться.

На вопрос об общей численности русского рассеяния точного ответа дать нельзя. Нет такой статистики, которая бы позволяла произвести *точный* их учет. И не может ее быть, пока не существует единого формально однообразного признака беженства (беженские удостоверения не везде обязательны); пока и эмигранты и власти в некоторых случаях заинтересованы не давать ясного ответа на подобный вопрос.

Но существует ряд довольно надежных данных, позволяющих все же составить верную общую характеристику эмиграции. Самыми свежими и достоверными из них являются те, что собраны беженской секцией Международного бюро труда на основании особой анкеты, на которую большинство правительств сообщило цифровые данные по ряду пунктов.

На основании этих данных, приведенных в последнем докладе верховного комиссара по беженским делам Лиге Наций и дополненных некоторыми подсчетами с мест, численность и расселение эмигрантов по странам в настоящее время таковы:

107

Страны	Всего русских беженцев	В том числе:		Учащихся в вузах
		безработных (к труду способных)	безработных (к труду не способных)	
Австрия	2465	250	320	50
Англия	3000*	—	—	—
Бельгия	5000*	—	—	—
Болгария	26 494	5500	3838	256
Венгрия	5294	—	1901	71
Германия	150 000*	—	—	—
Греция	2075	881	134	25
Дания	300*	—	—	—
Испания	500	—	—	—

¹⁰⁷ Все данные, отмеченные звездочкой, приблизительны. В главных странах расселения беженцев (Германия, Франция, Бельгия) правительственные власти сообщили все-таки данные о беженцах, в некоторых других странах они оказались не в состоянии сделать это. Румыния ограничивается упоминаниями, что у нее имеется беженцев «несколько десятков тысяч», — не приводя никаких пояснительных сведений. Кроме того, надо иметь в виду, что некоторое количество тех, кто в общепитии слышит «русским беженцем», формально относится к числу армянских (всего около 170 000 не включенных в таблицу), для которых установлено совершенно сходное, но особое удостоверение. «—» означает, что данных нет.

Италия	1154	427	203	71
Китай	76 000	17 000	10 917	380
Латвия	40 000	3000	11 500	25
Литва	10 000	1500	3500	140
Польша	90 000	40 000	—	108
Королевство С.Х.С.	3000	2870	538	—
Финляндия	18 000	4000	6000	1130
Франция	400 000*	—	—	—
Швейцария	2268	—	220	—
Швеция	1000*	—	—	—
Чехословакия	30 000	3600	4500	6500
Всего русских беженцев, включая и другие страны	919 000*	99 706	47 000	14 000

В общем, можно установить, не впадая в большую ошибку, что всего по белу свету в настоящее время беженствует около *миллиона* душ, не по своей воле оторвавшихся от России. Среди них насчитывается около 22 000 студентов (14 000 учащихся еще и свыше 7500 окончивших уже высшую школу за рубежом).

Распределение эмигрантов по отдельным странам носит, конечно, временный характер, хотя и менее случайный, чем в первые годы. Главным приемником беженских волн после Германии и Константинополя оказалась теперь Франция, где, можно думать, большинство оседет. После критических 1922–1923 годов, когда в Константинополе, а потом на Балканах образовались пробки, – распределение эмигрантов в последние годы идет медленнее. Ему препятствует экономический кризис Европы. Иначе бы русским, показавшим себя повсюду с хорошей стороны и огульных упреков нигде не вызвавшим, было бы много легче обосноваться. За океан пока удалось перебраться сравнительно очень немногим. На первом месте по числу беженцев стоят там Аргентина, Парагвай и некоторые западные штаты Северо-Американских Соединенных Штатов.

Трудна, непосильна для слабых борьба за устройство на чужбине. Но зато велик тот жизненный опыт, который однажды принесут на родину сильные, одолевшие в этой борьбе. А их сотни тысяч, – даже если увеличить в несколько раз приведенную выше, заведомо уменьшенную, цифру не способных к труду.

*Б. А. Никольский*¹⁰⁸

О признании советской власти (Правила и советы)

Вопрос о признании советской власти – не новый вопрос: он встал перед сознанием каждого русского гражданина с самого момента октябрьского переворота в 1917 году. С тех пор прошло десять лет. За эти десять лет природа советской власти, сущность ее целей и ее

¹⁰⁸ *Никольский* Борис Александрович (?–1969) – был финансовым атташе при российском посольстве в Стокгольме, в эмиграции проживал в Женеве, где сотрудничал с Русским трудовым национальным движением, работал в Лиге Наций, друг Ильина, распространял со своей дочерью бюллетени Ильина «Наши задачи».

образа действий проявились с полной и окончательной наглядностью. И теперь, когда и в Западной Европе начинают верно понимать и оценивать это явление, – русскому человеку трудно и стыдно ссылаться на свою «неосведомленность» и «непонимание». Мы можем отпрапляться от того, что *все русские* (за исключением детей) *знают и понимают* природу советской власти (*обязаны* знать! *не смеют* не понимать!); и все же мы считаем необходимым практически допустить возможность того, что *есть* люди не все знающие или не все додумавшие до конца (особенно среди наивных «возвращенцев»). Для бесед с ними, а также для борьбы со всевозможными соблазнителями – большевиками, «сменовеховцами», «засыпателями рва», членами «республиканско-демократического объединения» и другими недругами национальной России, – считаем полезным высказать следующие разъяснения, обобщения и советы.

1. Понятие «*признания*» может употребляться в *нескольких различных значениях* (не менее чем в четырех) и все соблазнители пользуются этим обстоятельством для своего дела. Так, слова «я признаю» могут означать следующее:

I. Я считаю, что ты в действительности существуешь, *как факт*: действуешь, посягаешь, называешь себя «всесоюзным правительством», собираешь налоги, мучениями и страхом навязываешь свою волю русскому народу и стараешься использовать все его силы для осуществления мировой революции; или –

II. Я считаю тебя *субъектом права*, который за совесть чтит законы; который добросовестно желает соблюдать свои обязательства, уважает чужие права и не считает, что «все дозволено»; с которым поэтому имеет смысл заключать договоры и распределять права и обязанности; или же –

III. Я считаю тебя *законною властью моей родины*; властью, которая добросовестно служит национально-патриотической цели и для которой благо России есть действительно высшая цель; именно поэтому я могу, я хочу, я обязан *поклониться тебе в верности перед лицом Божиим* и перед лицом *моей совести* (присяга!); я обязуюсь в случае надобности умереть за тебя и за торжество твоего дела (воинская повинность!).

В первом смысле – «ты еси факт» – *весь мир* вот уже десять лет «признает» советскую власть: одни наблюдают этот факт; другие борются с ним; третьи поддерживают его; четвертые – наши братья в России – *вынуждены* даже исполнять предписания этой власти и от времени до времени (анкеты!) свидетельствовать ей о своем повиновении и, может быть, даже – о «сочувствии».

Во втором смысле – «ты еси субъект права» – советская власть «признана» целым рядом государств, которые с тех пор постоянно имеют возможность на суровом опыте проверить, действительно ли она чтит за совесть законы международного и торгового общения, отвергает ли она *вседозволенность*, уважает ли верховные права признавших ее правительств и т. д. На самом деле советская власть с самого начала всю свою теорию и практику *отрицала право и правосознание*; вся ее работа направлена на то, чтобы побудить к этому и другие народы; причем она всегда открыто высказывала это. Сев<е-ро>-Амер<иканские> Соединенные Штаты поняли это давно; Англия постигла это на опыте недавно.

В третьем смысле – «ты еси законная патриотически-национальная власть моей родины» – советская власть не может быть «признана» ни одним русским человеком, и притом потому, что она *сама открыто* отрицает и свою *законность*, и свою *патриотичность*, и свою *национальную* природу. Поэтому тот, кто говорит о таком своем признании, – тот лжет и притом лжет заведомо; и всех таких «признавателей» советская власть всегда *презирала* и издевалась над ними, называя их в глаза лжецами.

2. Советская власть добывается от русских людей совсем иного «признания» (четвертое значение): стать *ее* «гражданином» значит *отречься от родины и национальности* (интер-

национализм), *отречься от Бога* (атеизм), *отречься от духа, от совести и чести* (материализм), *отречься от принципа собственности* (коммунизм) и *посягнуть на эти начала во всем мире посредством пропаганды, подкупа, лжи и террора* (революционность).

Именно поэтому обязательство «всеми силами содействовать распространению мировой революции» было включено в устав всех советских профессиональных союзов; а в красноармейской присяге говорится об обязательстве не щадить «самой жизни» за дело «социализма», «братства народов» и «освобождения всех трудящихся».

Посему «признающий» советскую власть – или *лжет* себе, Богу, людям и коммунистам; или *отрекается* от Бога и родины и *посягает* на всю мировую духовную культуру.

3. Во всех возможных спорах советуем прежде всего устанавливать, *понимают ли* присутствующие, что значит «признать» советскую власть.

Если они *не* понимают, то надо разъяснить, что признающий – или ставит себя в глупое положение заведомого и презируемого лжеца, или добросовестно обязуется служить делу безбожия и мировой гибели.

Если же присутствующие понимают смысл своего поступка и уже примирились с ним, то советуем *спора не продолжать*: это – люди, уже соскользнувшие в пропасть, и если они могут поумнеть, то только от личного опыта страданий и унижений. Их не следует отговаривать от возвращения в Россию; напротив, пусть они не засоряют собою рядов патриотической эмиграции, пусть скорее идут навстречу своей судьбе.

4. Русским людям, *еще не поддавшимся* соблазну, необходимо разъяснять и сообщать еще следующее:

а) Нелепо думать, что «сильный всегда прав». Насильник, обидевший ребенка, заслуживает строгой кары, а не сочувствия; римские власти, убивавшие христианских мучеников, творили злое и бесцельное дело; татары, терзавшие Русь 350 лет (1237 г. битва на Калке – 1591 г. обложение Москвы Казы-Гиреем), заслуживали меча, а не «признания»; люди, похищающие девушек и продающие их в дома разврата, заслуживают виселицы. Только *низкие* натуры «сочувствуют» всегда «победившему». Право *никогда* не родится из голой силы, но всегда из *правовой совести* (правосознание), *поддержанной силою*. Благородный побеждает уже одним тем, что он прав перед лицом Божиим: сила же придет к нему, *когда он создаст волевую организацию*.

б) Нелепо думать, что «долгий срок делает любую власть государственною». В жизни великого народа десять лет есть не «долгий», а весьма короткий срок; это всего одна четверть срока, необходимого для смены одного поколения. Срок сам по себе не создает ни права, ни государства: давнишний разбойник – есть лишь *закоренелый* разбойник, а не честный гражданин; давнишний тиран – есть лишь *ловкий* тиран, а не законный правитель. Власть становится *государственною* – через свою *преданность родине*, через *отказ от партийного интереса*, через *насаждение правопорядка*, через свою *законную форму*, через *признание ее за совесть со стороны правосознания граждан*.

с) Нелепо думать, что «большой размах и большая территория делают власть национальною». Злодейство, принявшее мировой размах, – не создает ни родины, ни государственности; неприятель, оккупировавший на войне большую территорию, не есть тем самым национальная власть. Национальная природа власти определяется не размахом и не территорией, а тою *целью*, на которую направлены ее усилия. Власть, *высасывающая русского крестьянина, русского рабочего и русскую интеллигенцию ради добывания средств на мировую революцию* – *никогда национальною не будет*.

д) Кошунственно думать, что «все совершающееся на свете совершается по воле Божией». Это значило бы утверждать, что все человеческие злодейства совершаются по воле Божией – все предательства, замучивание героев, всякое кошунство, разращение детей, ложь, разврат и насилие. Если сатана захватил власть, то это совершается не *волею* Божиею,

а попущением Его, и это попущение *возлагает на нас прямую задачу борьбы с сатанинской властью.*

е) Нелепо говорить, что «отрицающий *советскую* Россию отрицает и *самую* Россию». Мы отвергаем не Россию, а *коммунистические советы* в России. Россия дорога нам и в беде, и в стыде, и в страданиях, и в соблазнах; но именно поэтому мы хотим освободить ее от беды, от стыда, от соблазна и страданий. Отец отвергает не «больную дочь», а *болезнь дочери*; и потому *лечит* ее. Сын пытается устранить не «огорченную мать», а *горе* матери; и потому заботится о ней и утешает ее. Именно борясь с советскою властью, – самую борьбу нашу – мы бережем Россию.

5. Всем *наивным* возвращенцам и колеблющимся от слабости – следует указывать и разъяснять следующее:

а) всякий эмигрант, открыто возвращающийся в Россию из эмиграции, должен быть твердо уверен, что он значится в скорбных листах большевицкой полиции;

б) по прибытии в советскую Россию он окажется, таким образом, в положении человека, который, отдавшись во власть коммунистам, сам на себя подал им донос о своей политической неблагонадежности; он не должен сомневаться в том, что такой донос будет непременно и всюду использован большевиками;

с) поэтому он не сможет ни служить русскому делу, ни бороться за него; как патриот он будет там бессилён, бесплоден и не нужен; коммунисты – или *замучают* его, заставляя его в доказательство его верности служить им в доносчиках, или же *замучают* его за то, что он не захочет нести такую службу; в обоих случаях *скорый расстрел будет для него лучшим исходом*;

д) и при всем том возвращающийся самым возвращением своим выдает коммунистам публичное удостоверение в том, что они «исправились» – ибо к ним можно вернуться, – себе же он обеспечивает навсегда волчий паспорт в ГПУ.

В итоге: себе – унижение и гибель; людям – ложь; коммунистам – прямая помощь.

6. Во всех этих спорах мы должны всегда иметь под рукою конкретные данные и статистические материалы для наглядного обличения советской власти: по вопросам Церкви, хозяйства, народного образования, суда, о беспризорных детях, о терроре и о коммунистической пропаганде. Редакция «Русского Колокола» будет систематически сообщать эти данные во втором отделе журнала.

7. Мы должны также помнить, что тяга к «признанию» советской власти проистекает нередко не из логических ошибок мысли, а из смутных душевных настроений, которые отчасти являются естественными и понятными (например, тоска по родному быту, по родным, наивная доверчивость, отсутствие непосредственного опыта в советской России). Всему этому следует противопоставлять здоровые духовные мотивы – углубленный патриотизм, религиозное осмысление событий, повышенную нравственную зоркость, чувство личной чести и ответственности, чувство национального достоинства и показания правовой совести.

Труднее бороться со слабостью воли, общей усталостью и проистекающими отсюда унынием и безразличием. Здесь необходимо *укрепление характера, религиозное сосредоточение* и создание *общей доброй и деловой атмосферы*. Решающее значение могли бы здесь иметь кружки для духовного общения и самообразования и подготовительные работы по созданию будущего русского патриотического ордена.

Только наличность у «возвращенцев» полной беспринципности, моральной тупости, циничного карьеризма и прямой тяги к большевицкой вседозволенности может заставить нас сложить оружие и прекратить нашу белую работу по отношению к таким людям. Таких людей следует уговаривать *как можно скорее и ценою любых подписок возвращаться в Россию.*

И. А. Ильин

О сопротивлении злу силою (Для памяти)

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Евангелие от Иоанна. 15, 13

Ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, – как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии.

Первое Послание ап. Петра. 2, 15–16

Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее: ибо начальник есть Божий слуга тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся: ибо он не напрасно носит меч; он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое.

Послание ап. Павла к Римлянам. 13, 3–4

Кто защитит обиженного, тот поборником себе обретет Бога.

Исаак Сириянин

Ты не участвовал в дерзости виновных? Хвалю это и одобряю; но ты не воспрепятствовал тому, что случилось, а это достойно осуждения. Такие же слова мы услышим и от Бога, если будем молчать в то время, когда против Него раздаются хулы и поношения.

Св. Иоанн Златоуст

Ибо ревность по доме Твоем снедает меня и злословия злословящих Тебя падают на меня.

Псалтирь. 68, 10

Живите мирно не только с друзьями, но и с врагами; однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими.

Св. Феодосий Печерский

Ревность есть не что иное, как глубокая любовь в сердце человека справедливого, который не остается бездеятельным, но постоянно стремится к устранению всего того, что он находит несоответственным славе горячо любимого им Господа.

Савонарола

Все великое в мире совершилось через страсть, когда личность жертвовала собою до конца.

Гегель

Часто совершает несправедливость и воздерживающийся от какого-либо действия, а не только действующий.

Марк Аврелий

Кто не наказывает зла, тот приказывает, чтобы оно совершалось.
Леонардо да Винчи

Потворствовать греху есть то же преступление;
Карая одного, спасаю многих я.

Пушкин

Когда милосердие не действует, то строгость тоже есть милосердие.
Лесков

Прося за недостойного, ты поступаешь бесчестно.
Публий Сириец

Вора помиловать – доброму погубить.
Русская пословица

1928

№ 3

Я задремал, главу понуря; И прежних сил не узнаю... Дохни, Господь, живящей бурей
На душу сонную мою!

Как глас упрека, надо мною Свой гром призывный прокати, И выжги ржавчину покоя,
И прах бездействия смети! Да вспряну я, Тобой подъятый, И, вняв карающим словам,
Как камень от удара млата, Огонь таившийся издам!..

А. К. Толстой

Часть I

Победит правое дело

Сколь бы ни было вам трудно в жизни и тяжело на душе, – вам, беззаветно любящим Россию, – верьте: *победит правое дело!* И потому никогда не смущайтесь засилием зла: оно временно и преходяще. Но ищите прежде всего и больше всего *правоты*: только она воистину *жизненна*; и только в ней зародится и из нее восстанет *новая сила*, ведущая, спасающая и направляющая...

Победит правое дело. Это совсем не означает, что оно ограждено от земных неудач, от временных испытаний, от периодов, сочетающих подлинное страдание с видимым унижением. Нет, все это не только возможно, но прямо неизбежно.

И неисчислимое множество раз люди, идущие по правому пути, явно страдая и по видимости униженные, молились и еще будут молиться вослед за Сыном Божиим – и о том, чтобы чаша сия миновала их, и о том, зачем покинул их Господь... Но именно в этих молитвах – *после Голгофы* – всегда будет жить глубочайшая уверенность, что *правоте суждена победа* и что в зримом «умирании», в «явной» неудаче – незримо готовится и творится *воскресение*.

Да, носителям верной идеи и правого дела суждены часы неудач и страданий. Но все эти неудачи и страдания образуют лишь *чистилище* для *будущего подвига*, лишь *школу грядущей победы*. Ибо никто из людей не готов к подвигу от самого своего рождения; но всякий нуждается в долгом искусстве, в испытании и закалении. И среди других народов, быть может, больше всех нуждаемся в этом закалении мы, русские, – с нашей бесхарактерной страстностью и с нашей мечтательной беспечностью. В этой бесхарактерности и с этой беспечностью, в хаотическом смешении добра и зла – *нельзя было далее строить Россию*: ни ее Церковь, ни ее государство, ни ее хозяйство, ни ее духовную культуру. Война и революция с наглядностью доказали это; и доказав, ввели нас в период суровых испытаний и нещадного закаления.

Вот уже десять лет длится этот период. За это время нам было показано обнаженное зло для того, чтобы мы обратились к Богу. Нам были явлены бессовестность и бесчестие для того, чтобы мы утвердились в совести и чести. Из нашей среды выделились величайшие в мире предатели для того, чтобы мы сами укрепили свою верность. Мы переживаем неслыханное бесправие и порабощение для того, чтобы научиться ценить справедливое право и верную меру свободы. У нас отняли всякое имущество и ввели коммунизм для того,

чтобы мы поняли необходимость собственности, ее смысл и предназначение. У нас погасили семью и родину, у нас извратили естество солдата и армии для того, чтобы мы постигли святость очага и Кремля, и священный смысл воина. В нищете и черной работе, в уплотнении, в ссылке или изгнании, окруженные соблазнами и опасностями – выстрадаваем мы *новое восприятие Бога, новое национальное самочувствие, новый уклад характера, новое правосознание, новое отношение к армии и к собственности*. В этом великий смысл нашего испытания и закаления. В этом наше служение России – и внутри, под ярмом, и вне страны, в зарубежном рассеянии. Мы должны принять эту чашу и испить ее до конца; мы не смеем молиться, чтобы она миновала нас; и мы должны быть твердо уверены, что на этом пути *мы не покинуты Богом*.

Дело не в том, кто сейчас временно одолел; а в том, кто *прав* по самому существу, перед лицом Божиим. Ибо существенная правота – верна не только на небе, но и на земле; она не есть отвлеченная от жизни и ненужная миру «праведность»; но она есть *необходимая миру творческая жизненность*; она источник не слабости, а силы, не поражения, а победы.

Дело обстоит не так, что миру нужен изворотливый инстинкт, не ведающий добра и зла, а дух – миру не нужен. Напрасно думать, что «добродетель мешает жизни», что «честность есть достояние глупцов», что «святость есть проявление слабости», что «сила всегда на стороне беззастенчивого порока»... Нет. Инстинкт без духа есть разнуздание и извращение, раздор и гибель. Гнусна и обречена та жизнь, которая видит в добродетели помеху. Отнимите от ума честность, и ум станет подлой, растленной хитростью, любимым орудием глупца. Святость всегда была великим источником *жизнеустроения*, зарядом творческой энергии. А беззастенчивый порок может импонировать только *слабым* людям: ибо только они воображают, будто разнуздание инстинкта делает человека сильным; и именно потому они, вяло мечтая разнуздать свою слабость, – идут в узду к беззастенчивым и в ярмо к порочным...

На самом деле все обстоит как раз обратно: земная жизнь невозможна без преданности, без верности и без благородства; честность есть опора и проявление настоящего ума; и права была древняя мудрость, утверждавшая, что всякий город держится своими праведниками. *Совестный человек есть очаг жизненного здоровья* и жизненной силы, ибо он излучает из себя *душевное равновесие и справедливость* и сосредоточивает на себе всеобщее *уважение и доверие*. Напротив, злодей всегда будет началом общественно-организационного распада: ибо честные ненавидят и презирают его; соперники начинают ему подражать, а слабые вступают на путь пресмыкательства. Вот почему *правое дело* всегда имеет в самом себе залог своего будущего роста и расцвета; а *неправое дело* остается всегда внутренне обреченным. Ни в личной душе, ни в общественно-государственном деле – *реальное, жизненное творчество не терпит злодейства*...

Злое начало *не жизненно*, ибо оно *безблагодатно и богоотверженно*; и его мнимое «творчество» есть на самом деле *разложение*. Оно таит в самом себе, в своей душеразрушительной и духорастлевающей порочности – зерно гибели. Раскрываясь, оно само день и ночь работает над приближением и ускорением своего конца; и чем ожесточеннее его напор, тем вернее и тем позорнее будет его конец. Может ли быть иначе?

Что создано на свете злобою, ненавистью, ожесточенной свирепостью? Ничего. – От злобы душа каменеет; от ненависти она слепнет; свирепость раскалывает душу и истощает ее. И вот, власть, проповедующая злобу и насаждающая ненависть, – истощает и растрачивает энергию *своего собственного правящего слоя* и сама себе готовит озлобленного и свирепого мстителя.

Какой общественный строй может держаться на классовом своекорыстии, на жадной склоке, на проповеди мирового грабежа? Такая власть, *развязывая порочного лентяя и запугивая трудолюбивого* – мертвит жизнь страны и сама себя подрывает.

Зависть не строит, а губит и разрушает. Ложь накапливает разочарование и презрение. Насаждающий сыск и предательство сам будет однажды предан. Насилие взывает к противонасилию. А безбожие всегда вело массу только к бесстыдству и вседозволенности: и в этом его рок.

В чем же может выразиться «победа» злого начала? Только во всеобщем душевном, государственном и хозяйственном распаде. Но распад есть именно не здоровье, а зараженность и болезнь; не победа, а поражение.

Только правое дело – творчески жизненно! *Победить может только правда.*

И потому там, где мы видим «победу» злого начала, мы говорим об обманчивой видимости, о временном засилии, скрывающем подлинную и обреченную слабость. Мы не отрицаем исторически данного факта; но мы отрицаем его творческую, его плодотворность, его *жизнеспособность*; мы отрицаем его *благодатность*, а потому мы не верим ни в его силу, ни в его *грядущее*. Мы признаем, что в час всенародной смуты может возникнуть злое засилие. Но мы утверждаем, что оно продержится лишь до тех пор, *пока в душе народа не зазвучит зов и звон благодатных сил духа*: религиозного патриотизма, национального единения и самоотверженного служения...

Тот, кто ищет настоящей и подлинной победы, *победы от благодати*, а не от коварства, предательства и насилия, – тот должен идти по белому пути: сначала утвердить в себе *религиозно-верное волеуправление*, этим *обеспечить себе немнимую, непреходящую победу*, и потом *накапливать для нее земные силы*. Да, жизнь изобилует такими положениями, в которых следует становиться на сторону *временно-слабейшую* и идти по линии *наибольшего сопротивления*, по такой линии, видимая, земная перспектива которой не сулит ни легкого, ни быстрого успеха. Почему? Потому, что именно эта линия *ведет дело Божие на земле*; и потому, что все остальные линии *исключают победу по благодати*.

Пусть твердят нам, что черный вихрь истории будет еще долго бушевать над Россией... Мы отвечаем уверенно и спокойно: он будет бушевать лишь до тех пор, пока не проснутся в душе нашего народа благодатные силы его духа. Но пусть не пугают нас сроками: что есть срок, когда смерть всегда сторожит каждого из нас у порога? что есть срок, когда подлинная победа религиозной и национальной России уже обеспечена нашей верностью, нашей идеей, нашим служением, – нашим *знаменем*, *не нами* воздвигнутым и *не нами* освященным? и что есть срок десяти лет в тысячелетней жизни великого народа?

Прежде всего и больше всего мы должны искать *правоты*; в ней – *сила*; и сила соберется под ее знамя. Надо *служить делу Божиюму, не кривя, не торгуясь и не исчисляя Божиих сроков*. И верить: проснется здоровая духовная глубина России, умолкшая от военного утомления, замутившаяся в революции и засыпанная мусором пропаганды. Проснется, и застанет, и замолится о том, о чем стонут и молятся наши души уже десять лет. И тогда наш народ поймет, что мы не враги его и не изгои, но и не льстецы и не растлители: что мы – его старшие братья, насмерть борющиеся за его душу и за его разум, непоколебимо верящие в его Православием возвращенную совесть и в его исконный государственный смысл.

И тогда правое дело победит.

Редактор

Армия

Существует мнение, – в наше время оно стало очень распространенным, – будто после великой войны, когда «народы устали», достаточно собрать молодых людей (мужчин или женщин, все равно), дать им оружие, обучить их, как им владеть, – и армия готова.

В наши дни военная техника стала весьма совершенна. Изобретено множество машин для истребления людей: пулеметы, дальнобойные тяжелые пушки, аэропланы, газы, танки...

Но (хотя это и кажется неправдоподобным) научить солдата владеть сложными современными орудиями войны – легче и скорее, чем грошовым орудием далекой старины.

Это не парадокс. Пулемет состоит из сотни мелких частей, гаек, винтов, пружин и колец; а шашка – из рукоятки, клинка и ножен. Но управлять пулеметом легче, чем рубить шашкой. Чтобы хорошо рубить, горцы и казаки с детства обучаются этому искусству: рубят лозу, глину, солому; рубят по водяной струе – по воде, так, чтобы она не давала всплесков; по бараньей туше, по свободно повешенному арбузу... И точно так же – научиться управлять мудреным танком или броневиком легче, чем научиться ездить верхом на самой немудреной лошади.

Машина упростила и облегчила участие в войне. Отсюда соблазн – сократить сроки службы. Отсюда соблазн – *учить солдата, но не воспитывать его*. Отсюда соблазн – делать солдатом *всякого* (и антимилитариста, и врага нации и родины – коммуниста)...

Армию называют великой молчальницей – «*le grande muette*». Ибо армия есть только покорное орудие в руках правительства, слепо и безоговорочно исполняющее все его предписания. Но эта великая молчальница говорит самым громовым голосом: голосом пушек и пулеметов; самым страшным языком – языком смерти. Она убеждает самым жестоким способом – способом крови.

Как же высоко должно быть *воспитание* армии, из каких *рыцарственных* элементов она должна состоять – для того, чтобы *иметь право переступить через кровь*; для того, чтобы быть готовой *отдать все* – покой и уют, семейное счастье, силы, здоровье, и самую жизнь во имя Родины, во имя ее спасения и блага.

Армия должна защищать Родину от врагов, от *всяких* врагов – «внешних и внутренних». Она должна отстаивать *неприкосновенность* границ государства, обеспечивать в стране *мирную жизнь*, оборонять Родину от порабощения извне и от унижения и разорения изнутри. Если минувшая война была сурова – если она поставила под удар миллионы людей, никогда не готовившихся к войне, то грядущая война (а она придет, рано или поздно!) будет еще более жестока...

Сильно развившаяся военная техника даст неприятелю возможность перенести войну за войсковой фронт, – глубоко в тыл, через «позицию», устроенную армией. Соблазн поколебать умы, вызвать у враждебного народа «пораженческую психологию» и тем принудить его к сдаче – вызовет попытки разрушить жизненные, питающие армию центры. Дальнобойные пушки будут направлены на города с мирным населением. Аэропланы будут сбрасывать бомбы с удушливыми газами и микробами, будут стремиться достигнуть центров управления страной – столиц, промышленных и фабричных районов, чтобы внести панику среди служащих, разрушить чиновничий, бюрократический аппарат страны, прекратить работу заводов, разогнать рабочих. Специальные армии агитаторов и пропагандистов заблаговременно направятся в тыл, чтобы сеять смуту. Забастовки, рабочие беспорядки, митинги протеста против войны, пораженческая литература, – все это будет мутить и отравлять внутреннюю жизнь страны.

«Внутренний враг» не всегда различаем, плохо осязаем, трудно уловим. Он искусно прячется в лукавых сердцах. Он ходит в овечьей шкуре социализма. Он соблазняет ложными посулами. Борьба с ним тогда, когда он уже развернул красные флаги мятежа и вышел на улицу – поздно. Жертвы в столкновениях вызывают жалость и смутное сочувствие к бунтовщикам, и не ослабляют, но разжигают и расширяют мятежное движение. Борьба с погромами, когда они уже начались и пошли, какие бы они ни были, – погромы ли усадеб, торговых лавок и рядов, или еврейских предместий, – есть очень трудная задача. Поэтому армия должна *уметь предупреждать* эти болезненные вспышки: она должна иметь такое влияние на народ, чтобы одна *мысль о существовании армии* – не допускала в душах и желаниях беспорядков.

И вот, во время войны армия будет защищать страну своею грудью от вторжения врагов; она близко подойдет к гражданскому населению, и от ее поведения и настроения, от ее духа будет зависеть успех или неуспех, победа или поражение.

А в мирные годы, не угрожаемые внешним врагом, на армию ляжет тяжелый и ответственный труд такого *воспитания* народа, чтобы никакие беспорядки, никакие погромы не были возможны. Это будет делом не только армии, но прежде всего армии, как *живого средоточия волевой дисциплины*.

Может ли армия, при таком своем назначении, быть только толпой, обученной владеть орудиями войны? Может ли она представлять из себя только вооруженную массу, не *объединенную общими, великими, религиозными и государственными идеями*?

Чем лучше будет вооружена такая толпа, и чем она лучше будет владеть своим оружием, *тем опаснее она будет для самого государства*. Не воспитанная заранее в духе самоотречения и жертвы, – в пору войны, ее опасностей и страхов она дрогнет перед врагом. В ней встанет *свое, личное*. Она до ужаса осознает силу военного оружия, – не своего для неприятеля, а неприятельского для себя, – и побежит, все разрушая на своем пути. В пору мирной жизни не воспитанная в духе дисциплины и повиновения, она забудет свое призвание к «великому молчанию», и, отдаваясь различным течениям, сама внесет в государство кровавый бунт – военный мятеж...

Армия есть как бы *лицо государства*. Армия есть то открытое, по чему соседи судят о его силе, мощи и значении. Воспитана армия, дисциплинирована, отлично вооружена, хорошо одеты ее солдаты, сыты, здоровы и сильны, – и сдержаннее язык ее соседей, скромнее их притязания.

Армия есть *школа для народа*. Не только потому, что через ее ряды при всеобщей воинской повинности проходит почти все мужское население нации и учится в ней долгу, мужеству и патриотизму, но еще и потому, что армия проникает во все слои общества и по ее поведению на маневрах, ученьях, смотрах, по *виду* ее офицеров и солдат, по их *поступкам*, по их *разговорам* все судят о духовной силе своего государства, все учатся уважать и любить свое отечество.

Но армия – не вооруженный народ; и вооруженный народ – не армия. Нельзя воспитать весь народ, как армию; но надо выделить из народа некоторую часть его, сделать из этой части офицеров, унтер-офицеров и кадровый состав, и сказать про них – *это армия!* И все, что вольется в нее, должно быть во всем им подобно.

Эта кадровая армия должна блюсти и разуметь религиозный смысл своего бытия; она должна быть армией *христианской*, христоролюбивым воинством, ибо только заповедью Христовой – возлюбить ближнего своего так, чтобы положить за него свою душу – могут быть обоснованы и приятие оружия, и своя и чужая кровь, и муки ранения, и самая смерть.

«Воины благочестивые, славою и честью венчаные!»

Эта армия должна быть *патриотичной*. Она должна любить Родину, не критикуя ее; она должна уметь ценить ее прошлое, понимать и прощать недостатки этого прошлого и любить величие, красоту и славу своих предков.

«Горжусь, что я – Русский!»

Армия должна быть *духовно скромна, не стяжательна, гостеприимна, добра*, готова на всякий прекрасный порыв и на великую жертву.

Армия – *рыцарский орден!* И народу своему она несет защиту и помощь, а не обиду и утеснение.

«Обывателя не обижай – он нас кормит и поит. Солдат не разбойник».

В своей внутренней жизни армия должна быть дружна. Ее члены – братья. Не равные, не товарищи, но *братья*. Ни подкопов друг под друга, ни интриг, ни подсиживания,

ни карьеризма, ни сплетен, ни наущничания, ни подлизывания к старшим, ни амикошонства – в армии быть не должно.

«Зри в части семью. В начальнике – отца, в товарищах – братьев». «Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет». «Чудо богатыри! Бог вас водит – Он вам генерал».

Этими заветами Суворова должна жить и дышать армия.

Всегда и везде она должна быть образцом *воинского долга* и *самопожертвования*. Может ли быть воинский чин, – офицер или солдат, – пьян? Может ли он непристойно вести себя? – грабить, насильничать, брать «подарки от благодарного населения», высказывать панические взгляды, поддаваться пораженческому настроению, критиковать свое начальство и свой полк?

«Наш полк», его Знамя, его прошлое, его традиции – *святыня* для солдата!

В армию должны идти не только физически наиболее крепкие люди, но и *самые сильные духовно*, с воспитанною, твердою волею. Принадлежностью к армии надо *гордиться*. И весь народ должен любить свою армию и отдавать ей все лучшее. Семья должна отдать в армию лучшего ребенка; коннозаводчик – лучшую лошадь; фабрикант – лучшее изделие; заводчик – лучшую машину; рабочий – самую тщательную свою работу.

Если я в армии – то я горжусь и я счастлив тем, что я в армии, что я солдат.

«Мы – Русские солдаты!»

Если же мне не дана эта высокая честь, то я *горжусь* тем, что у меня, в моей Родине, в моей России – такая прекрасная армия. Я снимаю шапку перед ее знаменами. Я с уважением смотрю на своего отца, на своего брата, на своего сына в его военном мундире. Он – рыцарь! Он – лицо нашего народа. По нему судят и обо мне.

В прошлом и армия грешила против всего этого, и мы грешили против нее. Особенно те, кто называется «обществом». Разве не было в русском обществе, как в сказке про Иванушку-дурачка: «У старинушки три сына. Старший – умный был детина...» – и пошел в институт инженеров путей сообщения или на юридический факультет университета (карьера!.. инженер!.. адвокат!.. любовь женщин... деньги... слава...).

– «Средний был и так и сяк...» – и пошел на физико-математический или естественный факультет (семья... профессура... учитель... «Хоть денег и немного, зато хорошая репутация в обществе...»).

– «Младший вовсе был дурак...» – и пошел в юнкерское училище (нищета... казарменная вонь... солдаты... «Мы свою дочь не можем за него отдать – он офицер в полку...»).

Тяжело было Русской армии. Она была изолирована. Но она держалась – Троном. Неизменною, традиционную любовью, милостями и трогательным вниманием Российских Государей к армии. Мы же, общество, мы если и подходили к армии, то или со снисходительной насмешкой («Полковник Скалозуб, прикажете принять?»), или с сентиментальным и любопытствующим сочувствием (капитан Тушин, Максим Максимыч, купринский Ромашов).

Строя великую, могущественную, славную, честную, христианскую и православную Россию, – мы должны ответственно и заботливо подойти не только к *вооружению* и *обучению* ее армии, но и к отбору в эту армию всего лучшего, всего благородного, прекрасного в полном значении этого слова; – и, далее, к *воспитанию* действительно *христолюбивого, победоносного Российского Воинства*. Так, чтобы с Русскою армией всегда был «Бог крепок, Властитель, Начальник мира». Ибо этот необходимый России мир, мир прочный, и внешний и внутренний, даст ей только такая армия, которая будет покорна сему великому «Начальнику мира»: Он – «Бог крепок! Чуден Советник – миру его несть предела!...»

Таковы заветы Суворова. Они указуют нам путь¹⁰⁹. Ноябрь. 1927 г. П. Н. КРАСНОВА¹¹⁰

¹⁰⁹ От редакции: В четвертой книжке «Русского колокола» будет помещена статья П. Н. Краснова «Казачи. Их прошлое, настоящее и возможное будущее».

Будущее русского крестьянства

Мы должны верно предвидеть будущее; знать, чего мы хотим; и хотеть только того, что ведет к величию России.

Величие России требует, во-первых, *духовного оздоровления русской интеллигенции*, этого служилого, организующего и воспитывающего слоя: национальная соль должна восстановить свою силу.

Величие России требует, во-вторых, подъема русского земледелия и русской промышленности; и, прежде всего – *хозяйственного и культурного расцвета русского земледельческого класса, крестьянства*.

Крестьянство составляет *количественно основной массив* русского народа: до трех четвертей всего населения. Так было и до революции: из каждых десяти человек, самостоятельно зарабатывавших себе пропитание, от семи до восьми человек работали так или иначе на земле; и в этом отношении все остальные страны уступали России.

Это означает, что в вопросах *физического труда, колонизации, армии и рынка* крестьянство являлось в России главной, – хотя и пассивно-стихийной, – творческой силой. По-прежнему, как и сто лет назад, русский простой человек в массе был проникнут «духом земли» и внутренне ведом «властью земли»: этот «дух» определял собою настроение русских рабочих масс; он продолжал процесс многовековой колонизации русских пространств; он слагал весь основной контингент армии и устанавливал уровень русского массового потребителя.

В то же время крестьянство оставалось в России главным *хранителем русского национального уклада и быта*, – в этом отношении являясь сразу и жертвой *инерции* (в хозяйстве и в умственной культуре), и оплотом здорового *консерватизма* (в религии, языке, искусстве и государственности). Крестьянская масса всегда и всюду выступает, как сила народно-государственной косности, как сдерживающий и уравнивающий социально-политический груз, как стихия почвенности и деловитой трезвости. И всегда бывает так, что эти драгоценные *консервативные* свойства его проявляются тем продуктивнее и спасительнее, чем больше оно преодолевает в себе *реакционную* – умственную и хозяйственную – *косность*.

¹¹⁰ *Краснов* Петр Николаевич (1869–1947) – генерал-лейтенант, один из самых ярких участников гражданской войны 1917–1921 гг., в 1918 г. атаман Войска Донского и командующий белоказачьей армией. В 1919 г. эмигрировал в Германию. В 1945 г. был выдан союзниками Сталину, расстрелян в 1947 г. ¹⁰³ Мф. 10,16.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.